

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTE
SOCIĀLO ZINĀTŅU FAKULTĀTE
SOCIĀLO PĒTĪJUMU INSTITŪTS

**SOCIĀLO ZINĀTŅU
VĒSTNESIS**

SOCIAL SCIENCES BULLETIN
ВЕСТНИК СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

2014 1 (18)

Žurnālā “Sociālo Zinātņu Vēstnesis” tiek publicēti oriģināli zinātniskie raksti sociālajās zinātnēs (socioloģijā, politikas zinātnē, ekonomikā, sociālajā psiholoģijā, tiesību zinātnē), kā arī zinātnisko pētījumu recenzijas, konferenču apskati, informācija par zinātnisko dzīvi. Redakcija pieņem rakstus latviešu, angļu un krievu valodā.

Redakcijas kolēģija

V. Meņšikovs, redakcijas kolēģijas priekšsēdētājs (Daugavpils, Latvija), D. Beresnevičiene (Šauļi, Lietuva), G. Gajtadze (Kutaisi, Gruzija), A. Ivanovs (Daugavpils, Latvija), N. Jazdanijs (Lahore, Pakistāna), E. Jermolajeva (Jelgava, Latvija), V. Justickis (Viļņa, Lietuva), V. Kosiedovskis (Toruņa, Polija), A. Matuļonis (Viļņa, Lietuva), O. Oslands (Oslo, Norvēģija), Ž. Ozoliņa (Rīga, Latvija), S. Partyckis (Lubļina, Polija), B. Rivža (Jelgava, Latvija), G. Sokolova (Minska, Baltkrievija), V. Speranskis (Maskava, Krievija), P. Šašvarijs (Miskolca, Ungārija), M.J. Šutena (Koviljana, Portugāle), T. Tisenkopfs (Rīga, Latvija), J. Vankeviča (Vitebska, Baltkrievija), A. Vorobjovs (Daugavpils, Latvija), V. Zahars (Daugavpils, Latvija)

Redakcija

V. Boroņenko (redaktore), M. Nesterova (redaktore vietniece), A. Moziro, I. Ostrovska, A. Ruža, O. Ruža, J. Semeņeca (sekretāre), V. Špilova (redaktore vietniece), V. Volkovs, Z. Zeibote

Adrese

Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes Sociālo pētījumu institūts,
Parādes 1, Daugavpils, LV-5400, Latvija.
Tāl. (+371)65422163 E-pasts vera.boronenko@du.lv

Izdevējs

Daugavpils Universitāte

Reģistrācijas Nr. 000702889

Reģistrācijas apliecība Nr. M 000331

Dibināts 2004. gadā

© Daugavpils Universitāte

ISSN 1691-1881

Ir iekļauts datu bāzē: / Included in the database: / Включён в базу данных:
EBSCOhost SocINDEX, Central European Journal of Social Sciences and
Humanities (CEJSH), World Interdisciplinary Network for Institutional
Research (WINIR), Electronic Journals Library of University of Regensburg

“Social Sciences Bulletin” publishes original research papers on the problems of social sciences (sociology, political sciences, economics, social psychology, law), as well as review articles, information on conferences and scientific life. The Editorial Board accepts articles in English, Latvian, and Russian.

Editorial Board

V. Meņšikovs, Chairman of the Editorial Board (Daugavpils, Latvia), A. Aasland (Oslo, Norway), D. Beresnevičiene (Šiauliai, Lithuania), G. Gavtadze (Kutaisi, Georgia), A. Ivanovs (Daugavpils, Latvia), E. Jermolajeva (Jelgava, Latvija), V. Justickis (Vilnius, Lithuania), W. Kosiedowski (Toruń, Poland), A. Matulionis (Vilnius, Lithuania), Ž. Ozoliņa (Riga, Latvia), S. Partycki (Lublin, Poland), B. Rivža (Jelgava, Latvia), P. Sasvari (Miskolc, Hungary), M.J. Schouten (Covilhã, Portugal), G. Sokolova (Minsk, Belarus), V. Speransky (Moscow, Russia), T. Tisenkopfs (Riga, Latvia), Y. Vankevich (Vitebsk, Belarus), A. Vorobjovs (Daugavpils, Latvia), N. Yazdani (Lahore, Pakistan), V. Zahars (Daugavpils, Latvia)

Editorial Staff

V. Boroņenko (editor), M. Ņesterova (associate editor), A. Mozyro, I. Ostrovska, A. Ruža, O. Ruža, J. Semņeca (secretary), V. Sipilova (associate editor), V. Volkovs, Z. Zeibote

Address

Institute of Social Investigations, Faculty of Social Sciences, Daugavpils University,
Parādes 1, Daugavpils, LV-5400, Latvia.
Tel. (+371)65422163 E-mail vera.boronenko@du.lv

Publisher

Daugavpils University

Registration No. 000702889

Registration certificate No. M 000331

Established in 2004

© Daugavpils University

SATURS

RAKSTI/ARTICLES/СТАТЬИ

Ekonomika/Economics/Экономика

- Elena Vankevich. ОБНОВЛЕНИЕ ОРИЕНТИРОВ ПОЛИТИКИ
ЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ** 7
Nodarbinātības politikas orientieru atjaunošana mūsdienu apstākļos
Renewal of employment policy benchmarks in the modern context

Socioloģija/Sociology/Социология

- Dina Bite. DECENT WORK IN POINT OF VIEW OF LATVIAN
TEACHERS** 24
Cienīgs darbs Latvijas skolotāju skatījumā
Достойный труд в оценках учителей Латвии
- Ginta Kronberga. UNIVERSITIES IN KNOWLEDGE TRANSFER
IN LATVIA** 34
Augstskolas zināšanu pārnēsē Latvijā
Высшие учебные заведения в процессе переноса знаний в Латвии

Sociālā psiholoģija/Social psychology/Социальная психология

- Aivis Dombrovskis. IDENTITĀTES KRĪZES APTAUJAS SKALAS
PSIХОMETRISKIE RĀDĪTĀJI LATVIJAS VIDĒ** 60
Identity crisis inquiry scales psychometric indices in environment of
Latvia
Психометрические показатели шкалы опросника кризиса
идентичности в латвийской среде
- Margarita Nesterova, Alexey Ruza. PRISONERS' REPRESENTATIONS
OF JUSTICE AND BELIEF IN A JUST WORLD** 81
Ieslodzīto sociālie priekšstati par taisnīgumu un ticība taisnīgai pasaulei
Представления заключённых о справедливости и вера в
справедливый мир

Tiesību zinātne/Law/Юриспруденция

Алла Олейник. НАЛОГОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ И ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	94
Nodokļu saistības nodokļu maksātāja pienākumu sistēmā: Ukrainas un Latvijas Republikas likumdošanas salīdzinošais raksturojums	
The tax duty in the system of taxpayer duties: comparative characteristics of legislation of Ukraine and the Republic of Latvia	

РАКСТІ

ЕКОНОМІКА

Елена Ванкевич

ОБНОВЛЕНИЕ ОРИЕНТИРОВ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Необходимость сочетания гибкости рынка труда с социальной защищенностью работников нашло отражение в концепции *flexicurity*. Однако современные тенденции развития экономики (глобализация, формирование е-экономики, структурные сдвиги) и обострение проблем занятости во всех странах свидетельствуют, что основные ориентиры политики занятости снова нуждаются в модернизации. В работе показано, что взаимосвязь между гибкостью рынка труда и уровнем безработицы достаточно неоднозначная. В большей степени гибкость рынка труда влияет на уровень и структуру занятости, а не на уровень безработицы. Такие инструменты повышения гибкости, как перевод работников на временные и нестандартные формы занятости являются достаточно эффективными инструментами повышения занятости в краткосрочном периоде. Но в долгосрочном периоде необходимо совершенствовать институциональное строение рынка труда для обеспечения его гибкости. Общая европейская платформа действий в этом направлении, выраженная в программе Достойного труда Международной Организации Труда и концепции *flexicurity*, как показал опыт, нуждается в модернизации с учетом исторического опыта развития конкретной экономики и развития в ней формальных и неформальных институтов рынка труда, скорости протекания структурных изменений и встроенности в глобальный процесс, ориентиров социально-экономического развития страны. Для Республики Беларусь в этих условиях особую актуальность приобретают прикладные вопросы обновления ориентиров государственной политики занятости, поскольку следование идеям полной занятости обусловило слабую инновационную восприимчивость белорусской экономики и инертность ее структуры, что обеспечивается переносом основных проблем с макро- на микро-уровень. Необходимыми для национальной модели рынка труда Республики Беларусь направлениями государственной политики занятости являются: усиление адресности программ активной политики на рынке труда, изменение принципов социального страхования, сокращение практики стимулирования создания новых рабочих мест в бюджетных отраслях экономики, совершенствование законодательства о защите занятости, что означает снижение жесткости регулирования высвобождения работников; принятие нормативных документов, регулирующих гибкие формы высвобождения и управления персоналом (аутплейсмент, лизинг персонала, аутсорсинг); ослабление привязки зарплатообразования к единой тарифной системе; использование безтарифной системы оплаты труда; снижение налогообложения фонда заработной платы и разделение

участия социальных партнеров в формировании отчислений с него в фонд социальной защиты населения. Перечисленные направления являются модификацией концепции *flexicurity* для обеспечения эффективности рынка труда в подстройке к изменениям экономики.

Ключевые слова: гибкость рынка труда, политика занятости, уровень занятости, уровень безработицы, *flexicurity*.

Nodarbinātības politikas orientieru atjaunošana mūsdienu apstākļos

Nepieciešamība apvienot darba tirgus elastību ar darbinieku sociālo aizsardzību guva atspoguļojumu *flexicurity* koncepcijā. Tomēr mūsdienu ekonomikas attīstības tendences (globalizācija, e-ekonomikas veidošanās, strukturālās novirzes) un aizņemtības problēmu aktualizēšanās visās valstīs parāda, ka atkal nepieciešama galveno nodarbinātības politikas orientieru modernizācija. Darbā atspoguļots, ka pastāv pretrunas savstarpējā saistībā starp darba tirgus elastību un bezdarba līmeni. Darba tirgus elastība lielākā mērā ietekmē nodarbinātības līmeni un struktūru, nevis bezdarba līmeni. Tādi elastības paaugstināšanas instrumenti kā darbinieku pāreja uz pagaidu un nestandarta nodarbinātības formām ir pietiekami efektīvs līdzeklis, lai palielinātu nodarbinātību īstermiņā. Tomēr ilgtermiņā, lai nodrošinātu darba tirgus elastīgumu, nepieciešams pilnveidot tā institucionālo struktūru. Eiropas rīcības pamatnostādnes šajā virzienā tiek atspoguļotas Starptautiskās darba organizācijas Pienācīga darba programmā un *flexicurity* koncepcijā. Bet pieredze rāda, ka šīm pamatnostādnēm ir nepieciešama modernizācija, ņemot vērā konkrētās ekonomikas vēsturisko attīstības pieredzi un tās formālo un neformālo darba tirgus institūciju attīstību, strukturālo izmaiņu ātrumu un iekļautību globālajā procesā, kā arī valsts sociāli ekonomiskās attīstības orientierus. Šajos apstākļos Baltkrievijas Republikai īpaši nozīmīgi kļūst lietišķie jautājumi, kas skar valsts nodarbinātības politikas orientieru atjaunošanu, jo sekošana pilnīgas nodarbinātības idejām izraisīja vāju Baltkrievijas ekonomikas inovatīvo uzņēmību un tās struktūras inertumu, kas izpaužas galveno problēmu pārnesē no makro uz mikro līmeni. Baltkrievijas Republikas nacionālā darba tirgus modeļa izveidei nepieciešami šādi valsts nodarbinātības politikas virzieni: aktīvas politikas programmu mērķtiecības pastiprināšana darba tirgū, sociālās apdrošināšanas principu izmaiņas, darba vietu radīšanas apkarošana sabiedriskajā sektorā, likumdošanas pilnveidošana darba aizsardzības jomā, kas nozīmē darbinieku atļaušanas regulējuma stingrības samazināšanu; normatīvo dokumentu ieviešana, kas nodrošinās elastīgas personāla atbrīvošanas un vadīšanas formas (autpleisments, personāla lizings, autsorsings); algas veidošanās piesaistes vienotai tarifu sistēmai vājināšana, beztarifa darba apmaksas sistēmas izmantošana; darba algas fonda nodokļu samazināšana un sociālo partneru piedalīšanās sadale pārskaitījumu veidošanā iedzīvotāju sociālās aizsardzības fondā. Nosauktie virzieni ir *flexicurity* koncepcijas modifikācija darba tirgus efektivitātes nodrošināšanai atbilstoši ekonomikas izmaiņām.

Atslēgas vārdi: darba tirgus elastība, nodarbinātības politika, nodarbinātības līmenis, bezdarba līmenis, *flexicurity*.

Renewal of employment policy benchmarks in the modern context

The necessity to combine labour market flexibility with social security has driven to the concept of flexicurity. However, current trends of economic development (globalization, e-Economy, structural shifts) and exacerbation of employment are taking place in all countries signaling the urge for the modernization of employment policy benchmarks. The paper reveals vagueness in relationship between the labour market flexibility and the level of unemployment. To greater extent, it is the level of employment and its structure rather than the level of unemployment that the labour market flexibility influences on. The transfer of workers to temporary

and non-standard types of employment is rather an effective tool to increase the employment efficiency in the short run. However, it is necessary to further develop the institutional formation of the labour market in order to make it flexible in the long-term period. Experience shows that the common European platform, being outlined in ILO principles of Decent work and the concept of flexicurity, needs modernization while considering historical experience in the development of a certain economy and maturity of its formal and informal institutions of labour market together with the rate of structural changes and integration into the global process, and benchmarks of social and economic development of the country. In this context action-oriented issues of renewal of state employment policy benchmarks have been of special interest in the Republic of Belarus since the concept of full employment caused weak acceptance of innovation by Belarusian economy and stagnancy of its structure which is fueled by transferring of major problems from macro- to microlevel. The necessary benchmarks of state employment policy for the national model of the labour market of the Republic of Belarus are the following: strengthening of addressness of active labor market policies, changes in principles of social security programs, reduction of incentives for the creation of new jobs in state financed industries, enhancement of the employment security legislation which means reduction in rigidity of layoff regulation; adoption of regulations governing flexible forms of layoffs and personnel management (outplacement, staff leasing, outsourcing); weakening of wage formation binding to the Unified tariff system; use of non-tariff system of remuneration; payroll tax reduction and sharing contributions to the Social Security Fund among social partners. The abovementioned trends present the modification of the concept of flexicurity which provide for labour market efficiency under the process of adjustment to the economy changes.

Key words: labour market flexibility, employment policy, level of employment, level of unemployment, flexicurity

Введение

Развитие глобальной е-экономики и перенос акцента в формировании конкурентных преимуществ на человеческий капитал и инновации значительно модифицируют требования к составу функций, выполняемых рынком труда. Сформированные во второй половине XX века модели рынка труда большинства европейских стран, ориентированные на жесткое законодательство о защите занятости, активный институт социального партнерства, регламентацию условий труда и оплаты, введение института минимальной заработной платы, социально ответственного реструктурирования оказались уязвимыми в свете перманентных структурных изменений экономики конца XX – начала XXI веков. Специалистами неоднократно высказывалось мнение о том, что излишне жесткий рынок труда является одной из причин затяжных проблем в сфере занятости и кадрового сопровождения экономического роста (Никкел С., Лайард Р., Вишневская Н., др.). Ситуацию усугубляет значительная активизация трудовой миграции в мире и в Европе, так как в процессе глобализации миграционные барьеры снижаются (Mensikovs, Vanags 2011). Поэтому требование повышения гибкости рынка труда обусловило институциональные реформы во многих европейских странах в русле концепции *flexicurity* как попытки соединения необходимой степени гибкости рынка труда и социальной защищенности (Дания, Швеция, Германия, Норвегия, др. страны). Однако содержание реформ по повышению гибкости рынка труда, а также их результаты значительно дифференцированы в разрезе европей-

ских стран. Обостряющиеся проблемы в области занятости практически во всех странах свидетельствуют, что в настоящее время основные ориентиры политики занятости снова нуждаются в модернизации, результативность которой зависит от конкретно-исторического развития страны и комплексности проводимых реформ рынка труда.

Для Республики Беларусь в этих условиях особую актуальность приобретают прикладные вопросы обновления ориентиров государственной политики занятости, поскольку рынок труда в ней традиционно оценивается как жесткий. Однако более детальное изучение особенностей жесткости/гибкости рынка труда в Республике Беларусь (Vankevich 2009) показало, что институциональная жесткость, жесткость численности занятых и заработной платы на макро-уровне сочетается с достаточно высокой подвижностью ресурсов труда (рабочего времени) и цены труда (затраты работодателя на персонал) на микро-уровне. Однако следование идеям полной занятости обусловило слабую инновационную восприимчивость белорусской экономики и инертность ее структуры, что обеспечивается переносом основных проблем с макро- на микро-уровень.

Поэтому исследовательскую гипотезу можно сформулировать следующим образом:

- 1) существует связь между степенью гибкости рынка труда и его результативностью, оцененная через уровень занятости и уровень безработицы, которая дифференцирована в разрезе категорий населения;
- 2) концепция *flexicurity* нуждается в дополнении основных положений с учетом современных тенденций развития экономики;
- 3) современные ориентиры государственной политики занятости в Республики Беларусь нуждаются в комплексном обновлении.

Опыт управления гибкостью рынка труда: достигнутые теоретические и прикладные результаты

Теоретическим фундаментом сочетания гибкости рынка труда с необходимым уровнем социальной защищенности является концепция *flexicurity* (Cazes, Nesrogoва 2007), которая означает баланс между конкурентоспособностью и социальной защитой, эффективностью рынка труда и усилением позиций социальных партнеров.

Основной концепции «*flexicurity*» являются следующие элементы:

- 1) законодательство о защите занятости;
- 2) активная политика на рынке труда;
- 3) система непрерывного образования и переподготовки в течение всей трудовой жизни работника;
- 4) система социальной защиты населения.

Наиболее полно и последовательно основные идеи концепции *flexicurity* реализуются в Дании, Германии, Швеции и Нидерландах. Причем результаты рынка труда в данных странах намного лучше по сравнению со средними значениями в странах ЕС: уровень занятости в 2012 году в ЕС-28 составил – 64,1%, в Дании –

72,8%, в Нидерландах – 75,1%. Средний уровень безработицы в странах ЕС-28 достиг в 2012 году 10,5 %, в то время как в Дании он был равен 7,5%, в Нидерландах – 5,3%. Зато удельный вес лиц, работающих неполный рабочий день, в Дании составил 24,8%, в Нидерландах – 49,2% при среднем значении в странах ЕС-28 – 19,1% (см. Табл. 1).

Это позволило экспертам (Evropejskoje regionalnoe sovesanie 2009) сделать вывод об эффективности концепции *flexicurity*. Однако под влиянием мирового финансово-экономического кризиса обнажились и определенные недостатки данной концепции, что потребовало внесения изменений в механизм функционирования рынка труда в направлении его либерализации. Результаты либерализации рынков труда оказались различными. Например, в Германии они были в большей степени положительными, в Испании – менее удачными (см. Табл. 1, 2).

Таблица 1
Динамика основных индикаторов рынка труда стран ЕС, 2003 – 2013 гг.

Страна	Уровень занятости, %		Уровень безработицы, %		Динамика удельного веса работающих неполный рабочий день в численности занятого населения, %		Динамика удельного веса временно работающих, %	
	2003	2012	2002	2012	2002	2012	2004	2012
1	2	3	4	5	6	7	8	9
ЕС-28	62,5	64,1	8,9	10,5	15,7	19,2	13,2	13,7
Зона евро (18 стран)	62,6	63,8	8,5	11,4	15,7	20,9	15,0	15,2
Бельгия	59,6	61,8	7,5	7,6	19,3	24,7	8,7	8,1
Болгария	52,5	58,8	18,2	12,3	2,7	2,2	8,0	4,4
Чехия	64,7	65,7	7,3	7,0	4,3	5,0	8,8	8,3
Дания	75,1	72,6	4,6	7,5	20,0	24,8	9,8	8,6
Германия	65,0	72,8	8,7	5,5	20,3	25,7	12,5	13,9
Эстония	63,0	67,1	10,3	10,2	6,0	9,2	2,9	3,5
Ирландия	65,5	58,8	4,5	14,7	16,3	23,5	3,4	10,1
Греция	58,7	51,3	10,3	24,3	4,2	7,6	12,4	10,0
Испания	59,8	55,8	11,4	25,0	8,0	14,6	32,2	23,4
Франция	63,9	63,9	8,3	10,2	16,1	17,7	12,8	15,0
Хорватия	53,4	50,7	15,1	15,9	7,0	6,3	12,4	12,8
Италия	56,1	56,8	8,5	10,7	8,5	16,8	11,9	13,8
Кипр	69,2	51,7	3,5	11,9	6,3	9,7	13,1	15,1
Латвия	61,8	63,0	12,5	15,0	8,6	8,9	9,2	4,7
Литва	61,1	62,0	13,9	13,4	9,5	8,9	6,5	2,6
Люксембург	62,2	65,8	2,6	5,1	11,6	18,5	4,8	7,6
Венгрия	57,0	57,2	5,6	10,9	3,4	6,6	6,9	9,4

Продолжение таблицы 1 см. на с. 12

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Мальта	54,2	59,1	7,4	6,4	8,4	13,2	3,2	6,8
Нидерланды	73,6	75,1	3,1	5,3	43,4	49,2	14,4	19,3
Австрия	68,9	72,5	4,2	4,3	18,7	24,9	9,5	9,3
Польша	51,2	59,7	20,0	10,1	9,6	7,2	22,5	26,8
Португалия	68,1	61,8	5,7	15,9	8,4	11,0	19,9	20,7
Румыния	57,6	59,5	7,5	7,0	9,7	9,1	2,8	1,7
Словения	62,6	64,1	6,3	8,9	5,8	9,0	17,8	17,0
Словакия	67,7	59,7	18,8	14,0	1,8	4,0	5,3	6,7
Финляндия	67,7	69,4	9,1	7,7	12,1	14,1	17,1	15,5
Швеция	72,9	73,8	6,0	8,0	20,4	25,0	15,5	15,9
Великобритания	71,5	70,1	5,1	7,9	24,5	25,9	5,6	6,2

Источник: Eurostat 2014.

Данные таблиц 1 и 2 показывают, что общий уровень занятости населения в странах ЕС-28 за 2003–2012 гг. в 15 странах снизился, но при этом уровень занятости женщин возрос в 22 странах из 28. В 25 странах значительно повысился уровень занятости пожилых людей. Однако уровень безработицы среди молодежи в большинстве стран при этом остается в динамике роста. То есть повышение гибкости рынка труда сопровождалось расширением занятости женщин, пожилых людей и снижением занятости мужчин. Молодежь оказалась наиболее уязвимым сегментом на рынке труда.

В Германии либерализация рынка труда (2003–2005 гг.) началась с расширения нестандартных форм занятости (повышение доли работников на условиях срочных трудовых договоров), что постепенно ослабило степень институциональной защиты стандартной занятости (на условиях полного рабочего дня и бессрочных трудовых договоров). Флексибилизация институтов рынка труда Германии проводилась по нескольким направлениям (Vishnevskaja 2013):

- 1) реформирование работы органов государственной службы занятости на основе измененных критериев (оценка их деятельности не по количеству обслуживаемых лиц, а по проценту трудоустройства):

усиление адресности в реализации программ активной политики на рынке труда – при снижении размера ассигнований в 1,6 раза изменилась их структура. Приоритет получили программы, направленные на ускоренную интеграцию безработных на рынке труда и создание безработными собственного бизнеса, причем помощь оказывается не всем безработным, а только выделенным в результате профилирования¹ более узким группам (Vishnevskaja 2013):

¹ Профилирование безработных – это система разделения безработных на категории (группы) в соответствии с риском длительной безработицы, который оценивается на основании индивидуальных характеристик безработного, отражающих потенциал трудоустройства и мотивацию к трудоустройству, с последующим определением оптимального с точки зрения повышения шансов трудоустройства набора активных программ занятости

- свертывание программ субсидируемой занятости и отбор программ повышения квалификации и переподготовки не по количеству обратившихся в органы государственной службы занятости, а по показателю их эффективности (то есть проценту трудоустроенных безработных после прохождения программ);
  - создание конкуренции в области предоставления услуг по трудоустройству между государственными и негосударственными службами и кадровыми агентствами,
  - индивидуализация работы с безработными;
- 2) изменение системы социального страхования в направлении «усиления личной ответственности каждого застрахованного и стимулирования поиска получателем пособий нового рабочего места» (Vishnevskaja 2013). Учитывая достаточно щедрые программы помощи безработным, акцент в процессе реформирования был сделан на активизации самого безработного в поиске рабочего места и трудоустройстве, на повышении его ответственности и расширении обязанностей. Кроме того, изменился подход к определению понятия подходящего рабочего места в части необязательности сохранения прежнего уровня заработной платы и занятости на полный рабочий день. Изменение системы социального страхования было направлено на упрощение системы выплат пособий по безработице, сокращение его размера и сроков получения, дополнение обязанностей трудоустройства всех трудоспособных членов семьи безработного, отменой досрочных пенсий, поэтапное увеличение пенсионного возраста. Эти меры способствовали снижению размера социального налога при равнозначном его делении между социальными партнерами;
- 3) стимулирование спроса на рабочую силу – распространялось в первую очередь на расширение нестандартных рабочих мест² (главным отличием которых является нестабильность занятости и, как следствие, нестабильность получения заработка). Расширение сектора так называемых «нестандартных рабочих мест» создавало давление на занятых на условиях постоянной заня-

---

для тех групп, помощь которым со стороны службы занятости является экономически эффективной на определенных типах регионального рынка труда. Профилирование предназначено для повышения эффективности работы службы занятости через введение процедуры выявления проблемных категорий с высоким риском длительной безработицы на ранней стадии и вовлечения их в специальные программы с первых недель пребывания в составе безработных (Vankevich, Korobova 2007).

² «Стандартной считается занятость по найму в режиме полного рабочего времени на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров. В большинстве развитых стран такой «стандарт» закреплён законодательно. Наоборот, все формы занятости (и трудовых отношений), отклоняющиеся от описанного выше стандарта, включая самозанятость, могут рассматриваться как нестандартные» (Gimpelson, Kapelushnikov 2006). Несмотря на то, что работа на условиях нестандартной занятости может приносить высокий доход, отсутствие гарантий постоянной занятости, разовый и эпизодический характер данных работ и соответственно, заработка, позволяет относить нестандартные рабочие места к неустойчивым.

тости. Тем самым значительно повысилась гибкость рынка труда, поскольку увеличилось количество занятых на условиях срочных трудовых договоров, самозанятых, расширилась сфера деятельности кадровых агентств, лизинга персонала.

Результативность целенаправленного повышения гибкости рынка труда в Германии высоко оценивается специалистами (Бурда М., Хай Дж.) и подтверждается практикой:

- ростом уровня занятости (с 65% в 2003 г. до 73,3% в 2013 г.). Это один из самых высоких показателей в Европе, особенно среди женщин, лиц пенсионного возраста, молодежи (см. Табл. 2);
- снижением уровня безработицы (см. Табл. 1).

Произошли изменения в структуре экономики Германии: прежде всего выросла доля сектора услуг, при этом именно этот сектор генерирует так называемые нестандартные рабочие места. Увеличились количественные показатели, по которым можно оценить степень гибкости рынка труда: удельный вес занятых на условиях срочных трудовых договоров (с 21,9% в 2004 г. до 26,2% в 2013 г.), занятых неполный рабочий день (с 21,3% в 2003 г. до 26,2% в 2013 г.), временно занятых (с 12,5% до 13,5% за этот же период). Таким образом, снизилось значение показателей, характеризующих степень жесткости законодательства о защите занятости.

Не менее важным, хотя менее видимым результатом реформ рынка труда в Германии стало снижение затрат на персонал. Это достигалось следующими мерами:

- ростом количества так называемых дешевых рабочих мест;
- изменением механизма зарплатообразования (что связано с постепенным отходом от отраслевого коллективно-договорного регулирования заработной платы и введения ее дифференциации в зависимости от финансового состояния предприятия);
- сокращением кадрового ядра, что происходило параллельно при расширении периферийных рабочих мест и привело к экономии трудовых издержек (либо замедлению их роста). Однако нельзя не отметить, что меры по повышению гибкости рынка труда усилили его сегментацию³, так как разрыв между

---

³ Сегментация рынка труда – это процесс его разделения на секторы в зависимости от условий трудовых соглашений и контрактов, режимов рабочего времени, уровня заработной платы, содержания социального пакета, др. Основы сегментации рынка труда заложены в трудах Doeringer, P., Piore, M. *Internal labor markets and manpower analysis* / P. Doeringer, M. Piore. – Lexington: Heath, 1971. – 28 p; Gordon D.M. *Theories of poverty and underemployment*. Lexington Mass. D.C. Heath, 1972; Cain G.C. *The challenge of segmented labour market theories to orthodox theory: a survey*// *Journal of Economic Literature*, 1976, № 14, pp. 1215–1257; Taubman, P. *Segmented Labor Markets* / P. Taubman, M.L. Wachter // *Handbook of Labor Economics*, Volume II, Elsevier Science Publishers, BV, 1986. Ch. 21, – pp. 1183 – 1217) (Vankevich 2014). Сегментация рынка труда позволяет работодателю дифференцировать гибкие формы занятости, комбинировать методы численной и ценовой гибкости в зависимости от сегмента персонала для сохранения квалификационного ядра и оптимизации затрат на персонал, включая снижение риска потери квалифицированных работников и снижение затрат, связанных с увольнением и наймом новых работников.

так называемыми работниками кадрового ядра и периферии усилился. Повышение уровня занятости и снижение уровня безработицы в долгосрочном периоде приводит к снижению производительности труда, а это способствует снижению конкурентоспособности национальной экономики на глобальном рынке.

Таблица 2

**Уровень занятости и безработицы
отдельных категорий населения в странах ЕС**

Страна	Уровень занятости мужчин в возрасте 15 – 65 года, %		Уровень занятости женщин в возрасте 15 – 64 года, %		Уровень занятости пожилых лиц, %		Уровень безработицы молодежи, %	
	2003	2013	2003	2013	2003	2013	2010	2012
1	2	3	4	5	6	7	8	9
ЕС 28	70,3	69,4	54,8	58,8	39,9	50,1	21,1 (ЕС 27)	22,9 (ЕС 27)
Зона евро (18 стран)	71,4	68,8	53,8	58,3	37,8	50,1	20,9 (17 стран)	23,1 (17 стран)
Бельгия	67,3	66,4	51,8	57,2	28,1	41,7	22,4	19,8
Болгария	56,0	62,1	49,0	56,8	30,0	47,4	21,8	28,1
Чехия	73,1	75,7	56,3	59,6	42,3	51,6	18,3	19,5
Дания	79,6	75,0	70,5	70,0	60,2	61,7	13,9	14,0
Германия	70,9	77,7	58,9	68,8	39,9	63,5	9,9	8,1
Эстония	66,3	71,4	59,9	65,7	50,9	62,6	32,9	20,9
Ирландия	75,2	65,1	55,7	55,9	49,0	51,3	27,6	30,4
Греция	73,4	58,4	44,3	40,1	41,3	35,6	32,9	55,3
Испания	73,2	59,2	46,3	50,3	40,7	43,2	41,6	53,2
Франция	69,9	67,9	58,2	50,4	37,0	45,6	23,7	24,7
Хорватия	60,3	52,8	46,7	45,6	28,4	36,5	32,5	43,0
Италия	69,6	64,8	42,7	46,5	30,3	42,7	27,8	35,3
Кипр	78,8	67,0	60,4	56,9	50,4	49,6	16,5	27,8
Латвия	66,1	66,8	57,9	63,4	44,1	54,8	36,2	28,5
Литва	64,0	64,7	58,4	62,8	44,7	53,4	35,7	26,7
Люксембург	73,3	72,1	50,9	59,1	30,3	40,5	15,8	18,0
Венгрия	63,5	64,3	50,9	52,8	28,9	38,5	26,6	28,1
Мальта	74,5	74,1	33,6	47,0	32,5	36,2	13,1	14,2
Нидерланды	81,1	78,7	66,0	69,9	44,3	60,1	8,7	9,5
Австрия	76,4	77,1	61,6	67,6	30,3	44,9	8,8	8,7
Польша	56,5	66,6	46,0	53,4	26,9	40,6	23,7	26,5
Португалия	76,0	64,0	61,4	62,5	51,6	46,7	27,7	37,7

Продолжение таблицы 2 см. на с. 16

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Румыния	63,8	65,8	51,5	52,5	38,1	41,5	22,1	22,7
Словения	67,4	67,1	57,6	64,2	23,5	33,5	14,7	20,6
Словакия	63,3	66,4	52,2	54,5	24,6	44,0	33,9	34,0
Финляндия	69,7	69,9	65,7	69,0	49,6	58,5	21,4	19,0
Швеция	74,2	76,3	74,5	71,8	68,6	73,6	24,8	23,7
Великобритания	77,8	75,6	65,3	65,8	55,4	59,8	19,6	21,0

Источник: Eurostat 2014.

В Испании опыт повышения гибкости рынка труда оказался не столь успешным, как в Германии. Испанскую реформу специалисты классифицируют как «ассиметричную» (Vishnevskaja 2013) прежде всего потому, что реформированию подверглась только часть институтов (касающихся периферийной рабочей силы и работников, занятых на условиях срочных трудовых договоров), в то время как остальная часть оказалась нетронутой. Это обусловило резкую сегментацию рынка труда и размывание эффекта от его реформ. В итоге, в Испании уровень занятости с 59,8% в 2003 г. снизился к 2013 г. до 55,8%, уровень безработицы возрос с 11,4% в 2003 г. до 25% в 2012 г.

Обобщение опыта флексибилизации рынка труда показало, что основной элемент, который подвергается изменению в данном процессе – институциональный каркас рынка труда (законодательство о защите занятости, пособие по безработице, активная политика рынка труда). Именно различиями в институциональном строении национальных рынков труда и их институциональной гибкости/жесткости специалисты объясняют различия в уровне занятости и уровне безработицы (Boeri 2011). Эксперты ЕС в 2009 году, анализируя связь между показателями законодательства о защите занятости и результатами рынков труда, пришли к следующему выводу: «сопоставление индексов законодательства о защите занятости и показателей участия на рынке труда, занятости и безработицы, по-видимому, дает основание говорить о том, что возросли уровни участия и занятости и снизились уровни безработицы в условиях, когда законодательства о защите занятости приобретали более либеральный характер во всех странах ЕС» (Evropejskoje regionalnoe sovesanie 2009).

В экономической литературе нет однозначных выводов о влиянии гибкости рынка труда на его результаты, хотя связь между эффективностью рынка труда и его гибкостью не отрицается. Невозможно сделать однозначные выводы о том, какой рынок труда лучше. Исследователи МВФ показали, что дерегулирование рынка труда повышает уровень занятости и заработной платы, что является ключом к успеху (Cazes, Nesporova 2007). Российские авторы установили, что жесткость законодательства о защите занятости снижает вероятность перехода из занятых в незанятое население, одновременно создавая барьеры для входа в занятость отдельных категорий населения, обуславливает рост заключения срочных трудовых договоров и контрактов, способствует сохранению избыточной численности занятых на предприятиях (что компенсируется сдерживанием роста заработной платы),

влечет рост неформальной занятости (Mironenko 2009). Используя микроданные, эксперты МОТ показали, что гибкость рынка труда сопряжена с интенсификацией оборота рабочей силы и реструктуризацией предприятий и коррелирует с экономическим циклом (Cazes, Nesporova 2003). Но однозначные выводы о наличии связи между гибкостью рынка труда и его результатами сделать невозможно.

Исследование влияния кризиса на развитие нестандартных форм занятости, проведенное специалистами Международного Института исследования труда МОТ (World of work report 2012), показало, что наиболее значимыми факторами, оказывающими влияние на гибкость занятости, являются микроэкономические факторы предложения труда (возраст, пол, образование работников) и спроса на труд (размер предприятий по численности занятых и принадлежность к сектору общественных услуг). Среди макроэкономических факторов значимыми оказались факторы спроса на труд (темпы роста ВВП, открытость торговли и производительность труда) и институты на рынке труда (законодательство о защите занятости, процент участвующих в профсоюзах и масштаб нестандартных форм занятости) (International Institute for Labour Studies 2012). Статистически значимым оказался эффект влияния нестандартных форм занятости для занятости бывших безработных, так как в этом случае нестандартные формы занятости выполняют эффект перехода («stepping-stone») к стандартным формам занятости (International Institute for Labour Studies 2012). А вот факторы предложения труда (баланс между временем труда и досуга) оказались статистически не значимыми для динамики гибких форм занятости (International Institute for Labour Studies 2012). Для определения наличия связи между эффективностью рынка труда (оцененной через уровень занятости и уровень безработицы различных категорий населения) и элементами его гибкости использованы годовые данные Евростата за 2003–2012 годы в разрезе 28 стран Европейского Союза. Результаты оценки тесноты связи по коэффициенту корреляции представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты оценки тесноты связи между эффективностью рынка труда и элементами его гибкости, линейный коэффициент корреляции Пирсона, 2003–2012 гг.

Зависимая переменная (y)	Значение коэффициента корреляции при независимых переменных (x)			
	неполный рабочий день	вторичная занятость	временная занятость	доля работающих на условиях срочных трудовых договоров
1	2	3	4	5
уровень занятости	0,6564	0,6934	нет зависимости	0,01
уровень безработицы	0,4214	0,4064	0,1873	0,2632
уровень занятости женщин	0,4841	0,6708	нет зависимости	нет зависимости

Продолжение таблицы 3 см. на с. 18

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
уровень занятости пожилых людей	0,4738	0,6319	0,0479	0,0519
уровень безработицы среди молодежи	0,3675	0,3689	0,1232	0,0754

Источник: рассчитано автором по Eurostat 2014.

Анализ данных таблицы 3 позволяет сделать вывод, что сильной связи между показателями эффективности рынка труда и уровнем развития гибких форм занятости не выявлено. Однако более детерминированным оказывается уровень занятости, что позволяет сделать вывод о положительном влиянии гибких форм занятости на уровень занятости в стране. Наиболее тесная зависимость выявлена между удельным весом занятых неполный рабочий день и уровнем занятости, удельным весом имеющих вторичную занятость и уровнем занятости женщин, пожилых людей, общим уровнем занятости. Факторы временной занятости и удельного веса работающих на условиях срочных договоров оказались статистически незначимыми для результатов рынка труда. Таким образом, либерализация рынка труда позволяет обеспечить повышение уровня занятости, в том числе уязвимых социально-демографических групп населения (женщины, пожилые люди). На уровень безработицы элементы гибкого рынка труда оказывают меньшее влияние, чем на уровень занятости. Однако сильных зависимостей, пригодных для прогнозирования и позволяющих выявить устойчивые связи, не выявлено.

Таким образом, взаимосвязь между гибкостью рынка труда и уровнем безработицы достаточно неоднозначная. В большей степени гибкость рынка труда влияет на структуру занятости, а не на ее общий уровень, так как возрастает возможность трудоустройства на условиях временной, неполной занятости.

Также нет однозначных подтверждений, что либерализация законодательства о защите занятости и снижение бессрочных трудовых договоров корреспондирует с усилением защищенности труда, производительностью, мобильностью. Последние исследования, наоборот, поставили вопрос о том, что более высокий оборот рабочей силы препятствует росту производительности труда на предприятиях в долгосрочной перспективе. Повышается риск абсентеизма, снижается лояльность работников.

Можно предположить также, что временные работники способствуют экономии затрат на труд только в краткосрочном периоде. Но в средне- и долгосрочной перспективе становится затруднительным передача знаний, опыта, накопление специфического человеческого капитала (связанного с уникальностью специализации для предприятия, знанием его традиций). Это обуславливает снижение конкурентоспособности организации и ее инновационного потенциала.

На макроуровне чрезмерно гибкий рынок труда сопровождается ростом социальных издержек (Van Eysk 2003), поскольку усиливается дифференциация доходов, сегментация рынка труда, что может спровоцировать социальные волнения.

Таким образом, гибкость рынка труда помогает снизить остроту безработицы, оптимизировать затраты на труд и повысить производительность труда в краткосрочном периоде. Такие инструменты повышения гибкости, как перевод работников на временные и нестандартные формы занятости, высвобождение, использование заемных работников являются достаточно эффективными инструментами повышения эффективности занятости в краткосрочном периоде. Но в долгосрочном периоде эффекты гибкости рынка труда могут быть иными. Поэтому сама концепция *flexicurity* должна быть гибкой в плане настройки, что и объясняет необходимость ее обновления по следующим направлениям (см. Табл. 4).

Таблица 4

Направления трансформации концепции *flexicurity* в современных условиях

Направления	Мероприятия
активная политика на рынке труда	<ol style="list-style-type: none"> 1) индивидуальные программы поиска рабочего места для части безработных, отобранных в результате профилирования 2) конкуренция в области услуг на рынке труда между государственной службой занятости и негосударственными агентствами 3) отбор программ повышения квалификации на основе их результативности (процента трудоустройства)
меры по стимулированию спроса на труд	<ol style="list-style-type: none"> 1) расширение использования нестандартных форм занятости, гибких рабочих мест 2) свертывание программ субсидированной занятости
совершенствование системы социального страхования	<ol style="list-style-type: none"> 1) расширение обязанностей безработного в целях активизации его индивидуальных усилий по трудоустройству 2) упрощение системы выплат пособий по безработице, сокращение его размера и сроков получения, обязательное трудоустройство всех трудоспособных членов семьи безработного, отмена досрочных пенсий, поэтапное увеличение пенсионного возраста 3) усиление индивидуальной ответственности получателей пособий за трудоустройство
законодательство о защите занятости	<ol style="list-style-type: none"> 1) увеличение численности занятых на условиях срочных трудовых договоров, 2) профилактика рисков прекаризации занятости

Источник: авторская разработка на основе *Evropejskoje regionalnoe sovesanie 2009, International Labour Office 2009.*

Направления обновления политики занятости в Республике Беларусь

Осознание необходимости реформы белорусского рынка труда постепенно приходит в плоскость практических решений, так как действующая модель не выполняет функции сопровождения необходимых структурных изменений экономики. Отставание рынка труда Республики Беларусь от западноевропейских моделей в уровне производительности труда и заработной платы оказывается более значимым, чем видимые преимущества в достижении более высокого уровня занятости и более низкого уровня безработицы⁴.

В течение последних лет модель белорусского рынка труда, сформированная как соответствующая социально ориентированной экономике, обеспечила высокую социальную стабильность белорусского общества. Но по мере усиления глобальной конкуренции и необходимости формирования инновационных источников конкурентных преимуществ, стали определяться ее слабые стороны. Это проявляется в медленных темпах структурных преобразований белорусской экономики (Vsemirnij Bank 2014).

Таблица 5

Динамика основных индикаторов эффективности занятости в Беларуси в сравнении с европейскими странами и Россией

	Уровень занятости, %		Уровень безработицы, %		Валовой национальный доход на душу населения в тыс. долл. США по ППС	Уровень заработной платы, долл.	
	2005	2012	2005	2012	2012	2005	2012
Республика Беларусь	72,3	75,9	1,5*	0,5*	13385	215	439
ЕС-28	63,4	64,1	9,0	10,5	28086	2365,7 (24 страны)	2903,3
Российская Федерация	61,3	64,9	2,5*	1,2*	14461	303	936

* – регистрируемая безработица

Источник: Eurostat 2014, Nacionalnij Statisticeskij Komitet Respubliki Belarus 2014a, 2014b, UNDP 2014.

Система профессиональной подготовки стала не в полной мере соответствовать запросам экономики, а кадровая политика предприятий по-прежнему строится на принципах экстенсивного использования дешевой рабочей силы. В итоге сложившаяся структура белорусской экономики слабо восприимчива к инновациям, а обширные социальные программы, основанные на «солидарном» прин-

⁴ В Беларуси низкий уровень официальной безработицы (0,5% в 2013 г.) сочетается с достаточно умеренным уровнем фактической безработицы в диапазоне 5% (оцененной в результате обследования домохозяйств по методологии MOT).

ципе формирования фонда социальной защиты населения и пенсионного страхования, не рассчитаны на нестандартные формы занятости. Растущая численность экономически неактивного населения, не участвующего в формировании фонда социальной защиты населения, претендует тем не менее на его средства. Это значительно повышает нагрузку на бюджетные услуги без соответствующего вклада в доходную часть бюджета. Высокая доля лиц старше трудоспособного возраста (23,5% в 2012 г.) (Nacionalnij Statisticeskij Komitet Respubliki Belarus 2014a) по сути, требует пересмотра системы формирования фонда социальной защиты населения и фонда пенсионного страхования, перераспределения налоговой нагрузки между социальными партнерами и усиление персонализации в формировании этих фондов и их использовании. В то же время, подтягивание заработной платы к уровню европейских стандартов не сопровождается соответствующим ростом производительности труда. Низкий уровень безработицы формирует деформированное представление о ценности рабочего места.

Чрезмерная защищенность работников от массовых высвобождений сочетается с высокой долей занятых на условиях срочных трудовых договоров (до 80%).

Таким образом, на белорусском рынке труда сложилась ситуация, которая требует серьезной реорганизации рынка труда для обеспечения его эффективно-го функционирования в современных условиях.

Необходимые для национальной модели рынка труда Республики Беларусь направления государственной политики занятости сконцентрированы в следующих направлениях:

1. усиление адресности программ активной политики на рынке труда. Это предполагает два условия:
  - а) подбор программ в соответствии с результатом профилирования безработных. Методика профилирования позволяет сфокусировать усилия безработных и работников службы занятости на повышении конкурентоспособности безработного на локальном рынке труда и подобрать пакет услуг службы занятости с учетом индивидуальных особенностей безработного. Это снижает индивидуальный риск длительной безработицы и предотвращает распыление средств государственного фонда содействия занятости, так как предполагает адресный подбор дорогостоящих активных программ содействия занятости с учетом потенциала безработного к трудоустройству, его трудовой мотивации и особенностей регионального рынка труда (Vankevich, Korobova 2007);
  - б) оценку эффективности программ по проценту трудоустройства участвующих в них лиц с учетом качества рабочего места, на которое трудоустраивается безработный (то есть продолжительность трудоустройства, уровень заработной платы, условия контракта);
2. изменение принципов социального страхования — означает постепенный переход от «солидарного» принципа формирования фонда социальной защиты населения и пенсионного страхования к накопительному, предполагающему строгую привязку и дифференциацию пакета социальных услуг и размера пенсии от личного вклада работника в его формирование;

3. сокращение практики стимулирования создания новых рабочих мест в бюджетных отраслях экономики, поскольку таким образом создаются неэффективные с экономической точки зрения рабочие места, с низким уровнем заработной платы;
4. совершенствование законодательства о защите занятости, что означает снижение жесткости регулирования высвобождения работников; принятие нормативных документов, регулирующих гибкие формы высвобождения и управления персоналом (аутплейсмент, лизинг персонала, аутсорсинг); ослабление привязки зарплатообразования к единой тарифной системе; использование безтарифной системы оплаты труда; снижение налогообложения фонда заработной платы и разделение участия социальных партнеров в формировании отчислений с него в фонд социальной защиты населения.

Заключение

Таким образом, под влиянием современных тенденций развития экономики значительно модифицируются направления политики занятости. С одной стороны, предпринимаются попытки сохранить необходимую степень социальной защиты населения, а с другой стороны – обеспечить нужную степень гибкости рынка труда в его подстройке к структурным изменениям экономики.

Проведенное исследование позволило доказать, что элементы гибкого рынка труда в большей степени влияют на уровень занятости, а не уровень безработицы. Основными направлениями современной модернизации рынков труда являются: реформирование направлений работы органов государственной службы занятости, изменение подходов к оценке ее эффективности; активизация безработных в поисках рабочего места и трудоустройстве; изменение системы социального страхования с учетом расширения нестандартных форм занятости и условий оплаты труда; стимулирование спроса на рабочую силу. Перечисленные направления являются модификацией концепции *flexicurity* для обеспечения эффективности рынка труда в подстройке к изменениям экономики.

References

- Auer P., Cazes S. (Eds.) (2002) *Employments Stability in an Age of Flexibility: Evidence from Industrialized Countries*. Geneva: ILO.
- Boeri T. (2011) Institutional Reforms and Dualism in European Labor Markets. *Handbook of Labor Economics*, Vol. 6, No. 13, pp. 1173 – 1236.
- Cazes S., Nesporova A. (Eds.) (2003) *Labour Markets in Transition*. Paris: ILO.
- Cazes S., Nesporova A. (Eds.) (2007) *Flexicurity: A Relevant Approach for Central and Eastern Europe*. Geneva: ILO.
- Eurostat. (2014) *Europe in figures 2013: Yearbook*. Available: <http://www.eurostat.ec.europa.eu> (accessed 15.04.2014).
- Evropejskoje regionalnoe sovesanie. (2009) *Obespecenie Dostojnogo truda v Evrope i Centralnoj Azii*. Tom 1. Geneva: MBT. (In Russian)

- Gimpelson V., Kapelushnikov R. (Eds.) (2006) *Nestandartnaja zanatostj v rossijskoj ekonomike*. Moskva: Izdatelskij dom GU VSE. (In Russian)
- International Institute for Labour Studies. (2012) *World of Work Report 2012: Better Jobs for a Better Economy*. Geneva: ILO.
- International Labour Office. (2009) *The Financial and Economic Crisis: A Decent Work Response*. Available: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_103507.pdf (accessed 15.04.2014).
- Mensikovs V., Vanags E. (2011) Megdunarodnaja trudovaja migracija: poisk metodologiceskix osnovanij empiriceskogo issledovanija. *Socialo Zinatnu Vestnesis*, Vol. 13, No. 2, pp. 45–70. (In Russian)
- Mironenko O. (2009) Vlijanije zakonodatelstva o zasite zanjatosti na rinoek truda: opit megstranovix sopostavlenij. Moskva: Izdatelskij dom GU VSE. (In Russian)
- Nacionalnij Statisticeskij Komitet Respubliki Belarus. (2014a) *Statisticeskij egegodnik Respubliki Belarus 2013*. Minsk: NSKRБ. (In Russian)
- Nacionalnij Statisticeskij Komitet Respubliki Belarus. (2014b) *Trud i zanatost v Respublike Belarus*. Minsk: NSKRБ. (In Russian)
- Nickell S., Layard R. (1999) Labor market institutions and economic performance. Ashenfelter O., Card D. (eds.). *Handbook of Labor Economics*, Vol. 3, No. 46, pp. 3029–3084.
- UNDP. (2014) *Human Development Report 2013*. Available: <http://hdr.undp.org/en/2013-report> (accessed 15.04.2014).
- Van Eyck K. (2003) *Flexibilizing Employment: An Overview*. Geneva: ILO.
- Vankevich A. (2009) Institucionalnoe stroenie rinka truda v Respublike Belarus: napravlenija ocenki i razvitija. *Belorusskij ekonomiceskij gurnal*, No. 4, pp. 88–103. (In Russian)
- Vankevich A. (2014) Gibkost rinka truda: edinstvo macro- i mikropodxodov. Vitebsk: VSTU. (In Russian)
- Vankevich A., Korobova A. (2007) Profilirovanie bezrobotnix grazdan kak effektivnij instrument predupregdenia dlitelnoj bezrobotici v Belarusi. *Belorusskij ekonomiceskij gurnal*, No. 1, pp. 110–120. (In Russian)
- Vishnevskaja N. (2013) *Reforma nemeckogo rinka truda: osobij slucaj ili primer dla podraganija*. Moskva: VSE. Preprint WP 3/2013/10. (In Russian)
- Vsemirnij Bank. (2013) Vnedrenije program dla rinka truda: poddergka strukturnix reform v Belarusi. (In Russian)

SOCIOLOĢIJA

Dina Bite

DECENT WORK IN POINT OF VIEW OF LATVIAN TEACHERS

The objective of the paper is to apply theoretical interpretation of decent work to teachers' situation in Latvia. A sociological research was carried out in 2013 of how teachers in Latvia define and interpret the term 'decent work', whether they see their work as being decent. The article includes qualitative data of the research, discovering the main elements of decent work according to teachers' point of view and shedding light on the problems of the educational system of Latvia. Results show that teachers face serious problems in their work that are not consistent with decent work concept, but at the same time they create and construct their own meaning to make their work decent. There is a significant split between theoretical statements of decent work and real situation of teachers in Latvia. On one hand, there are a number of myths and prejudices, and formal statements about teachers' profession as being prestigious and highly evaluated occupation. On the other hand, in reality, teachers receive salary what is close to the minimum wage and are not able to meet their basic needs. They are unappreciated as professionals and important part of social system. The term "decent work" can hardly be ascribed to teachers in Latvia; it is distorted in Latvia case. The research has been considered as a starting point for developing further discussion on decent work in Latvia.

Key words: decent work, teacher, educational system.

Cienīgs darbs Latvijas skolotāju skatījumā

Raksta mērķis ir piemērot cienīga darba teorētiskās interpretācijas skolotāju situācijai Latvijā. 2013. gadā tika veikts socioloģisks pētījums par to, kā skolotāji Latvijā definē un interpretē jēdzienu "cienīgs darbs" un vai viņi savu darbu uzskata par cienīgu. Raksts ietver kvalitatīvos pētījuma rezultātus, atklājot galvenos cienīga darba elementus skolotāju skatījumā un tādējādi izgaismojot Latvijas izglītības sistēmas problēmas. Rezultāti atklāj, ka skolotāji saskaras ar būtiskām problēmām savā darbā, kas nav savienojamas ar cienīga darba jēdzienu, tomēr tai pašā laikā skolotāji rada un konstruē paši savu nozīmi, lai padarītu savu darbu par cienīgu. Pastāv nozīmīga plaisa starp cienīga darba teorētiskajiem uzstādījumiem un reālo skolotāju situāciju Latvijā. No vienas puses, eksistē vairāki mīti un aizspriedumi, un formāli uzstādījumi par skolotāju profesiju kā prestižu un augsti novērtētu profesiju. No otras puses, realitātē skolotāji saņem atalgojumu, ka sir tuvs minimālajai algai valstī un nav spējīgi apmierināt savas pamatvajadzības. Viņi netiek novērtēti kā profesionāļi un kā nozīmīga sociālās sistēmas daļa. Jēdzienu "cienīgs darbs" ir grūti attiecināt uz skolotājiem Latvijā; Latvijas gadījumā šis jēdziens tiek kropļots. Pētījums uzskatāms par sākumu tālākām diskusijām par cienīgu darbu Latvijā.

Atslēgas vārdi: cienīgs darbs, skolotājs, izglītības sistēma.

Достойный труд в оценках учителей Латвии

Цель статьи заключается в приложении теоретической интерпретации понятия «достойный труд» для учителей относительно ситуации в Латвии. В 2013 году было проведено социологическое исследование по определению и интерпретации понятия «достойный труд» с точки зрения учителей и их представлений о том, считают ли они свою работу достойной. Статья содержит результаты качественных исследований, раскрывая значимые элементы «достойного труда» с точки зрения учителей, обозначив таким образом проблемы системы образования Латвии. Результаты указывают на то, что учителя на работе сталкиваются с серьёзными проблемами, которые несовместимы с концепцией «достойный труд», и в то же время, учителя создают и конструируют собственное значение, чтобы сделать свою работу достойной. Существует значимое различие между теоретическими установками «достойного труда» и реальной ситуацией среди учителей Латвии. С одной стороны, существует много мифов, предубеждений и формальных установок о профессии учителя как о престижной и очень важной профессии. С другой стороны, в реальности учителя получают заработную плату, которая близка к минимальной в стране, и не в состоянии удовлетворить свои основные потребности. Их не ценят как профессионалов, как значимую часть социальной системы. Таким образом, понятие «достойный труд» трудно применить по отношению к латвийским учителям; в Латвии это понятие искажено. Представленное исследование можно считать стимулом для дальнейших дискуссий о «достойном труде» в Латвии.

Ключевые слова: достойный труд, учитель, система образования.

Introduction

Decent work is considered to be an important contributor to sustainable development. International Labour Organization (ILO) describes decent work as “opportunities for women and men to obtain decent and productive work in conditions of freedom, equity, security and human dignity” (International Labour Office 1999). The first two dimensions of decent work noted above (opportunities for work and freedom of choice of employment) are concerned with the availability of work and the acceptable scope of work. The other four dimensions of decent work (productive work, equity, security and dignity) are concerned with the extent to which the work is decent. In addition to these six dimensions of decent work, the macro socioeconomic context is important, since it helps to determine what constitutes decency in societies, as well as the extent to which the achievement of decent work enhances national economic, social and labour market performance (Anker et. al. 2002). The aim of the study was to investigate, whether and in how far the criteria of decent work defined by ILO conform to the perspective of teachers, what decent work means to them.

Interpretation and measuring of the concept “decent work”

For centuries, work has been an integral part of the lives of human beings for sustenance. In economics, work is synonymous with labour. Labour is defined as services offered by a person for an economical activity and is inseparable from him. Due to this reason, the theoretical perspective recommends a direct interpersonal relationship between the employer and the labourer. Out of the four factors of pro-

duction labour is the only factor which is intangible and inseparable from its owner. These peculiar characteristics of labour require some important features of the labour market and the workplace as well. The role of the institutional factors is very important in this regard. Three issues need a clear attention as far as labour is concerned. First and foremost, it is important that the worker adequately paid for his labour. Secondly, the conditions of work should be safe and adequate for the worker to be able to provide his labour productively. Last but not least, it is important that the worker is adequately compensated for, in the event of loss of work. A workplace that deals with these three issues on humane grounds can be considered as decent. This shows that being employed is not enough, it is important that the conditions of work, nature of work and the work environment are decent and conducive enough for the employee to work peacefully (Nizami, Prasad 2013).

The term 'decent' is a multidimensional concept. The term 'decent', in fact, bridges the gap between philosophy of labour economics and human development. The word 'decent' involves some notion of the normal standards of society. Lack of decent work, therefore has something common with concepts of deprivation and exclusion, both of which are concerned with social and economic situations which do not meet social standards. An assessment of decent work shows a gap between two things – actual and recommended (Nizami, Prasad 2013).

Decent work is also conceptualised as having four constituent pillars, which are independent and mutually reinforcing:

- 1) access to productive employment and income opportunities;
- 2) rights at work, particularly with respect to the core labour standards;
- 3) systems of social protection;
- 4) a voice at work through social dialogue.

The Decent Work Agenda therefore is an approach to development that emphasises employment that is accompanied by rights, representation and protection. While decent work is applicable to both developed and developing countries, different elements may need greater focus depending on the particular challenges in a given region, country, sector or workplace (Bell, Newitt 2010). Productive work is well remunerated to cover the basic needs and earn a decent livelihood. This work should be carried out in safety; the working conditions should not put the working person at risk. Social security is needed not only to protect employees in case of injury or sickness, but also to provide them with general health insurance and pension. Workers need protection in case of losing employment. Social dialogue means to be able to negotiate working conditions (Aufderheide et al. 2013). Similar descriptions of decent work are offered by other organizations of European Union, for example, European Trade Union Confederation (European Trade Union Confederation 2007).

Decent work is not only theoretical or political issue. It is important for every person who enters labour market. Decent work is attributable to private and public organizations, to employers and employees, as well as all sectors of economics. Decent work, and more generally, workers' security, is closely linked to the broader question of the function and the impact of the welfare state. Decent work has defined as the right to basic security. According to this approach, the main parts of it are: income

security, voice – representation security, work and life security, and skill security, labour – market security (Boyer 2006).

Sociological interest is to explore interpretations of decent work from point of view of representatives of different professions and sectors of economics. An understanding of decent work depends on gender, age, ethnic group and other social and economic factors. The problem is that the formal statements of decent work do not correspond to real situation in the labour market. In reality, many workers do not experience safe work place, adequate earning or opportunity to influence decisions concerning their work in spite of the theoretical goal of decent work defined by ILO: “Decent work is not just the creation of jobs, but also the creation of jobs of acceptable quality. The level of employment (quantity) cannot be divorced from its quality (International Labour Office 1999). Also decent work must address whole jobs, whole people, and whole families. To do so, it must recognize that the various dimensions of people’s lives are interrelated, interdependent, and indivisible, and consequently must be addressed in a holistic human rights framework (MacNaughton, Frey 2011).

A number of researches has been devoted for developing objective measurements of decent work, including employment opportunities, earning, working hours, stability and security of work and other indicators (Anker et. al. 2002; Tangian 2009; Ghai 2003). Usually, they are quantitative, objective measurements using statistical data and surveys. ILO has developed official set of indicators that present opportunity to explore decent work and compare data (International Labour Force 2008). The weakness of this approach is that it limits opportunities to find out subjective points of view, e.g. experiences and interpretations of decent work by representatives of different workplaces and professions.

There are not any previous researches about decent work in general, as well as about teachers’ situation concerning decent work in Latvia. Historically, teachers’ profession has had a high social status, prestige and social recognition. This idea has been postulated in UNESCO document “Recommendation Concerning the Status of Teachers” (UNESCO 1966): “Recognizing the essential role of teachers in educational advancement and the importance of their contribution to the development of man and modern society, concerned to ensure that teachers enjoy the status commensurate with this role... since the teacher is a valuable specialist, his work should be so organized and assisted as to avoid waste of his time and energy” (UNESCO 1966). Also the International Labour Conference in Geneva (2013) particularly stressed the necessity to “guarantee decent work and social dialogue for teachers worldwide” (Education International 2013). At the same time the situation regarding teachers’ social recognition, social protection and social security in Latvia is rather controversial. For example, their wages are very low in comparison with other EU countries, as well as with average wages in Latvia (average wage of teachers in 2013 was approximately 430 EUR per month according to Latvian Trade Union of Education and Science Employees; average wage in public sector in 2013 was approximately 750 EUR according to the Central Statistical Bureau of Latvia). This situation causes poverty, overtime work, weak social protection and low pensions for the teachers. It brings to the forefront the issue of their social status, the quality of work and, of course, their own understandings on decent work.

Methodology of the research

The team of scientists of Latvia University of Agriculture has carried out a research “Needs of Latvian Educators for Employment’s Stability and Promotion of Decent Work. Updating of These Questions in Collective Agreements” within the framework of the Latvian Trade Union of Education and Science Employees project “Enhanced Understanding of Decent Work in Latvia” in 2013 (1).

The researchers implemented both quantitative and qualitative approach to sociological investigation. Researchers conducted a survey with 1500 respondents from different types of educational institutions and different types of the settlement and carried out 5 focus group discussions from May to October 2013.

The design of the questionnaire and the focus group discussion was arranged according to theoretical background of decent work considering macro, meso and micro level of its interpretations. At the aggregate (macro) level, the objective of decent work is in terms of creating laws, regulations and institutions that enable a growing number of people in all societies to work without oppression, in reasonable security and with steadily improvement for personal development, while having enough income to support themselves and their families. At the workplace (meso) level, a decent work environment is one that provides adequate security for workers while fostering dynamic efficiency of their enterprises. At the individual worker’s (micro) level, decent work consists in having good opportunity to work with adequate levels of all forms of work – related security (Nizami, Prasad 2013).

Decent work has been conceptualized and in three main parts – safe work, social security and social dialogue while deepening and developing all these parts and preparing a set of measurable indicators. The questions of focus groups discussions were rather open allowing expressing personal experience and observations about informants’ understanding of decent work and its assessment. It was important to allow the production of data through the group interaction (Flick 2006). 6–10 informants participated in each focus group discussion. The sample was made of representatives of different types of educational institutions, local governments and trade unions in all planning regions (Riga, Zemgale, Kurzeme, Latgale, Vidzeme) of Latvia. The duration of a focus group discussion was approximately 2 hours. Discussions were recorded and transcripts were set up after each discussion.

This article includes analysis of qualitative data only, e.g. focus groups discussions. The analysis of empirical data focuses on the following research questions:

- 1) how do teachers in Latvia interpret and define decent work?
- 2) do teachers consider their work as being decent?

Considering ethical principles of sociological investigation the names and positions of informants in the analysis have been concealed. Serial number is assigned to each regional discussion.

Research results

Respondents were asked to give their interpretations of decent work. All interpretations informants mentioned can be divided into three groups.

First group of arguments is about physical environment. Informants highlight the necessity of warm and light classrooms, separate workplaces, rest rooms and all necessary means (technologies) for qualitative classes. However, the diversity in physical condition is very high among schools. Some informants tell about qualitative environment in their workplaces but at the same time some of educators work in cold and inadequate school rooms.

We work in a building that is considered “national cultural monument”, and we cannot change windows. We have been receiving promises for 6 years already. The temperature is +12° C in the room in winter (teacher in Riga).

It is possible to conclude that the improvement of physical environment in schools is not systematic to certain extent. The possibility to receive financing from EU or the state is not always coordinated with real needs of the institution. Possibility of financing from the state is very hard to predict. The improvement of physical environment depends on activities of school principals and financial opportunities of local government.

As was said by one of respondents, the situation in this field is “based on one’s luck” (pre-school teacher in Riga).

The second group of arguments is related to respondents’ wages and, respectively, their social security. This is absolutely the most painful topic of discussion. On one hand, teachers are ashamed to speak about it; on the other hand, it is an extremely topical issue for them. They say that they try to create and maintain their motivation to work in Latvian educational system; but as soon as they apprehend the financial evaluation of their work, they lose motivation. They tell researchers that they are not able to satisfy their and their families’ basic needs. They solve this situation trying to work in two or three places (in their profession or not), going to the UK in the summer to earn money or are forced to rely on their family members.

I received salary on the 5th day of the month, my husband – at the 7th day of the month. He said, “OK. From the 5th to the 7th we will live on your salary, on other days – on mine (administrative representative in Riga).

Insufficiency of financial means is the firmest argument against teachers’ work in Latvia to be considered as decent. Respondents report about unequal rate of wages between different levels of educational system and between rural and urban areas.

It is abusive – like we are not as deserving as other specialists because we teach 2+2 (basics) (teacher in Latgale region).

They report about inadequate calculating of the amount of work and salary, as well as inadequacy of formal requests regarding this profession and salary.

There is a huge difference between teachers who have opportunities to work a lot and those ones who do not have opportunity to get longer hours (teacher in Zemgale region).

If the husband understands, he will give money to attend some courses I need (teacher in Vidzeme region).

Since focus group discussions were held in August and September, teachers were worried about their salaries for the new school year; at the time they did not know about their amount of work and salary. Besides, teachers too frequently encounter different reforms in their work that they believe to be unreasonable and hurried. Of course, it causes feelings of instability and insecurity for teachers. All described situations adversely affect the teachers personally, the quality of life of their families and the quality of education in Latvia in general.

The third point regarding decent work interpretations is connected with relations between colleagues, between teachers and children, between teachers and parents. In general, teachers recognize positive and supportive relations between colleagues and with administration of the institution. More problematic are relationships with children and their parents. The main problem is division of roles between teachers and parents.

People tend to blame us – school did not teach this and that, but what about parents' responsibility? (teacher in Riga).

Sometimes it is difficult to draw a line between duties of teachers and parents and other agents of socialization. Considering current social and economic problems in society, very often teachers play more social roles than are prescribed because they try to help children manage difficult situations. Especially in rural areas of Latvia roles of teachers are merged. Respondents also speak about high level of rights of controlling institutions, children and parents. At the same time teachers' rights are limited.

Teachers are scared. If they have problems with a child in the group, they will blame themselves. Nobody wants internal investigation [from controlling institutions] in his or her group (teacher in Riga).

Thus, teachers experience pressure from all participants of educational system.

Teachers are in the role of 'scape goat' (teacher in Vidzeme region).

In a broader sense, it shows that the educational system in Latvia does not function, as a unified system. All the participants involved have prejudices about other participants (for example, parents think that teachers have high salaries) and their cooperation is weak. It is possible to find similar examples in relations between the representatives of Ministry of Education and Science, local governments and other involved social agents.

There was an inspection in my group [in preschool]. The woman was asking how I fill in all the necessary documents. I told her and she was so surprised and shocked that I do not have a computer for documents (pre-school teacher in Riga).

Respondents' report that above mentioned lack of cooperation hinders decision-making processes and social dialogue. In general, all involved agents do not trust each other and lack true information about each other.

Civil servants think about something, organize symbolic discussions but do not really take professional opinions into account. It would be great if they acted as teachers' "shadows" for a week. Maybe they would finally understand something (teacher in Vidzeme region).

Besides all above mentioned negative aspects and criticism, respondents emphasize the importance of their social role. They see themselves as enthusiasts and see their work as decent.

Each work is decent if you do it from heart, if you are reliable in you work and reach results (teacher in Zemgale region).

It is very hard to say how far these statements are true because it is broadly accepted in Latvian society that it is not polite to speak about money. Instead people stress idealistic motives for work; and politicians and ministries make use of this discourse. Besides, teachers are too kind and considerate for their own good and their fight for their rights is not very successful.

Teachers do not express their emotions to children or parents. It all rests on their discretion and ability to "swallow" their rightful indignation (teacher in Kurzeme region).

The situation of teachers in Latvia is debatable. On one hand, they create and construct their own meaning of the work highlighting its positive aspects. On the other hand, they feel unappreciated and undervalued from the state and society.

This process of burnout is permanent. Of course, you get some satisfaction from those special moments – successes or happiness of children. But we do not have material prospects. My friend gave me a ticket to Bocelli concert. I could not buy it myself. I do not visit bookshops. They are like "book museums" for teachers (teacher in Vidzeme region).

Teachers feel like hostages of the situation that they cannot influence directly. They want to work because they like this profession and they value it; but objective factors limit this possibility. Teachers cannot always change their situation.

There is my family, my house, so where can I go?! (teacher in Vidzeme region).

Younger teacher often leaves the profession and finds other occupation, but older teacher remains in the system, especially in rural areas where it is more difficult to find another job.

The research has showed that qualitative approach to decent work measurements provides a deeper understanding and evaluating of decent work for certain profession. It discloses some characteristics of the situation that might hide behind statistical data and other objective measurements. It helps to find out and understand problems in the system. In general, researches of decent work present opportunity to see the real

situation, the main difficulties, strengths and weaknesses in this sector of economics. This research showed that qualitative approach is highly useful for measurements of decent work.

Conclusions

The qualitative analysis of interpretations of decent work of Latvian teachers shows a set of features for decent work. These features describe decent work as arranged physical environment, possibility to use modern technologies, adequate salary, social security, recognition from the state and society and willingness to do the work. All these readings are in consensus with theoretical statements. It is quite different when we compare ideal statements and real situation. In Latvia's case, the difference between them is huge. On one hand, there are a number of myths and prejudices, and formal statements about teachers' profession as being prestigious and highly evaluated occupation. On the other hand, in reality, teachers receive salary what is close to the minimum wage and are not able to meet their basic needs or their basic security according to theoretical statements. They are unappreciated as professionals and important part of social system. The term "decent work" can hardly be ascribed to teachers in Latvia; it is distorted in Latvia case, in other words, the gap is deep between actual situation and recommended standards for economic and social life of teachers.

Described situation discloses a lot of problems in Latvian educational system in macro, meso and micro level. It is possible to point out the lack of sustainable strategies and long-term objectives for education, lack of cooperation and unified goals of involved social agents, unclear division of roles between state, local governments and educational institutions; and in broader sense it gives evidence of unwillingness to appreciate education on the political level. Therefore, it is very hard to predict further development of educational system. There is a potential that can be used, e.g. teachers' enthusiasm and their readiness to work, but this research shows clear evidence that this potential has been gravely abused. If responsible institutions do not essentially solve current problems, it will be impossible to speak about qualitative education and sustainable development of educational system.

(1) Project supported by a grant from Innovation Norway through the Norwegian Financial Mechanism in the frame of Decent Work and Tripartite Dialogue Programme. Available: <http://norwaygrants.inekstranett.no/>

Acknowledgements

Acknowledgements of the team of researchers to all respondents who shared their experience and gave their input for the preparation of this research.

References

Anker R., Chernyshev I., Egger P., Mehran F., Ritter J. (2002) Measuring decent work with statistical indicators. *Working Paper No. 2*. Available: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports/-integration/documents/publication/wcms_079089.pdf (accessed 12.04.2014).

- Aufderheide M., Voigts C., Hulsebusch C., Kufmann B. (2013) Decent work? How self-employed pastoralists and employed herders on ranches perceive their working conditions. *ICDD Working Paper No. 7*. Available: http://www.uni-kassel.de/einrichtungen/fileadmin/datas/einrichtungen/icdd/Publications/ICDD_WP7_Aufderheide_03.pdf (accessed 12.04.2014).
- Bell S., Newitt K. (2010) *Decent work and poverty eradication: Literature review and two country study*. Available: http://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/Decent-work-and-poverty-eradication-literature-review-and-two-country-study_Full-report.pdf (accessed 12.04.2014).
- Boyer R. (2006) Employment and decent work in the era of flexicurity. *Working Paper No. 21*. Available: <http://halshs.archives-ouvertes.fr/docs/00/59/04/52/PDF/wp200621.pdf> (accessed 12.04.2014).
- Central Statistical Bureau of Latvia. (2014) *Population and social processes*. Available: <http://www.csb.gov.lv/statistikas-temas/darba-samaksa-galvenie-raditaji-30270.html> (accessed 12.04.2014).
- European Trade Union Confederation (ETUC). (2007) *Decent work*. Available: <http://www.etuc.org/a/4311> (accessed 12.04.2014).
- Education International. (2013) *EI demands decent work and social dialogue for educators*. Available: http://www.ei-ie.org/en/news/news_details/2588 (accessed 12.04.2014).
- Flick U. (2006) *An Introduction to qualitative research*. London: SAGE Publications.
- Ghai D. (2003) Decent work: Concept and indicators. *International Labour Review*, Vol. 142, No. 2, pp. 113–145.
- International Labour Office (ILO). (1999) Decent work. *Report of the Director-General. International Labour Conference, 87th Session*. Available: [http://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/P/09605/09605\(1999-87\).pdf](http://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/P/09605/09605(1999-87).pdf) (accessed 12.04.2014).
- International Labour Office (ILO). (2008) *Measurement of decent work based on guidance received at the Tripartite Meeting of Experts on the Measurement of Decent Work*. Available: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—dgreports/—integration/documents/meetingdocument/wcms_115402.pdf (accessed 12.04.2014).
- MacNaughton G., Frey D.F. (2011) Decent work for all: A holistic human rights approach. *American University International Law Review*, Vol. 26, No. 2, pp. 441–483. Available: <http://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1704&context=auilr> (accessed 12.04.2014).
- Nizami N., Prasad N. (2013) *Decent work: insights from India's IT industry*. New Delhi: SAGE Publications India Pvt Ltd. Available: <http://books.google.lv/books?id=Yi0nAgAAQBAJ&pg=PA119&lpg=PA119&dq=history+of+decent+work&source=bl&ots=hlgD2HqDPo&sig=oKIE7oDJlh5smtsiJ3IcYNN3afA&hl=lv&sa=X&ei=IvYjVMKzDOH9ygOnwIDoBw&ved=0CHUQ6AEwCQ#v=onepage&q&f=false> (accessed 12.04.2014).
- Prizevoite I., Latvijas izglītības un zinātnes darbinieku arodbiedrība. (2013) *Pedagogu darba samaksu ietekmējošie faktori visparejas izglītības iestādes Latvijā*. Available: http://www.lizda.lv/content/files/lizda_petijums_2013.pdf (accessed 12.04.2014). (In Latvian).
- UNESCO. (1966) *Recommendation concerning the status of teachers*. Available: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13084&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (accessed 12.04.2014).
- Tangian A. (2009) Decent work: indexing European working conditions and imposing workplace tax. *Transfer: European Review of Labour and Research*, Vol. 15, pp. 527–557.

Ginta Kronberga

UNIVERSITIES IN KNOWLEDGE TRANSFER IN LATVIA

Since the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, the topicality of knowledge transfer research is associated with the promotion of long-term social and economic prosperity during which universities carry out not only their role of educating and research but also they must become important agents in the collaboration with wider community for social and economic development. Similarly as other countries of European Union, the changes in higher education and research that Latvia faces in the last decade are related to the introduction of the goals of Lisbon strategy. The goals anticipate the development of knowledge society in close relation with an effective national economy where knowledge takes up the leading role. Research in social sciences indicates that the collaboration between researchers and users depends on the model of knowledge transfer which is applied in the process such transfer. The interest on knowledge transfer between universities and businesses, policy makers and wider community increases in Latvia, too. Results of the research of doctoral thesis has been presented and analyzed in the article. The goal is to study the university's collaboration with other social agents in knowledge transfer in Latvia by evaluating different models of knowledge transfer. The theoretical framework is based on theories (Triple Helix, Mode 2, innovation, collaboration) which reveal collaboration between social agents in the process of knowledge transfer. In the research, qualitative approach and method of case analysis has been used in the analysis of two universities – Latvia University of Agriculture and Ventspils University College. The results of the research show that the knowledge transfer in universities is provided through scientific (linear), demand-driven (two-way) and Triple Helix models. Knowledge transfer is promoted by purposeful process management and informal contacts. The obstacles of collaboration in knowledge transfer create social agents' different understanding of one another and the lack of collaboration incentives (organizational, financial, time factor, etc.).

Key words: universities, knowledge transfer, collaboration.

Augstskolas zināšanu pārnēsē Latvijā

Zināšanu pārnēses izpētes aktualitāte kopš 20. gadsimta beigām un 21. gadsimta sākuma saistās ar ilgtspējīgu sociālās un ekonomiskās labklājības nodrošināšanu, kurā augstskolām jāveic ne vien izglītošanas un pētniecības funkcijas, bet sadarbībā ar plašāku sabiedrību jābūt par nozīmīgu aģentu sociālajā un tautsaimniecības izaugsmē. Latvijā, līdzīgi kā citās Eiropas Savienības valstīs, pēdējos desmit gados pārmaiņas augstākajā izglītībā un pētniecībā saistāmas ar Lisabonas stratēģijas mērķu ieviešanu. Tie paredz zināšanu sabiedrības attīstību ciešā sasaistē ar efektīvu tautsaimniecību, kur zināšanām ir dominējoša loma. Sociālo zinātņu pētījumi liecina, ka sadarbība starp pētniekiem un lietotājiem ir atkarīga no zināšanu pārnēses modeļa veida, kas tiek izmantots zināšanu pārnēses procesā. Arī Latvijā pieaug interese par zināšanu pārnēsi starp augstskolām un uzņēmējiem, politikas veidotājiem un plašāku sabiedrību. Rakstā prezentēti un analizēti promocijas darba pētījuma rezultāti. Mērķis ir izpētīt augstskolu sadarbību ar citiem sociālajiem aģentiem zināšanu pārnēsē Latvijā, izvērtējot dažādus zināšanu pārnēses modeļus. Teorētiskais ietvars balstīts teorijās (Trīskāršās spirāles, *Mode 2*, inovāciju, sadarbības), kas atklāj sadarbību starp sociālajiem aģentiem zināšanu pārnēses procesā. Pētījumā izmantota kvalitatīvā pieeja, gadījuma analīzes metode, analizējot divus augstskolu gadījumus – Latvijas Lauksaimniecības universitāti un Ventspils Augstskolu. Pētījuma rezultāti atklāj, ka augstskolās zināšanu pārnese pamatā tiek nodrošināta zinātnes (lineārā), pieprasījuma virzītā (divvirzienu) un trīskāršās spirāles modeļa ietvaros. Zināšanu pārnēsi veicina mērķtiecīga procesa vadība

un neformālie kontakti. Sadarbības šķēršļus zināšanu pārnēsē rada sociālo aģentu atšķirīgā izpratnē citam par citu un sadarbības stimulu trūkums (organizatorisko, finanšu, laika utt.).

Atslēgas vārdi: augstskolas, zināšanu pārnese, sadarbība.

Высшие учебные заведения в процессе переноса знаний в Латвии

В статье представлены и проанализированы результаты докторской работы. Актуальность исследований по проблеме переноса знаний с конца XX века до начала XXI века была связана с сохранением устойчивого социально-экономического благосостояния страны, которое обязывало высшие учебные заведения выполнять не только образовательную, но и исследовательскую функцию. Исследовательская деятельность ВУЗов в сотрудничестве с широкой общественностью должна была стать значимым агентом в социальном и экономическом развитии. Латвия, как и другие страны Европейского Союза, в последнее десятилетие претерпевает перемены в области высшего образования и науки, которые связаны с целенаправленным претворением в жизнь Лиссабонской стратегии. Эти перемены определяют развитие знаний в тесной взаимосвязи общества с эффективным народным хозяйством, где знания занимают доминирующую роль. Исследования, проведённые в области социальных наук, указывают на то, что сотрудничество между исследователями и потребителями зависит от определенной модели, которая используется в процессе переноса знаний. В Латвии нарастает интерес к переносу знаний между высшими учебными заведениями и предпринимателями, политиками и широкой общественностью. Цель работы связана с исследованием сотрудничества высших учебных заведений с другими социальными агентами с учётом оценки различных моделей передачи знаний. Теоретическую основу работы образуют теории (Тройной спирали, *Mode 2*, инновации, сотрудничества), которые раскрывают проблему сотрудничества высших учебных заведений с другими социальными агентами в процессе переноса знаний. В исследовании применялся качественный подход, метод анализа случая (проведён анализ случаев двух высших учебных заведений — Латвийского сельскохозяйственного и Вентспилской высшей школы). Результаты исследования показали, что перенос знаний происходит в рамках научной модели (линейной), спороориентированной (двусторонней), а также в рамках модели тройной спирали. Переносу знаний способствует целенаправленное управление процессом и неформальные контакты. Барьерами сотрудничества по переносу знаний являются различия в понимании друг друга социальными агентами и отсутствие стимулов для сотрудничества (организаторских, финансовых, временных и т.д.).

Ключевые слова: высшие учебные заведения, перенос знаний, сотрудничество.

Introduction

The National Development Plan of Latvia 2014–2020 discovers that one of the problems of the development of the knowledge society and knowledge economy in Latvia is the insufficient knowledge and technology transfer between universities (national research institutions) and businesses, as well as the still existing lack of conformity between research result creating and using such results in practice. In the case of Latvia, the concept of knowledge transfer often is used from a narrower point of view referring to only one of the types of knowledge transfer, i.e., technology transfer. According to the author of the thesis, the link between the concepts knowledge transfer and technology transfer is close enough as by transferring technology knowledge is transferred, too.

In May 2013, the Council of Higher Education (CHE) released the Concept Project of the Higher Education and University Development in Latvia 2013–2020. In the project, the strategic goal for the higher education in Latvia was set in order to “*develop a system of higher education which could provide a competitive development of the country, its national economy and the system of higher education in the European common area, based on the collaboration between public, private and academic sector*” (Augstakas izglītības padome 2013). This concept conforms with the strategic goals of EU as well as the current events in the field of knowledge transfer – the Triple Helix approach intends to create a triangular collaboration framework which facilitates mutual collaboration among academic environment (higher education and research institutions), industry (all types of business forms) and the state (public administration in all levels) (Augstakas izglītības padome 2013).

The topicality is determined by the fact that the operation of the knowledge transfer and collaboration models described in literature are affected by factors and preconditions determining agents' desire and possibilities to participate in knowledge transfer and collaborate. Therefore, a research analysing university collaboration with other social agents is necessary in order to gain insight about the current practices in knowledge transfer and the models used in it, as well as the opportunities to improve and develop collaboration in knowledge transfer.

The interest on knowledge transfer between universities and national economy has currently increased due to the increasing role of the small and medium-sized enterprises in regional and national economy. The academic society focuses on studies about the linkage between knowledge transfer, entrepreneurs, small firms, regional policy and universities (Niosi 2006; Salter, Martin 2001; Thursby, Thursby 2004; Tisenkopfset al. 2011; Neimanis 2013).

For a long period of time, studies on university and industry collaboration were focused on the transfer of intellectual property in which the commercialization of new products and technology was the main aspect of the agent collaboration. However, more recent studies (Perkmann, Walsh 2007) indicate the multiformity of such collaboration, pointing out other ways and mechanisms on how to facilitate knowledge transfer between universities and industry. Regardless the necessity for knowledge transfer, the collaboration between universities and other social agents in Latvia lacks in keeping up with the innovations as well as the scientists don't work towards, for example, the implementations of the interests of entrepreneurs. That is the basis of the topicality of this thesis.

Aim of the article – to study the university's collaboration with other social agents in knowledge transfer in Latvia by evaluating various models of knowledge transfer.

In this research, the main focus is set on universities as transfer agents and the way universities collaborate with other agents. The research of universities as agents is carried out at the level of structural units and also by acknowledging individual agents because, during the research, it was concluded that this way it is possible to gather more information for the analysis of knowledge transfer). In order to discover the essence of the knowledge transfer, the author of the thesis will also analyze opinions of other social agents (entrepreneurs, representatives of the planning regions and local

governments which are chosen based on the theoretical approach of Triple Helix) on the collaboration with universities.

In the article the following research questions were:

- 1) *Involvement of universities as agents in the process of knowledge transfer*: How is the process of knowledge transfer organized?

Assumption: The involvement of universities in knowledge transfer is affected by the approach and goals of the leadership of the university.

Assumption: In universities, involvement in knowledge transfer is implemented in separate structural units of the university and at the level of individual scientists.

- 2) *The collaboration of the agents involved in knowledge transfer*: Which models of knowledge transfer are applied? How is the knowledge transfer understood and explained from the entrepreneur's point of view? How does the collaboration form between the agents involved in the knowledge transfer (conceptual models of collaboration)? What are the factors facilitating and hindering (stimuli/obstacles) collaboration in knowledge transfer?

Assumption: In Latvian universities, knowledge transfer is carried out mainly within the framework of scientific (linear) and demand-driven (two-way) models.

Assumption: Knowledge transfer is promoted by purposeful process management and informal contacts.

Assumption: the obstacles of the collaboration in knowledge transfer create agents' different understanding of one another and the lack of collaboration incentives (organizational, financial, time factor etc.).

Theoretical background

In the theoretical literature (Landry, Amara, Lamari 2001; Backer 1991), knowledge transfer is based on three conceptual models of knowledge transfer which emphasize the collaborative linkage between researchers and users:

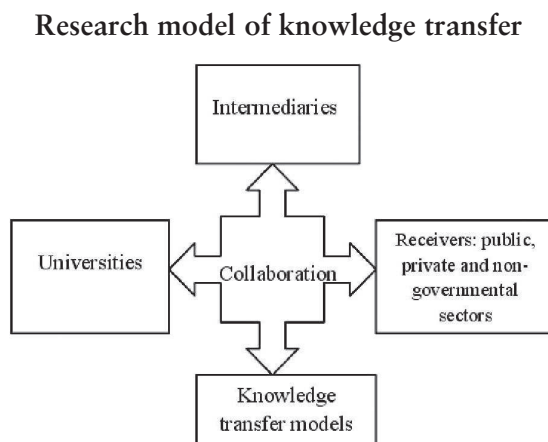
- 1) "Science-driven model" with a linear process of knowledge transfer – the knowledge created by researchers and experts are transferred to users in one way disregarding the interests of the users. This model is very simple, rational, linear, one-way and without the social context. However, the social context is recognized as an important factor in the latest theoretical conclusions.
- 2) "Demand-driven model" with a two-way process of knowledge transfer – the process of exchange and the collaborations between researchers and users have become more important as the interests of the potential users are taken into account. The focus is more on finding solutions to the problems.
- 3) "Interactive model" with a process of knowledge exchange; sharing with knowledge is the main priority; knowledge transfer occurs with the help of intermediaries, for example, knowledge brokers.

The conceptual classification indicates the wide scope of the notion "knowledge transfer". One thing that all of the models share is the need for an active operational linkage between researchers and users for the "exchange, synthesis and application"

(Huberman 1990) of the grounded knowledge in the research. In the thesis, the author defines knowledge transfer as “the exchange and synthesis of knowledge, and ethically grounded and usable complex system of relations which exist between researchers and users” (Landry, Amara, Lamari 2001). Knowledge transfer is a process during which collaboration between social agents occurs and models of knowledge transfer are used. There are four areas of knowledge transfer: transfer of research results, technology transfer, transfer of learning results and transfer of organizational environment (Faye et al. 2008). Most of the definitions interpret knowledge transfer as a process, i.e., mechanism by which the scientific knowledge developed by researchers can be transferred to the users. Knowledge is considered as a product in its transitional process, i.e., it is being adjusted to such language and means which can be applied in various real-life situations (Amara et al. 2004).

Taking into consideration the conclusions drawn from the theoretical literature, the author has developed a model which will be used for studying universities in knowledge transfer (see Figure 1).

Figure 1

Source: created by the author.

The process of knowledge transfer constitutes of a variety of important elements which the author of the research explain as follows: Transfer agents are universities, transfer object is knowledge, transfer context (environment) is the various intermediaries which support the transfer; and knowledge receivers are social agents from public, private and non-governmental sector. The models of knowledge transfer which are used in knowledge transfer are defined by the collaboration between universities, receivers and intermediaries or the lack of it.

Collaboration in the field of knowledge is an open process of value creation during which all the parties involved try to capture all the important aspects of knowledge transfer (Amidonet al. 2005).

H. Etzkowitz has created three levels of academic involvement and models/mechanisms for the transfer agent: 1) the product has been developed in university but its

further development carries out an enterprise; 2) the commercial product has been developed outside university by using academic knowledge for improving this product; 3) the university is the source of the commercial product, and the inventor of the university is directly involved in the commercialization process by forming a new enterprise (Etzkowitz 1998). In the theoretical literature, the transfer mechanisms mentioned the most are: professional development, contract research, collaborative research, sponsored research, workshops, seminars, licensing, patent acquisition, publication examination, consultancy, exchange of personnel, training of personnel, student training, use of laboratories, university spin-offs, incubation of new businesses, informal agents, etc. (Formica et al. 2008; Powell et al. 2000).

Taking into consideration the goal of the research, the universities are described as agents in the research of knowledge transfer, their functions and role by using various theoretical approaches. First, the theoretical approach of Triple Helix and Mode 2 (it considers that knowledge production is completely changed in the academic environment and more often it evolves into the process of collaboration with researchers and other interested parties (Gibbons et al. 1994). Triple Helix model is based on process of collaboration in which such social agents as academia, national government institutions and industry collaborate to create and discover new knowledge, technology or products and services that are passed on to the end-user consequently satisfying the needs of the society (Etzkowitz 2003). The need for the use of this approach is determined by the aforementioned concept project of the higher education by CHE because it is possible that the implementation of this project into practice can/will be causing problems regarding the lack of collaboration between the agents involved in the knowledge transfer in said model.

Second, the author of the research takes into consideration one of the currently predominant theories of the research of knowledge transfer and exchange, i.e., innovation theory. In knowledge economy, innovations are perceived as interactive learning process which is integrated territorially and socially in the context of culture and institutions (Lundval 1992). In literature, the classical definition of innovations is based on the theoretical conclusions of J. Schumpeter who defines innovations as a linear process which is linked to research activities and technology. In the definition of innovations, J. Schumpeter includes not only the economic efficiency which is ensured by the technology innovations, but also the necessity for social innovations – method focused on organizations in which the social innovations are like a new way of organizing practice of entrepreneurship, workplaces and external relations (Schumpeter 1982). In order to understand the relationship between science and technology, and economy, the innovation theory provides two models which correlate with the conceptual models of knowledge transfer. *Linear innovation model* is a model of interaction between the agents of research field (science, higher education, etc.) and agents of business sector. In this model, the basis for applied research is science in order to create new products (production) and bring them to the market (distribution) as innovations (Godin 2006; Andersson, Karlsson 2004). *Interactive innovation model* is a model which explains innovations as a complex process (interaction between several social agents) which takes into consideration regional, social and other factors which are neglected in the linear innovation model (Andersson, Karlsson 2004).

The application of the social innovation and collaboration theories is determined by several aspects: first of all, social innovations are non-materialistic (if a material gain or result exists, it is as an additional benefit). Second of all, in the centre of attention of the social innovations is the creation of resources rather than demands. In the context of knowledge transfer, these resources are new collaboration models or practice that the agents create or use. In sociology, the social innovations (Neumeier 2012) are defined not only as social benefits (process of social change) which provide better results in comparison to the existing solutions, but also as new way for resolving the dissatisfied needs of the society by creating new and sustainable possibilities and resources for change (in the centre of attention are the demands rather than the creation of resources) (Gillwald 2000; Adams, Hess 2008). The correlation between social theory and innovation theory has been developed within the framework of the aforementioned Triple Helix theoretical model which encompasses university-industry-government triangular collaboration model.

The features of the agent collaboration in knowledge transfer are: practice opportunities, constant professional development, common research, knowledge commercialization, licensing, integrated centres, and incubation of the new research-oriented enterprises in HEIs, spin-in of ideas (Formica et al. 2008; Powell et al. 2000).

Also, for many universities in Latvia and other countries the strategic focus is on the creation of science parks in order to facilitate knowledge transfer. They can be small business incubators or large science and technology research parks. The science parks are developed in order to ensure rapid technology transfer, offer better funding for academic programmes, attract research projects for faculties and scientists, financially support workplaces for students and creates opportunities for the commercialization of intellectual property (Huggins et al. 2008).

Regardless the predominant assumption existing at the policy level in Latvia and in the institutions responsible for the research development that it is necessary for universities to be actively involved in the knowledge transfer, in practice, agents of knowledge transfer face various obstacles which hinder the achievement of the set goals, and the current studies and expert opinions in Latvia indicate it.

Study data from the questionnaire of 2010 *The Operation of Local Governments in Latvia in the light of Managers' Evaluation* indicate that the lowest evaluation regarding collaboration linkage is for the collaboration between local governments and universities (answer balance: negative – 25.5) (Krustins et al. 2011). In her Doctoral thesis on *The Collaboration between Local Governments in Latvia* (2012), D. Bite analyzes individual examples from the practice of local government-university collaboration which indicates that the local governments see universities as knowledge transfer agents which can facilitate sustainable regional development.

In Latvia, knowledge transfer is still viewed as one-sided process due to the lack of intentional feedback from economy and society to science. Without this feedback, the possibilities for science to operate effectively for the society and the interests of various strata of society are limited (Berdnikovs 2011). For the economic and social purposes of the universities, there are several authors who have taken up studies on the development and role of the academic and science institutions in Latvia, such as

J. Stradiņš, A. Ādamsons-Fiskoviča, J. Kristapsons, Ē. Tjūņina, I. Ulmīcāne-Ozoliņa, A. Rauhvargers, L. Paņina, D. Viksne, etc.

The role of the knowledge transfer is related not only with knowledge distribution and acquisition, but also with the aspects which ensure the linkage between wider society (including businesses, state administrative organizations, society) and researcher community.

By collecting various sources of literature (Gibson, Kyung 2013; Howells 2002; von Hippel 1994; Johnson 2001; Faye et al. 2008; Kitagawa 2009; Wolfe 2002, Lockett et al. 2008 etc.), it can be concluded that, first, knowledge transfer is affected by the type of knowledge created – whether it is codified or uncoded.

Second, knowledge transfer is affected by social and economic factors: personal contacts, understand which persons to approach and to have contact with, variety of communication channels, creation of transfer centre, sense of common goal, grasp of entrepreneurship, attitude and values, increasing awareness of the transfer, knowledge/technology conferences, creation of collaborative research programmes, clear definition of the transfer, various programmes (training, performing, consultancy), provision of transfer initiatives, sharing with success stories, push and pull of technology, and the main developer and facilitator of the product.

The models of knowledge transfer emphasize the role of the institutions of higher education and research, and their collaboration with other social agents involved in the process. It can be concluded that universities implement several knowledge transfer activities, such as:

- 1) Knowledge exchange by providing education, doing research or collaborating with industry (the faculty staff and students are involved).
- 2) The application of knowledge in solving social and political issues by participating in consultancy councils, meetings with the leadership, expressing opinions openly, etc.
- 3) Codification of knowledge with publications, conference presentations or patents.
- 4) Commercialization of knowledge with product development, application and marketing at a national and international market.

The limitations existing in the mechanisms of hierarchical control and coordination are associated with filtering and delayed action which occurs in the collaboration between different departments of an organization and collaboration partners in the external environment. In large organizations, the managers at the highest level of hierarchy cannot fully understand how internal and external resources could be applied in order to make use of opportunities and overcome obstacles.

The analysis of the literature helps to conclude that the geographical location of the university as a knowledge transfer agent is very crucial because, for example, university-business collaboration, adaptation of education programmes to suit the needs of national economy, commercialization of research results, incubation of research-oriented enterprises, expertise, etc., can leave a positive influence on regional development. The aforementioned operations of the universities facilitate fundamental research and collect knowledge which affects the region's ability to attract and maintain technologically capable businesses at a great extent, thus, ensuring the workforce

with up-to-date knowledge, skills and ability to be flexible and react to the rapidly changing economic conditions. Universities and knowledge agents can participate in a dialogue with the society in various collaboration models. The collaboration of agents in knowledge transfer is becoming more topical in various aspects that are important to the society, for example, it is as one of the strategies in the innovation creation, in maintaining the economic resources, establishing relationships, solving complex social issues during the process of social changes, etc. In the collaboration of agents from public, private and non-governmental sector, it is possible to solve issues, fulfil tasks and reach goals which could not be implemented by individual agents working on their own.

Research methodology

In order to reach the goal – to research the university collaboration with other social agents in knowledge transfer in Latvia by evaluating various models of knowledge transfer – the method of case study is used. It constitutes of the approach of an empirical research which examines today's real life phenomenon in its actual context when the boundaries are not evident enough. Case study is a recognized and widely used method in social sciences (Yin 2003).

By using the qualitative approach of the research which includes literature analysis, case study and partially structured interviews, the cases of the universities are studied in-depth, thus, understanding the core of it and examining each feature in detail (Patton, 2002). A case study is a complex approach including methodology, data collection, methods, data analysis of the approach as well as it provides the explanation of the acquired results and description of the situation (Yin 2003).

The research presents the results of two cases: Latvia University of Agriculture (LLU) which is sector-oriented; and Ventspils University College (VeA) which is region-oriented and carry out purposeful collaboration with local government. The choice of the cases was determined by several aspects: the choice of a collaboration model, time of operation, diversity of activities and competences, the location of the university. The choice of such cases stems from the theoretical conclusions made from the analysis of the scientific literature, studies and documents which reveal that the operation of universities as knowledge transfer agents in smaller countries is not much different than elsewhere; the differences are mainly determined by the geographical proximity, funding model, the involved collaboration agents, etc.

Ventspils University College is founded in 1997 and it is located in Ventspils in the Kurzeme Planning Region. VeA emphasizes the use of Triple Helix. The competencies of VeA are Management Science, Applied Linguistics, Computer Science, Information Technology, Engineering Sciences and Radio Astronomy. Latvia University of Agriculture is founded in 1938 and it is located in Jelgava in the Zemgale Planning Region. The competences of LLU are Agriculture, Forestry Science, Veterinary Medicine and Food Science.

Description of the selection and field work. Within the framework of the thesis, a method of targeted selection was used, in which the researcher chooses informants

based on personal knowledge and opinion on which of the informants could be applicable for the research field (David, Sutton 2004). Taking into account the created research model of knowledge transfer (see Figure 1), the author chose informants from universities, intermediaries and public, private and non-governmental sectors (see Table 1).

In the thesis, the available selection was also used which was selected from the interviews with entrepreneurs who are a specific group of social agents; some interviews were also turned down due to the busy schedule of the entrepreneurs.

In the qualitative approach, the author uses direct, partially structured interviews, group interviews and document analysis which serve as an additional empirical material. In the research, the used materials (operational strategies of universities, regulatory documents of the planning region development) help to understand the essence of knowledge transfer in-depth. According to A. Bryman and E. Bell (2007), the partially structured interview constitutes of a general list of questions prepared by the interviewer, and the order of the questions may change depending on each situation, in that way, the balance between flexible structure and openness is maintained.

The research is carried out in a circular manner (Flick 2006) which complies with the methodology of qualitative approach. In the research, field work and the processing, analysis and comparison of the acquired information was carried out simultaneously allowing forming gradual selection based on the results acquired in the research. Thus, during the research, the author reviewed the acquired information systematically in order to define the assumptions more accurately and broaden the selection so the description of the situation would be as well-rounded as possible.

During the research, 7 partially structured group interviews and 55 partially structured individual interviews were carried out, in total, 75 informants were interviewed. The field work was carried out in two stages from 2009 to 2013 during which the data acquired by collaborating with researchers as well as from the field work of the author were used.

In the first stage (2009 – April 2010), the data were acquired in collaboration with the researchers Dina Bite and Līga Paula in the project *The Research Potential of Universities in Facilitating Regional Development*. Within the framework of this project, the action research *The Conceptual Models of Collaboration in Knowledge and Technology Transfer: Case Study of Latvia University of Agriculture* was carried out. The organization of the research methodology carried out in the project was based on partially structured interviews of the qualitative research and document analysis. During the research, 6 partially structured group interviews and 19 individual interviews with the faculty members (representatives of faculty departments) were carried out. Overall, 35 respondents were interviewed. Within the framework of the research, the existing collaboration models between the faculties of LLU as well as between the faculties of LLU and other social agents in public and private sector were acknowledged within the Zemgale region and other regions of Latvia. The guidelines of the questions of the interview were as follows: Which are the agents that faculties collaborate with? What is the collaboration like in the region? Which type of collaboration network models is functioning? (Bite et al. 2010).

In the second stage, the field work was carried out from April 2010 to February 2013; the author did 37 interviews. The empirical data were acquired taking into consideration the interview guidelines applied in the first stage. The scientific publications used in the analytical part of the thesis were written solely by the author of the thesis as well as in collaboration with co-authors and they were focused on the topic of the thesis.

Table 1

Social agents interviewed during the research

Agent of interaction (code in the analysis)	Amount of interviews
Universities (<i>Rector of LLU, Rector of VeA; representatives of structural units</i>) were interviewed.	Stage 1 – 6 partially structured group interviews; 19 partially structured individual interviews. Overall, 35 informants Stage 2 – 6 partially structured individual interviews.
Intermediaries:	
The Manager of Technology and Knowledge Transfer Centre of LLU (<i>TKTC Manager</i>)	1 partially structured interview
The Manager of Technology Transfer Centre of Kurzeme (<i>KTPK Manager</i>)	1 partially structured interview
The Manager of Ventspils High Technology Park (<i>VHTP Manager</i>)	1 partially structured interview
The Manager of JIC Business Incubator (<i>Business Incubator Manager</i>)	1 partially structured interview
Representatives of Lifelong Learning Centre (<i>Manager of Lifelong Learning Centre, Representative</i>)	2 partially structured individual interviews and 1 partially structured group interview (3 informants)
Representatives of Kurzeme and Zemgale Planning Regions (<i>Representative of Planning Region</i>)	3 partially structured interviews
NGO Representatives of Zemgale and Kurzeme regions (<i>NGO</i>)	2 partially structured interviews
Representatives of Jelgava and Ventspils local governments (<i>Representative of local government</i>)	3 partially structured interviews
Entrepreneurs (<i>Entrepreneur</i>)	16 partially structured interviews

Source: created by the author.

For informants, there were chosen representatives from universities who represent the following areas in it – rectors of universities, members of faculties (lecturers, scientists), managers of lifelong learning centres, managers of technology and knowledge transfer centres. Representatives of Zemgale and Kurzeme Planning Regions, representatives of Jelgava and Ventspils local governments and entrepreneurs in Kurzeme and Zemgale regions were also chosen as informants.

In the thesis, the ethical standards of sociological research were met. All informants took part in the research voluntarily, and they were informed about the goal and the procedure of the research (Flick 2006). With the consent of the informants, the interviews were recorded and afterwards transcribed. The length of the interviews ranged from half an hour to an hour and twenty minutes. The interviews were done in the workplaces of the informants previously agreeing on the time of the interview. If the informants expressed their wish to get acquainted with the questions beforehand, they were sent to them electronically. Several informants wished to stay anonymous in the result analyses; additionally, some of their information is sensitive, thus, there will be no mentioning of their names or positions in the text. For other informants, the positions in the respective institutions are mentioned (see Table 1).

The questions were about general description of a social agent, the understanding of the process of knowledge transfer and what methods or instruments are used for facilitating knowledge transfer. What are the operational collaboration models? How does the expertise transfer of structural units to regions/Latvia/at an international level occur? How should the collaboration between various partners and other interested parties be organized? In the interviews with the entrepreneurs, there were such additional aspects clarified: field of operation, time of operation, entrepreneurs' experience in collaboration with universities (do they have it or not).

For the credibility of the research triangulation is used. Triangulation is a set of methods, research groups and various theoretical perspectives which are used for studying a phenomenon (Flick 2006). For the research of the process of knowledge transfer in universities, the triangulation of data sources were carried out by including various social agents in the selection which, in the case of universities, are rectors of universities, members of the structural units of the faculties, managers and employees of intermediaries as well as entrepreneurs and representatives of local governments in the Triple Helix context.

The data analysis is carried out by the methodology of case analysis. Information acquired from each case was coded and categorized, and compared in-between cases. By generalizing data, they were juxtaposed with the theoretical conclusions in order to gain answers to the research questions and assumptions.

Overview of research results

The research results are structured according to the set research questions and implemented tasks by analyzing the collaboration with other social agents in Latvia in knowledge transfer in Latvia University of Agriculture and Ventspils University College and evaluating different models of knowledge transfer.

University involvement in knowledge transfer. Providing the answers for the research questions in the first block on how universities participate in knowledge transfer and how the process is organized, it can be concluded that the process of knowledge transfer in universities is organized in accordance with the functions and developed operational strategies in several levels taking into consideration the traditions and socio-economic context of the university which are determined by the mission

and the goal of the university and its structural units within the framework of national strategic planning system.

The approaches of the university's leadership and scientific activities of university's structural units and individual scientists are the features indicating the process of knowledge transfer organization for education, research and collaboration with industry and wider community

In the case of Ventspils University College, Triple Helix model is used which informants recognize as a successful model in Ventspils. The leadership of VeA believes that separate models of collaboration are not necessary as the collaboration of public administration organizations, private business organizations and education and research institutions is implemented by applying institutional solutions, for example, creating the Ventspils Technology Development Board. In organizations of knowledge transfer, such solution is a good example on how prerequisites for implementation of peculiar projects of education and technology development can be created when involved parties collaborate. In many informant answers, the importance of human and economic resources was emphasized in the development of Ventspils. The operation of the university is linked with Kurzeme Planning Region, whereas, at a national level, work is carried out in a specific science field which is determined by historical and geographical conditions. As a heritage from USSR army, the university has acquired Irbene's radio telescope, thus, the fields of knowledge transfer developed in university are radio astronomy, satellite building and space research which are interrelated and their organization is internationally-oriented. In the university, these fields are incorporated in study programmes of IT and Engineering. The university not only provides the possibility for students to study close to their home, but also develops in-demand fields in national economy – Information Technology, Electronics, Management Science, Translating and Linguistics in collaboration with local government and business agents. In the case of Latvia University of Agriculture, the leadership's approach cannot be associated with a specific model of knowledge transfer in the organization of the process. The operation of the university and the development strategies have been affected by the historical context when taking into account the research traditions, competencies and fields of expertise.

In the case of LLU, a close linkage with practice in unique fields (Agriculture, Veterinary Medicine, Landscape Architecture and Planning, Food Technology, Forestry Science, Forestry and Wood Processing) is apparent and the priority of their development is logical because the existing knowledge base, collaboration models tested in practice and contacts allow a better involvement in the process of knowledge transfer. The organization process of knowledge transfer in LLU is also associated with the collaboration with international universities, international organizations and networks, thus, the university positions itself as a national and international knowledge agent.

The proposed **assumption** that the involvement of universities in knowledge transfer is affected by the approach and goals of the leadership of the university is confirmed.

The analysis of the university cases confirms that universities and their structural units develop several strategies which correlate with the functions of the universities defined in theory (Drucker, Goldstein 2006): knowledge creation, creation of human capital, technology transfer, technological innovations, attraction of capital investment,

role of the leader in the development of the region, participation in the development of knowledge infrastructure and the influence on social environment in the region.

As knowledge and science centres in the region, universities, its affiliates and research institutions play a significant role not only in implementing their fundamental functions but also in other aspects, for example, they have a large amount of human resources around them spatially and institutionally.

Examples of strategies developed by universities and their structural units are: adaptation of education programmes to the requirements of certain fields, partnerships between universities and businesses, programmes of technology transfer, formation of collaboration with various agents, commercialization of research results, etc. These operations of the universities facilitate fundamental research and gather knowledge which affects the region's ability to attract and maintain technologically capable businesses at a great extent, thus, ensuring the workforce with up-to-date knowledge, skills and ability to be flexible and react to the rapidly changing economic conditions. An additional attention by universities is paid to increasing the materialistically-technical and intellectual potential which allows fulfilling their functions more efficiently. The operations of universities include activities, such as the provision of education and scientific research, maintenance and development of knowledge infrastructure, knowledge codification and knowledge commercialization.

In describing the priorities of Kurzeme and Zemgale Planning Regions, the informants from said regions name facilitating development of entrepreneurship in the region. Also, the presence of universities in the region is an important factor as a university is considered to be a significant knowledge and research agent. In the implementation of projects, universities, their structural units and individual scientists are involved as partners. The goals included in the documents of Kurzeme and Zemgale Planning Regions correspond with the opportunities which the universities can offer to the region; nevertheless, one of the problems mentioned by the informants is the weak collaboration between scientists and entrepreneurs. As a positive factor, informants mention the operation of lifelong learning centres in universities which actively participate in implementing several projects within the context of planning regions as well as local governments.

The **assumption** that involvement in knowledge transfer is implemented in separate structural units of universities and with individual scientists is confirmed because certain research projects are implemented by scientists representing various fields of science in collaboration with individuals or institutions. Gradually, collaborations with the participation of national institutions, local governments and entrepreneurs are formed around this central product/idea.

Overall, it can be observed that traditional approach which includes the implementation of formal role and functions and innovative approach which is directed towards collaboration and mutual improvements in the collaboration practice which is initiated by individual scientists as well as structural units occur simultaneously. The collaboration of the structural units of the university with agents representing public, private and non-governmental sector is characterised by knowledge application in the solving of social and political issues by involving in consultancy councils, development of strategic documents, field expertise, etc; such collaboration is mostly imple-

mented in structural units or with individual scientists. The informants recognize that the involvement is often informal and based on contacts in social networks which also facilitate the development of institutional relationship between agents.

The collaboration of the agents involved in knowledge transfer. Answering the research questions of the second block and analysing the collaboration of agents involved in knowledge transfer, it is possible to identify features of all three theoretical models as it cannot be strictly assumed that only one specific conceptual model of knowledge transfer exists in university practice.

The linear process of knowledge transfer is more characteristic in social sciences. The demand-driven or two-way process of knowledge transfer is more evident in natural and engineering sciences; in the case of VeA, also in the field of applied linguistics. It can be explained with the fact that social agents who need practical and technological solutions and innovations are mostly operating in the field of natural and engineering sciences (in production and processing). Furthermore, the representatives of these fields are more actively involved in the formation of collaboration in comparison to the agents of social and humanitarian fields within the universities studied in the thesis, as they have the appropriate infrastructure and competences. The importance and topicality of this model of knowledge transfer is related also to the general tendency and requirements for modern science to create a direct link between industry and national economy. In the university strategies, several points on closer collaboration with social agents outside academic environment are included (with entrepreneurs, representatives of public and non-governmental sector, also local society).

The **assumption** that knowledge transfer is implemented mostly in the context of scientific (linear) and demand-driven (two-way) models in the universities in Latvia are partially confirmed because the empirical data indicate that interactive model in knowledge transfer is also apparent in university practice; it is indicated by the diverse collaboration initiatives. It is worth mentioning that structural units operate in LLU and VeA specific for this purpose. In LLU Knowledge and Technology Transfer Centre and Business Incubator operate. Whereas in VeA, Technology Transfer Centre of Kurzeme (KTPK), Ventspils High Technology Park (VATP), business incubator and the first pre-incubator operate. The pre-incubator is situated in the university's facility which can promote initiatives of the process of knowledge transfer as the intermediaries are located close together and the capacity and possibilities are acknowledged. These centres have the function of an intermediary between university and practical users of knowledge outside it, from one side, representing university by developing and offering its knowledge infrastructure, and from the other side – by attracting potential knowledge users. Within the framework of interactive model, there are also collaboration network programmes, technology platforms, research groups, competency centres, research institutes, fairs, clusters, etc., as typical features of the collaboration.

During the research of the thesis, there were identified the following **collaboration models in universities with agents of public, private and non-governmental sectors in four fields of knowledge transfer**: 1) provision of study process, 2) scientific activity and research, 3) creation of field policy, expertise, 4) collaboration with wider society in knowledge transfer (at the community level).

By analyzing the diverse collaboration models, it can be concluded that gradually the collaboration between social agents becomes more and more extensive and complex. Several factors affect the collaboration in knowledge transfer: the necessity to accomplish formal criteria, for example, participation in projects, individual agent's necessity or interest on a specific issue, the necessity to adapt to the economic situation, etc. The universities become more open and try to respond to the various demands of social agents. Due to formal and informal stimuli, the collaboration is formed between universities and other social agents by solving several complex issues, implementing innovations and creating new knowledge and disciplines. The involvement of the region, university, entrepreneurs and other social agents in the process of knowledge transfer is based on ideas on a closer collaboration among all agents, education quality, development of common innovative products and technology of science and practice in Latvia.

In the analysis of the collaboration with universities in knowledge transfer from the entrepreneurs' point of view, it is affected by the following factors: entrepreneurial skills, development of innovative ideas, issues inside the enterprise and with the clients. The informants admit that the activity of the enterprises is facilitated by demand of the clients; the desire to create new products and to ensure the operation of the business. These aspects are closely linked to the general market situation and the desires of the clients. The obstacles in knowledge transfer are mainly related to the existing opinion on *them* (scientists) as theoreticians and *us* (entrepreneurs) as practitioners admitting that the collaboration should be formed taking into consideration the desires and opportunities of both of the parties. The financial aspect is also important – if a necessity occurs, funding is also required. Time an important aspect is also in which the entrepreneur can or cannot make the changes necessary for the provision of a product or process. Evaluating the collaboration with students, the entrepreneurs admit that obstacles in collaboration can be related to the high “self-appraisal” of the students which hinder not only the communication, but also the performance of various operations for which the students wish to receive unreasonably high remuneration. According to informants, students and scientists in Latvia do not possess entrepreneurial skills. They believe that scientists in Latvia are not ready to become entrepreneurs.

Taking into consideration the aforementioned, it can be concluded that a successful collaboration between entrepreneurs and universities exists, although the understanding of one another's possibilities and needs is incomplete. As a result, false expectations, preconceptions and misunderstandings occur. In a degree, various intermediaries can help in such situations; however, it would be more important to step out of the comfort zone for both of the sides in order to gain mutual benefit from the collaboration.

Stimuli and obstacles in the knowledge transfer. The significant factors affecting the formation of various collaboration models and the stimulation of knowledge transfer are the previous experiences and the understanding on where the desired knowledge is located by the agents involved.

If the agents involved in knowledge transfer have created an operational channel or mechanism, it is used in knowledge transfer and various collaboration models, and fields regularly – in research results, technology, learning results and in the transfer of organizational environment.

An important precondition in the collaboration of knowledge transfer is the interest shown by the involved agents to actually collaborate. If the agents are interested, new forms of collaboration develop which can be innovative in many aspects. For example, the formation of interdisciplinary collaboration when agents collaborate with experts of other fields as the research issue concerns several sectors. Such collaboration ensures new knowledge, research solutions and collaboration models.

The most common collaboration model in the field of research is “scientist to scientist”. Respectively, specific research projects are implemented by researchers from various sectors mutually collaborating individually or at the institutional level. Gradually, partnerships with the participation of national institutions, local governments and producers/entrepreneurs are formed around this central product/idea.

One of the most important factors facilitating formation of various collaboration models is the funding available from the EU Structural Funds. The development of a specific product, activity or research direction is dependent on whether the project will be supported, whether it could be continued, or what the requirements for the project tender will be, etc.

In the development of an innovative idea, there are several opportunities for a benefit for several sectors, thus, the need for new forms of collaboration appear. Agents can coordinate interests and plan the resources (time, finances, etc.) timely if they recognize the further development in collaboration.

In several evaluations of the informants, the need for lifelong learning is apparent in order to facilitate collaboration as constant professional development is an important form of transfer. The informants admit that they continue the learning and training process, for example, business personnel are provided with in-service training and field experts study in advanced education programmes.

Common research as a form of knowledge transfer and stimulus facilitate the creation, development and usage of products or ideas in various fields.

The informants said that an important place in collaboration and knowledge transfer takes up the network of social contacts, its maintenance and improvement which allows developing several collaboration models. In forming collaboration between structural units and other agents from public, private and non-governmental sector, the predominant role in universities takes up personal contacts which have created also institutional (formal) relationships between agents. Such informal contacts can be viewed in two ways. From one side, they ensure trust which is based on previous experiences, good practice and the possibility that the next collaboration will be successful. From the other side, they can limit new collaborative initiatives which could form with other agents in knowledge transfer who have other, possibly more diverse, resources, knowledge and collaboration in the network.

In the research of the cases of VeA and LLU, the **assumption** about knowledge transfer as a facilitator for purposeful process management and informal contacts is confirmed. It can be concluded that the described facilitating factors of collaboration can be correlated with the conclusions made from the social innovation theory on the aspects that collaboration triggers such stimuli and initiatives (individual or institutional) during which interests and attitudes from the collaboration agents are coordinated for beneficial gain. From the case studies, it can be concluded that in the collabo-

ration between universities and other agents, opportunities for social innovations occur.

The **assumption** that the obstacles of the collaboration in knowledge transfer create agents' different understanding of one another and the lack of collaboration incentives (organizational, financial, time factor, etc.) is confirmed as several obstacles that hinder knowledge transfer were determined in the research. Most of the obstacles are associated with insufficient funding, time and human resources, traditions developed throughout the years or the lack of them in a specific field, mutual expectations and understanding of the essence and procedure of knowledge transfer which is often related to the stereotypes of one another.

From the analysis of the case studies, collaboration with entrepreneurs and other social agents is affected by the following factors: entrepreneurial skills, development of innovative ideas, issues inside the enterprise and with the clients. A potential obstacle is the uncertainty about the further operation of Technology Transfer Centres after the project ends in 2013 as the funding will stop rolling in.

The requirements of the EU Structural Funds often require searching for collaboration partners and giving opportunities to expand the research field. Nevertheless, several shortcomings exist – the development of a specific product or research direction depends on whether the project will be supported, whether it could be continued, or what the requirements for the project tender will be, etc. Thus, development of several research ideas currently is fragmentary and dependent on unstable funding.

One of the main obstacles is the progress of a project which does not provide positive and immediate outcome (in science, a negative outcome is still an outcome) as having a negative outcome usually stops the flow of the funding.

The collaboration in knowledge transfer is also hindered by shortage of time and the different understandings of time between the agents involved in collaboration. The researches may work on a research for several years, whereas the entrepreneurs need the results immediately. The entrepreneurs need the results fast. There are cases when researchers work on a specific case study which is similar to the one needed by the entrepreneur.

The lack of human resources, incompetence and too big workload are also creating obstacles in knowledge transfer. Problems are caused also by the lack of competence for attracting partners from other countries.

In general, it can be concluded that the types of collaboration models in knowledge transfer depend on various factors and their combinations, for example: the goal of knowledge transfer, involved agents and their links with university (personal contacts, spheres represented by transfer agents, how long the collaboration has existed and how close are the ties among collaboration partner), the priorities of agents involved in knowledge transfer and the operational tasks (for example, the strategic task for structural units to become important research centres, researchers' tendency towards reflecting the research results in academic publications or mass media, or initiative from entrepreneurs to develop a specific technology for their business in collaboration with university), available funding, time resources, human resources, traditions developed throughout the years or the lack of them in a specific field, mutual expectations and understanding of the essence and procedure of knowledge transfer.

The main propositions for the agents involved in the process of knowledge transfer are as follows:

- 1) The provision of information: the universities have to provide information which is created in a mutual communication with social agents, local government and at a regional, national and international level striving to balance the agents' understanding of and expectations from one another on the importance, relevance and value of codified and uncoded knowledge, popularize the examples of good practice in academic environment and in society in general. In communication with entrepreneurs and other agents, professional intermediaries, such as knowledge brokers, collaboration coordinators must be used.
- 2) Purposeful formation of formal and informal collaboration, acknowledgement of the needs in all structural units of the universities as well as of social agents representing public, private and non-governmental sectors is needed by involving specific persons who participate in the process of knowledge transfer as an important role play also the contacts in the social network.
- 3) To facilitate the implementation of interdisciplinary projects and research.
- 4) Concerning policy makers, to solve issues in order to decrease the obstacles in collaboration which often appear during common research about intellectual property that could be created.
- 5) Concerning social agents, continue to initiate activities in order to use the intellectual potential of the universities, for example, by expertise provision, participation in sectoral associations, technology platforms, exhibitions and forums. To find opportunities to develop and provide financial support to knowledge transfer activities as motivation to participate in knowledge transfer is mainly associated with the financial stimuli for all of the agents involved in the process.

Discussion and conclusions

University involvement in the process of knowledge transfer and the organization of this process. By the analysis of the literature, it can be concluded that there are four areas of knowledge transfer: transfer of research results, technology transfer, transfer of learning results and transfer of organizational environment.

The universities and their social agents in Latvia associate knowledge transfer mostly with knowledge codification, technology transfer and commercialization. Knowledge transfer is often linked with the introduction of innovations by developing new products and technology, as well as the implementation of purposeful research and development. For the most part, the technology transfer is related to information and its efficiency rather than knowledge and its usefulness. The case analysis indicates that the agents face the problems of information asymmetry relatively often. Meaning that scientists and other agents who are or could be interested in collaborating often use a different terminology, therefore, the communication is not possible; entrepreneurs admit that researchers often cannot express their opinions in a way that is understandable for the entrepreneurs, and the communication is too academic. There is a lack of mutual understanding about the importance, relevance and value of the research. This

lack of understanding can be applied in the context of interdisciplinary research teams as different perception about the research process, organization, terminology and other aspects can occur in different fields of science. The understanding of the process of knowledge transfer can also be related to the way the resources can be used more efficiently.

University is not considered as a single agent of knowledge transfer, rather the collaboration between their specific structural units – faculties, research institutions, technology transfer centres, lifelong learning centres, individual scientists – and other social agents. The informants have an opinion that knowledge transfer depends on particular people and individuals who take part in the process of knowledge transfer because the contacts of social networks play a crucial role in practice.

The development of science parks, technology transfer centres, lifelong learning centres and other structural units in universities occur not only for facilitating the commercialization of the intellectual property of the university, but also for ensuring the collaboration between universities, administration bodies and business environment which altogether is linked to the process of knowledge transfer.

Three types of collaboration between businesses and universities are contract research, collaborative research and consultancy. Contract research is a research conducted by the researchers of the university on other agent's behalf (the agent is the client and they pay for the research). The client receives the research results but they are not actively involved in the research process. A collaborative research is mostly carried out collaborating with the business, for example, in developing a new product in food industry. Consultancy takes the form of expert advice or analysis services. The general distinction is that in consultancy the academic provides advice to the business rather than actually conducting a research.

The collaboration of the agents involved in knowledge transfer. There are different collaboration models which operate among students, entrepreneurs, policy makers and other practitioners who perform different functions in the knowledge transfer – participate in the study process, use the research results, support and fund the ideas, etc. Regardless the various collaboration models detected between universities and other agents in knowledge transfer of the case studies, the potential of the collaboration model “scientist – producer” is not sufficiently used. The collaboration lacks in institutional solutions, stable funding and confidence in a successful outcome. Currently, both approaches – traditional approach (linear transfer) which encompasses distrust, conservative attitude and competitiveness, and innovative approach (two-way and interactive) which is focused towards collaboration exists at the same time.

The collaboration between universities and other social agents in the uncodified knowledge transfer can be associated with the following collaborative practices: organising negotiations, giving consultations, resolving conflicts, writing projects, developing strategies and establishing collaborations.

Knowledge transfer, which is based on knowledge demand, can be related to, first of all, collaboration which is dependent on agents who require knowledge and, second of all, collaboration can develop when the knowledge supplier and knowledge receiver meet. Such knowledge transfer where academics, entrepreneurs and other agents meet one another increases the opportunities for collaboration as all of the parties are agents

with similar interests and goals. This collaboration increases the chances to find new ways on how to facilitate and form collaboration in the future.

The goal of knowledge commercialization (which is only one of the areas of knowledge transfer) is to transfer knowledge in order to create new possibilities for businesses. The process of knowledge transfer for such purpose occurs through consultancy, subsidized laboratory facilities and provision of communications.

In order to facilitate greater understanding about collaboration among students, entrepreneurs and other potential collaboration agents, stimuli must be found for ensuring that entrepreneurs and representatives of state administrative bodies meet up with the students. The collaboration can be carried out by guest lectures, discussions, seminars, informal meetings, etc. in order to ensure the exchange of the information on the needs and possibilities of the agents involved in the collaboration. The agents who could take part in such activities in the universities are not only the leadership of the faculties, but also other structural units of the university – technology and knowledge transfer centres, public relation and external relation departments.

In general, by analyzing the cases of VeA and LLU, several benefits can be detected which derive from the process of knowledge transfer through collaboration with different social agents.

The benefits from the knowledge transfer can occur at different levels: individual, university, local community, regional as well as national economy and international level. The benefit for the agents involved in the collaboration can be a solution for a specific problem or an understanding about what kind of knowledge should be used in a certain situation or context (here the knowledge transfer is in the form of training). In collaboration with other agents, universities carry out activities which are mutually coordinated among the involved parties. Additionally to the financial gain from the research, university as an agent can acquire more in-depth understanding of the context after conducting a research individually or in a team. Interdisciplinary research, in which different agents participate, can facilitate the formation of new, often innovative, collaboration models.

Knowledge transfer benefits also the businesses, thus the economy in general. Knowledge transfer can also be associated with entrepreneurial skills and the development of new ideas not only within the business, but also with its clients, too. The activity is facilitated by demand of the clients; the desire to create new products and the provision of the operation of the business are the aspects which are also closely linked to the market situation and the desires of the clients.

Obstacles in knowledge transfer. The knowledge infrastructure is costly, therefore, it has to be flexible and adjustable to different solutions for the interested parties; the investment in science should benefit also wider community. The lack of funding is affected by several factors: the Higher Education Law is still not passed which prevents the adjusting of the operation of the universities and hinders the acquisition of EU Structural Funds. There are not enough resources for providing co-financing for the acquisition of EU Structural Funds. The decrease in the financing for higher education and science affects the situation negatively and has reached its critical point, in comparison to other European countries.

The representatives of the universities mentioned several hindering factors and obstacles in knowledge creation and transfer. The procedure of preparing and announcing the research project is recognized as a complicated one; there is a need for co-financing; several administrative obstacles exist relating to project administration, especially, in terms of time resources. The work load of the academic staff hinders the research activities as most of the time is dedicated for teaching study courses.

The processes in higher education affect also knowledge creation and transfer. The amount of state-funded study positions is decreasing, more problems occur to those potential students who would be ready to pay the study fees, the amount of state grants is not sufficient, the requirements for underwriters increase, the study fees increase, etc. The situation is negatively affected also by the demographic “slump” in which Latvia has fallen into after gaining back its independence. With the decrease in numbers of students, the load of work of the university staff also decreases. The state funding for research in universities is not stable. This results in researchers who are more determined and skilful to leave for different economic sectors or to emigrate to another country. That way, the human capital in universities decreases which also leaves a significant impact on the possibility to collaborate and create new knowledge and products.

The interaction between scientists and agents from business environment and other interested parties is often lacking in understanding and collaboration; there is shortage of time due to the different time measurement systems among the agents involved in such collaboration.

The entrepreneurs point out that universities often see the problems of small and medium-sized enterprises as insignificant for a research. It is observed that relying on approved and existent contacts and collaboration partners does not facilitate involvement of new collaboration agents. There is often lack of initiative; it is expected from the other party; the interest in participating in activities without financial stimuli is lacking. The dialogue between social agents is missing – one party tends to think and express opinions negatively and with prejudice about the other party due to ignorance of one another. Entrepreneurs often do not trust universities and that does not facilitate the participation in the processes of knowledge transfer because of the existing stereotypes about universities as agents and their capability to offer the necessary knowledge.

Often agents (especially entrepreneurs) cannot define the problem or the task to scientists, at the same time, these agents are not ready to pay an external personnel or intermediary institutions for services that would help them to do so. The informants admit that the business culture is poor; the desire for a fast profit without possibilities for a long-term development exists.

Universities as knowledge transfer agents do not participate enough in knowledge transfer because micro, small and medium-sized enterprises which take up the predominant role in the entrepreneurship in Latvia do not have the capacity to accumulate knowledge. There is also a lack in advanced and modern technological equipment which would enable universities to perform necessary tests and examinations. Not often universities are able to purchase the necessary equipment and to renew the infrastructure.

Evaluating the student potential in the knowledge transfer, the entrepreneurs admit that obstacles in collaboration can be related to the high “self-appraisal” of the students

which hinder not only the communication, but also the performance of various operations for which the students wish to receive unreasonably high remuneration.

The entrepreneurs consider that students and scientists in Latvia do not possess entrepreneurial skills. They believe that the scientists in Latvia are not ready to become entrepreneurs.

The type of the knowledge transfer model is also important. Within the interactive model, the collaboration is bilateral or mutual, thus, the desire and interest to participate in knowledge transfer is important for all of the agents.

In the process of knowledge transfer, there are several interrelated problems:

- 1) Motivation to participate in the knowledge transfer which is based on the lack of financial stimuli for all agents involved in the process.
- 2) Management (an important issue is personnel) and evaluation (which is considered to be the results of such activities) of knowledge transfer because often, e.g., neither the creation of social networks, nor meetings are considered as activities related to knowledge transfer.
- 3) Process of creating collaboration; how agents can meet in order to develop collaboration; here the necessity of several institutional solutions is underpinned, e.g., technology transfer centres, innovations, lifelong learning centres, etc.
- 4) Acknowledging the needs and the skills to collaborate for implementation of common goals.
- 5) Ability to trust one another.

Laws of the Republic of Latvia and universities regulate the collaboration for implementation of common research, by establishing the rights of use for any intellectual property that may be created. In order to coordinate interests of both sides, mutual understanding among agents is a necessity in such collaboration process. Often the collaboration fails because entrepreneurs are not willing to pay the universities declaring that they are state administrative institutions which are to provide the knowledge for free.

Policy makers emphasize the need to involve students of all levels in the research process which could result in innovative and commercializable products and technology, especially in natural and engineering sciences. A topical role in knowledge transfer play also social sciences; members representing this field also have to show the added value of their research.

Taking into consideration the historical aspect of Latvia, it is clear that the collaboration between universities and other agents is hindered by the lack of trust, the necessity to collaborate due to formal and forced conditions, and the big proportion of small and medium-sized enterprises with limited resources.

For the follow-up research in the context of knowledge transfer, the author of the thesis concludes that the need to study factors which facilitate or hinder the participation in knowledge transfer is required. First, qualitative research is required in order to create typological description of organizational factors which affect the involvement in knowledge transfer and to understand the mechanism of how these factors facilitate decisions and choices of an individual. Second, quantitative evaluation is required in order to determine at what degree the quantity and quality of the aspirations

of knowledge transfer by the university researchers actually are improved by the changes in the indicated spheres.

References

- Adams D., Hess M. (2008) Social innovation as a new public administration strategy. *Proceedings of the 12th annual conference of the International Research Society for Public Management*. 26–28 March 2008. Brisbane, pp. 1–8. Available: [http://www.irspm2008.bus.qut.edu.au/papers/documents/pdf/Hess&AdamsSocialinnovation asanewPublicAdministrationStrategy-IRSPM2008](http://www.irspm2008.bus.qut.edu.au/papers/documents/pdf/Hess&AdamsSocialinnovation%20asanewPublicAdministrationStrategy-IRSPM2008) (accessed 15.04.2014).
- Adamsons-Fiskovica A., Kristapsons J., Tjunina E., Ulcane-Ozolins I. (2009) Moving beyond teaching and research: economic and social tasks of universities in Latvia. *Science and Public Policy*, March, Vol. 36, No. 2, pp. 133–137.
- Amara N., Ouimet M., Landry R., (2004) New evidence on instrumental, conceptual and symbolic utilization of university research in government agencies. *Science Communication*, Vol. 26, No. 1, pp. 75–106.
- Amidon D.M., Formica P., Laurent-Mercier E. (2005) *Knowledge Economics: Emerging Principles, Practices and Policies*. Tartu: Tartu University Press.
- Anderson M., Karlsson C. (2006) Regional innovation systems in small and medium-sized regions. A critical review and assessment. In: B. Johansson, C. Karlsson, R.R. Stough (eds.). *The Emerging Digital Economy: Entrepreneurship, Clusters and Policy*. Berlin: Springer-Verlag, pp. 55–81.
- Augstakas izglītības padome. (2011) Darbības merķi un prioritātes izglītības joma ES, 2011. Available: <http://izm.izm.gov.lv/es/4312.html> (accessed 15.04.2014). (In Latvian)
- Augstākās izglītības padome. (2013) Latvijas augstākās izglītības un augstskolu attīstības nacionālā koncepcija 2013.–2020. gadam. Available: http://www.aip.lv/informativie_zinojumi_5.htm (accessed 15.04.2014). (In Latvian)
- Backer T.E. (1991) Knowledge utilization: The third wave. *Knowledge: Creation, Diffusion, Utilization*, Vol. 12, No. 3, pp. 225–40.
- Berdņikovs A. (2011) Zinatnes komercializācija: tas aizsakumi, attīstība un pasāzējais stavoklis ASV, Eiropas Savienībā un Latvijā. Gram.: T. Tisenkopfs, B. Bela, I. Kunda, (zin. red.). *Augstskolas reģionos: zināšanu un prakses mijiedarbe*. Rīga: Zinatne, pp. 78–97. (In Latvian)
- Bite D. (2012) *Pasvaldību sadarbība Latvijā*. Promocijas darbs. Rīga, Latvijas Universitāte. (In Latvian).
- Bite D., Paula L., Kronberga G. (2011) Sadarbības modeļi zināšanu un tehnoloģiju pārsē Latvijā Lauksaimniecības universitāte. Gram.: T. Tisenkopfs, B. Bela, I. Kunda (zin. red.) *Augstskolas reģionos: zināšanu un prakses mijiedarbe*. Rīga: Zinatne, pp. 252–296. (In Latvian)
- Bryman A., Bell E. (2007) *Business Research Methods*. New York: Oxford University Press.
- David M., Sutton C.D. (2004) *Social Research: The Basics*. SAGE Publications.
- Drucker J., Goldstein H. (2007) Assessing the regional economic development impacts of universities: A Review of current approaches. *International Regional Science Review*, Vol. 30, No. 1, pp. 20–46.
- Etzkowitz H. (1998) The norms of entrepreneurial science: Cognitive effects of the new university-industry linkages. *Research Policy*, Vol. 27, pp. 823–833.
- Etzkowitz H. (2003) Innovation in innovation: The Triple Helix of university-industry-government relations. *Social Science Information*, Vol. 42. Available: <http://ssi.sagepub.com/content/42/3/293> (accessed 15.04.2014).

- Faye C., Lortie M., Desmarais L. (2008) *Guide to Knowledge Transfer*. Quebec: Knowledge Transfer Community.
- Flick U. (2006) *An Introduction to Qualitative Research*. 3rd edition. London, Sage Publications.
- Formica P., Mets T., Varblane U. (2008) Knowledge transfer mechanisms in the European transition economies. In: J. Potter (ed.) *Local Economic and Employment Development (LEED). Entrepreneurship and Higher Education*. OECD Publishing, pp. 289–311.
- Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman C., Scott P., Trow M. (1994) *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Society*. London, Sage Publications.
- Gillwald K. (2000) Konzeptesozialer Innovation. Available: <http://bibliothek.wzb.eu/pdf/2000/p00-519.pdf> (accessed 15.04.2014).
- Godin B. (2005) The linear model of innovation: The historical construction of an analytical framework. *Project on the History and Sociology of STI Statistics, Working Paper No. 30*. Available: <http://88.167.97.19/temp/The%20Linear%20Model%20of%20Innovation.%20The%20Historical%20Construction%20of%20an%20Analytical%20Framework%20Godin%2030.pdf> (accessed 15.04.2014).
- Graham I.D., Logan J., Harrison M.B., Straus S., Tetroe J.M., Caswell W. (2006) Lost in knowledge translation: Time for a map? *Journal of Continuing Education in Health Professions*, Vol. 26, pp. 13–24.
- Hippel E. von (1994) Sticky information and the locus of problem solving: implications for innovation. *Management Science*, Vol. 40, pp. 429–439.
- Howells J.R.L. (2002) Tacit knowledge, innovation and economic geography. *Urban Studies*, Vol. 39, No. 5–6, pp. 871–884.
- Huberman M. (1990) Linkage between researchers and practitioners: A qualitative study. *American Educational Research Journal*, Vol. 27, No. 2, pp. 363–391.
- Huggins R., Johnston A., Steffenson R. (2008) Universities, knowledge networks and regional policy. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, Vol. 1, No. 2, pp. 321–340.
- Johnson D. (2001) What is innovation and entrepreneurship? Lessons for larger organisations. *Industrial and Commercial Training*, Vol. 33, No. 4, pp. 135–140.
- Kitagawa F. (2004) Universities and regional advantage: higher education and innovation policies in English regions. *European Planning Studies*, Vol. 12, pp. 835–852.
- Krastins O., Vanags I., Valodins E. (2011) *Latvijas vietejo pasvaldību darbība to vadītāju vertežuma*. Latvijas Republikas Centrālās statistikas parvalde. (In Latvian)
- Landry R., Amara N., Lamari M., (2001) Utilization of social science research knowledge in Canada. *Research Policy*, Vol. 30, pp. 333–349.
- Lockett N., Kerr R., Robinson S. (2008) Multiple perspectives on the challenges for knowledge transfer between higher education institutions and industry. *International Small Business Journal*, Vol. 26, No. 6, pp. 661–681.
- Lundvall B.A. (ed.) (1992) *National Innovation Systems: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*. London, Pinter Publishers.
- Neimanis M. (2013) *Mijiedarbība inovācijā mazajos un vidējos uzņēmumos meža nozarē Latvijā*. Promocijas darbs. Rīga: Latvijas Universitāte. (In Latvian)
- Neumeier S. (2012) Why do social innovations in rural development matter and should they be considered more seriously in rural development research? – Proposal for a stronger focus on social innovations in rural development research. *Sociologia Ruralis*, Vol. 52, No. 1, pp. 48–69.

- Niosi J. (2006) Success Factors in Canadian academic spin-os. *Journal of Technology Transfer*, Vol. 31, pp. 451–457.
- Parresoru koordinācijas centrs. (2012) Latvijas Nacionālais attīstības plans 2014.–2020. gadam. Available: http://www.pkc.gov.lv/images/NAP2020%20dokumenti/20121220_NAP2020_Saeim%C4%81_apstiprin%C4%81ts.pdf (accessed 15.04.2014). (In Latvian)
- Panina L. (2007) Izglītības kvalitātes elementi izglītības sistēmā iesaistīto grupu vērtējumā. *Izglītība zināšanu sabiedrības attīstībai Latvijā*. Rīga: Zinatne, pp. 52–73. (In Latvian)
- Patton M.Q. (2002) *Qualitative Research & Evaluation Methods*. 3rd edition. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Perkmann M., Walsh K. (2007) University-industry relationships and open innovation: Towards a research agenda. *International Journal of Management Reviews*, Vol. 9, No. 4, pp. 259–280.
- Powell J., Harloe M., Goldsmith M. (2000) Achieving cultural change: Embedding academic enterprise. Paper presented to the IMHE Conference *Beyond the Entrepreneurial University? Global Challenges and Institutional Responses*, OECD, Paris, 11–13 September.
- Rauhvargers A. (2002) Eiropas kopeja augstākās izglītības politika. No Lisabonas konvencijas līdz Bolonas deklarācijai, Bolonas procesa sasniegtais un vadlīnijas nākotnei. *Latvijas Vesture*, Vol. 1, No. 45, pp. 9–21. (In Latvian)
- Ross S., Lavis J., Rodriguez C., Woodside J., Denis J.L. (2003) Partnership experiences: Involving decision-makers in the research process. *Journal of Health Services Research & Policy*, Vol. 8, No. 2, pp. 26–34.
- Roy M., Parent R., Desmarais L. (2003) Knowledge networking: A strategy to improve workplace health & safety knowledge transfer. *Electronic Journal of Knowledge Management*. Available: <http://issuu.com/academic-conferences.org/docs/ejkm-volume1-issue2-article30> (accessed 15.04.2014).
- Saeima. (1995) *Augstskolu likums*. Available: <http://www.likumi.lv/doc.php?id=37967> (accessed 15.04.2014). (In Latvian)
- Salter A.J., Martin B.R. (2001) The economic benefits of publicly funded basic research: a critical review. *Research Policy*, Vol. 30, pp. 509–532.
- Schumpeter J. [1934] (1982) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. London: Transaction Publishers.
- Sung T.K., Gibson D.V. (2000) *Knowledge and Technology Transfer: Levels and Key Factors*. Available: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.195.594&rep=rep1&type=pdf> (accessed 15.04.2014).
- Stradins J. (2009). *Zinatnes un augstskolas sakotne Latvijā*. Rīga: Latvijas vestures institūta apgads. (In Latvian)
- Thursby J.G., Thursby M.C. (2004) Are faculty critical? Their role in university-industry licensing. *Contemporary Economic Policy*, Vol. 22, No. 2, pp. 162–168.
- Tisenkopfs T., Bela B., Kunda I. (red.) (2011) *Augstskolas reģionos: zināšanu un prakses mijiedarbe*. Rīga: Zinatne. (In Latvian)
- Viksne, D. (2010) *Latvijas reģionālo augstskolu izvertejums un attīstības iespējas*. Promocijas darbs. Latvijas Lauksaimniecības universitāte. (In Latvian)
- Wolfe D. A., Gertler M. S. (2004) Clusters from the inside and out: Local dynamics and global linkages. *Urban Studies*, Vol. 41, pp. 5–6.
- Yin R. K. (2003) *Case Study Research: Design and Methods*. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications.

SOCIĀLĀ PSIHOLOĢIJA

Aivis Dombrovskis

IDENTITĀTES KRĪZES APTAUJAS SKALAS PSIHOMETRISKIE RĀDĪTĀJI LATVIJAS VIDĒ

Cilvēka identitāte ir daudzdimensionāla un daudzšķautņaina, kura veidojas visa cilvēka mūža garumā un identitātes veidošanās process ir saistīts ar identitātes krīzes posmiem, kurus var raksturot gan kā identitātes problēmu stāvokli, gan kā identitātes krīzes stāvokli. Identitātes krīzes aptauja ir psiholoģiskās pētniecības instruments, kurš izstrādāts, lai noteiktu cilvēka identitātes krīzes stāvokli vairākās dimensijās, ko veido 7 aptaujas pamatskalas kā arī, lai varētu noteikt, vai šī identitātes krīze vērtējama kā identitātes traucējumi vai jau kā ietilusi identitātes krīze, saskaņā ar Amerikas Psihiatru Asociācijas izstrādātajiem pieņēmumiem, kas saistīti ar aptaujas trim papildskalam. Šajā rakstā ir atspoguļoti Identitātes krīzes aptaujas adaptācijas Latvijas vidē rezultāti. Adaptācijas izlase sastāv no 500 respondentiem vecumā no 18 līdz 27 ($M = 18,8$; $SD = 1,19$) gadiem. Pirmajā adaptācijas posmā tika veikta instrumenta lingvistiskā adaptācija, otrajā posmā veikta instrumenta psihometrisko rādītāju analīze. Instrumenta adaptācijas gaitā psihometrisko rādītāju analīzē, tika noteikta pantu iekšējā saskaņotība ar Kronbaha alfu, faktoriālā validitāte, apstiprinošā faktoranalīze, konverģentā un diverģentā validitāte, Testa – retesta validitāte. Adaptācijas gaitā iegūtie Identitātes krīzes aptaujas psihometriskie rādītāji atzīti par pieņemamiem un instruments – Identitātes krīzes aptauja – tiek atzīts par derīgu turpmākai izmantošanai pētniecībā un ir praktiski pielietojams psiholoģiskajā izpētē Latvijas kultūrvidē.

Atslēgas vārdi: identitātes krīze, identitātes problēmas, identitātes krīzes aptauja, psihometriskie rādītāji, instrumenta adaptācija.

Identity crisis inquiry scales psychometric indices in environment of Latvia

The identity of a person is multidimensional and multiangular, which is being formed in the course of the person's life and the process of the forming of identity is connected with the stage of identity crisis, which could be characterized as the stage of the identity problem as well as the stage of the identity disorder. Identity Distress Survey is the instrument which has been worked to inquire the state of the person's crisis multidimensionally which are formed by 7 inquiries as well as to determine if the identity crisis is evaluated as the identity of problems or as the disorder of the crisis in correspondence with the presumption developed by American Association of Psychiatrists, which is connected with the 3 additional scales of inquiry. The results of the Identity Distress Survey are shown in the environment of Latvia. The sample of adaptation consists of 500 respondent's 18–27 ages ($M = 18.8$; $SD = 1.19$). The linguistic adaptation of the instrument was being carried out in the first period; the analysis of the results was being worked out during the second course of adaptation. In the course of the instrument adaptation in the psychometrical analysis was appointed Cronbach's Alpha, the factorial validity, the analysis of the affirmatory factors, the convergent and divergent validity, Test-retest validity. The results gained in the course of adaptation of Identity Distress Survey are acknowledged to be acceptable and the instrument itself – approved to be useful for further

usage in investigations and can be practically used for psychological researches in Latvian cultural environment.

Key words: identity crisis, identity problems, Identity Distress Survey, psychometrical indices, adaptation the instrument.

Психометрические показатели шкалы опросника кризиса идентичности в латвийской среде

Идентичность человека является мультидименсиональной, многогранной и создаётся в течение всей его жизни. В свою очередь, процесс формирования идентичности связан с периодами кризиса, которые можно охарактеризовать как состояния – проблемы с идентичностью и кризис идентичности, что не является одним и тем же. Опросник кризиса идентичности является инструментом психологического исследования, который разработан для того, чтобы определить состояния кризиса идентичности у человека в разных дименсиях его личности. Опросник состоит из 7 основных шкал, указывающих на разные дименсии кризиса идентичности, а также из трёх дополнительных шкал, которые, в соответствии с критериями, разработанными Американской ассоциацией психиатров, определяют нарушения идентичности или уже затянувшийся кризис идентичности. В представленной статье показаны результаты адаптации инструмента Опросник кризиса идентичности в латвийской среде. Выборка адаптации состоит из 500 респондентов в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 18,8$; $SD = 1,19$). На первом этапе адаптационного процесса была проведена лингвистическая адаптация опросника, на втором этапе проведён анализ психометрических показателей опросника. В процессе анализа психометрических показателей была определена альфа Кронбаха, факторная валидность, подтверждающий факторный анализ, конвергентная и дивергентная валидность, валидность «Тест – ретест». Данные, полученные в процессе адаптации Опросника кризиса идентичности, были признаны приемлемыми, а сам Опросник – годным для использования и практически применимым в дальнейших психологических исследованиях в латвийской культурной среде.

Ключевые слова: кризис идентичности, проблемы идентичности, опросник кризиса идентичности, психометрические данные, адаптация инструмента.

Ievads

Identitātes pētīšana ir aktuāla visā pasaulē dažādās sociālās zinātnēs. Identitātes jēdziens tiek skaidrots atšķirīgi un skaidrojums ir atkarīgs no zinātnieku akcentētajiem aspektiem identitātes izpētē, ko nosaka viņu atšķirīgās teorētiskās nostādnēs kā arī tradīcijas un piederība dažādām disciplīnām.

Identitātes izpēte tiek veikta psiholoģijā, socioloģijā, antropoloģijā, lingvistikā, politiskajās zinātnēs, izglītības zinātnē, ģimenes pētniecībā un sabiedrības veselības zinātnē. Šis disciplīnas pēta identitāti, izmantojot atšķirīgas teorētiskās bāzes. Tas nosaka identitātes jēdziena definīciju daudzveidību, jo pat psiholoģijā pastāv atšķirīgi uzskati saistībā ar identitātes jēdzienu, piemēram, sociālā psiholoģija identitāti aplūko citādāk nekā attīstības psiholoģija (Vingoles et al. 2011).

Identitāti pēc Eriksona (Eriksons 1998, 1997, 1959) domām var raksturot ar atbildi uz jautājumu: “Kas es esmu?”

Vatermens skaidro, ka identitāte ir un to veido cilvēka dzīves vērtību kopums, kas sastāv no pašnoteikšanās elementiem, dzīves mērķu izvēles, dzīves vērtībām un

pārlicībām, kurām viņš seko savā dzīvē (Waterman 1985) un identitāte ir jāsaka un jāpēta kā kopums, kurā svarīgs ir konteksts (Wiesenfeld 2001).

Mūsdienu pētījumi vēlreiz apstiprina ideju par to, ka katrs cilvēks sevī iekļauj daudzas dažādas identitātes (Eriksons 1998), piemēram, Vingole ar kolēģiem (Vingoles, Schwartz, Luckx 2011) norāda, ka individuālā identitāte ir ar daudzām sejām un indivīds var raksturot sevi no dažādiem aspektiem. Savukārt Vaternens norāda, ka identitāte veidojas identitātes krīzes periodā, kad notiek dažādu dzīves mērķu, vērtību un pārlicību pārvērtēšana un alternatīvu meklēšana, tiek noteikti jauni dzīves mērķi un dzīvei tiek piešķirta jeb atrasta jauna jēga (Waterman 1985) un šādu procesu ietekmē ārējie sociālie apstākļi, bet iedarbība uz indivīdu ir individuāla (Raskin 2002).

Tomēr tajā pašā laikā Eriksons, Vaitborne un Breikvels arī norāda, ka cilvēka identitāte turpina veidoties visa mūža garumā un tas nav statisks, bet dinamisks process (Eriksons 1998; Whitbourne 1986; Breakwell 2010).

Identitātes krīzes jēdzienu ievieša Eriksons (Eriksons 1998), norādot, ka nedrošība un trauksme, ko pusaudži piedzīvo, kad pāriet jauniešu statusā, rada neziņu un apmulsumu par savu tagadni un nākotni, par to, kādas lomas būs viņiem turpmākajā dzīvē. Savukārt Robins un Vilners apraksta identitātes krīzi, ko piedzīvo koledžas studenti, kad pēc studijām jāuzsāk jauns dzīves posms (Robbins, Wilner 2001). Sociālajā psiholoģijā (Shaffer 2009) identitātes krīze aprakstīta kā nedrošība un pat bailes par to, ko jaunieši izjūt, kad viņi izmainās un nav vairs bērni un tas rada neziņu un apmulsumu par nākotnes dzīves lomām, kuras viņiem būs jāpieņem.

Dzīves posms pēc mācībām skolā ir īpaši svarīgs, jo, kā norāda Arnets, tad jauniešiem vecumā no 18 līdz 25 gadiem dzīve ir lielu pārmaiņu pilna. Viņiem jāizpēta savas jaunās iespējas par nākotni attiecībā uz attiecībām, darbu, politisko orientāciju un jāizvirza dzīves mērķi (Arnett 2000), jāuzsāk sava profesionālā karjera (Rossi, Mebert 2011). To apliecina arī Šafers (Shaffer 2009), norādot, ka koledžas studentes ir vairāk nekā skolēni norūpējušās par savu profesionālo identitāti un norāda, ka viņas ir norūpējušās par tādiem identitātes aspektiem kā seksualitāte un attiecības, jo aktuāls ir jautājums par darba un ģimenes mērķu sabalansēšanu.

Identitātes krīze ir neatņemams identitātes veidošanās nosacījums (Eriksons 1998; Adams 2007). Šafers (Shaffer 2009) norāda, ka pārejas laikā, notiekot jauniem dzīves pavērsieniem, jaunieši uzdod sev jautājumus par savu nākotni, kā arī meklē atbildes uz jautājumiem: kādu karjeru izvēlēties nākotnei; kādas reliģiskās un morālās vērtības vai politiskos uzskatus pieņemt savai dzīvei; jautājums par laulībām un bērniem, kad un cik daudz; kādai sociālai grupai pievienoties. Identitātes krīze nav visaptveroša, bet tā var būt saistīta ar kādu identitātes daļu. Kā norāda Šafers, tad tikai 5% no aptaujātajiem tādi identitātes jautājumi kā profesionālā izvēle, attieksme pret gendera lomām, reliģiskā piederība un politiskā ideoloģija, ir vienādos identitātes statusos pēc Marsijas statusu iedalījuma (Marcia 1980), bet pārējiem 95% šīs kategorijas ir "izkaisītas" pa dažādiem statusiem (Shaffer 2009).

Identitātes krīze nav tikai novērojama jauniešiem, bet kā norāda pētnieki, tad identitātes krīze novērojama arī cilvēkiem pusmūža vecumā (Levinson et al. 1978; Heckhausen 2001).

Hernandezs ar kolēģiem ir pētījis identitātes krīzes rādītājus, izmantojot Identitātes krīzes aptauju IKA (*Identity Distress Survey (IDS)*, Berman et al. 2004), kas tiek izmantota arī šajā pētījumā, dažādās sociālajās (pēc dzimuma, rases, etniskās piederības) un imigrantu grupās. Statistiski nozīmīgas atšķirības nenoteica rase, etniskā piederība, imigrantu grupa, bet gan dzimums.

Izmantojot IKA apakšskalu Identitātes traucējumi (American Psychiatric Association 1987), viņi konstatēja, ka 23% no aptaujātajām sievietēm bija identitātes traucējumi, bet tie nebija nevienam no vīriešu grupas, tāpat, izmantojot IKA apakšskalu Identitātes problēmas (American Psychiatric Association 1994), tika konstatēts, ka 35% sievietes un 7,5% vīriešu no kopējās izlases ir identitātes problēmas. Tika konstatēts, ka sievietes ar identitātes traucējumiem uzrāda arī statistiski nozīmīgus rezultātus anti-sociālas uzvedības rādītājos un ieteicamas uzvedības rādītājos (Hernandez et al. 2006).

Identitātes krīzes situācija var rasties arī brīžos, kad cilvēks nonāk konflikta situācijā pats ar savu pašprezentāciju, kad vienā un tajā pašā brīdī ir jāizlemj un jāizvēlas, kādu savu paštēlu prezentēt, ja tajā pašā brīdī sastopas divas cilvēku grupas, kurām pie citiem apstākļiem tiek prezentēti divi atšķirīgi paštēli. Piemēram, sieviete kopā ar draudzenēm ir jautra un prezentē sevi kā bezrūpīgu un draisku būtni, bet šajā brīdī uzrodas augstskolas profesore, kurai šī pati sieviete ir prezentējusi sevi kā klusu, centīgu, emocionāli nosvērtu un priekšzīmīgu studentu (Terry et al. 2007).

Identitātes krīzei, kā norāda Šafers (Shaffer 2009), ir tieša saistība ar studenšu ģimeni, jo studentes (jaunietes), kuras jūtas atsvešinātas no saviem vecākiem, bieži ir ar difūzu identitāti (pēc Marsijas identitātes statusiem (Marcia 1980, 1966)) pretēji tām sievietēm, kurām ir siltas un atbalstošas savstarpējās attiecības ar vecākiem, kuru vecāki atbalsta viņas savas identitātes izpētē un meklējumos, kā rezultātā šīs sievietes atrod/izveido pašas savu individuālo identitāti.

Tieši identitātes veidošanās procesa dinamiskums un ar to saistītie identitātes krīzes stāvokļi nosaka nepieciešamību pēc psiholoģiskās izpētes instrumentiem, lai varētu labāk palīdzēt cilvēkiem atrisināt viņu psiholoģiskās problēmas, kā arī ir nepieciešami instrumenti, ar ko papildināt identitātes pētnieku instrumentāriju.

Pētījuma metodoloģija

Pētījuma izlase. Adaptācijas izlasi veidoja gan vīrieši, gan sievietes kopā 500 respondenti vecumā no 18 līdz 27 ($M = 18,8$; $SD = 1,19$) gadiem. 97,4% respondentu ir vecumposmā no 18 līdz 21 gadam, 13 respondenti ir vecumā no 22 līdz 27 gadiem. Instrumenta adaptācijas pētījumā analizēti dati par 170 (34%) vīriešiem un 330 (66%) sievietēm. Detalizētāki sociāli demogrāfiskie dati par izlases respondentiem sniegti 1. tabulā.

1. tabula

**Identitātes krīzes aptaujas skalas adaptācijas izlases respondentu
sociāli demogrāfiskais raksturojums**

Sociāli demogrāfiskais kritērijs	Sociāli demogrāfiskais rādītājs	Adaptācijas izlase				
		Sievietes		Vīrieši		
		N	%	N	%	
1	2	3	4	5	6	
Respondenta šī brīža dzīvesvieta	Dzīvo kopā ar vecākiem	172	52,1	116	68,2	
	Ir pašiem sava mājvieta	56	17	17	10,0	
	Dzīvo dienesta viesnīcā	102	30,9	37	21,8	
Respondenta dzīves vide bērnībā	Pilsētā	143	43,3	96	56,5	
	Laukos	187	56,7	74	43,5	
Respondenta ģimenes stāvoklis	Neprecēta, neprecēts	277	83,9	156	91,8	
	Precēta, precēts	3	0,9	4	2,4	
	Dzīvo kopā ar draugu/ draudzeni	49	14,8	9	5,3	
	Šķirusies, šķīries	1	0,3	1	0,6	
Pēc respondenta bērnu esamības	Nav bērnu	320	97	164	96,5	
	Ir bērni	10	3	6	3,5	
Pēc respondenta vecāku laulības	Mātei no pirmās laulības, tēvam no pirmās laulības	254	77	119	70,0	
	Mātei no pirmās laulības, tēvam no otrās laulības	11	3,3	15	8,8	
	Mātei no pirmās laulības, tēvam cits variants	5	1,5	8	4,7	
	Tēvam no pirmās laulības, mātei no otrās laulības	10	3,0	7	4,1	
	Mātei no pirmās laulības	3	0,9	5	2,9	
	Mātei no otrās, tēvam no otrās laulības	8	2,4	2	1,2	
	Mātei no otrās laulības, tēvam cits variants	2	0,6	–	–	
	Mātei cits variants, tēvam cits variants	27	8,2	12	7,1	
	Mātei cits variants	1	0,3	2	1,2	
	Māte cits variants, tēvam no otrās laulības	8	2,4	–	–	
	Mātei no otrās laulības	1	0,3	–	–	
	Pēc respondenta brāļu un māsu esamības	Esmu vienīgais bērns	47	14,2	31	18,2
		Ir vecāks brālis/ļi	52	15,8	26	15,3
Ir jaunāks brālis/ļi		35	10,6	20	11,8	
Ir vecāka māsa/sas		51	15,5	27	15,9	
Ir jaunāka māsa/sas		32	9,7	23	13,5	
Ir vecāks brālis, jaunāka māsa		11	3,3	5	2,9	
Ir vecāks brālis, jaunāks brālis		5	1,5	3	1,8	

1. tabulas turpinājumu skat. 65. lpp.

		<i>1. tabulas turpinājums</i>			
1	2	3	4	5	6
	Ir jaunāks brālis, jaunāka māsa	28	8,5	9	5,3
	Ir jaunāks brālis, vecāka māsa	12	3,6	4	2,4
	Ir vecāks brālis, vecāka māsa	32	9,7	11	6,5
	Ir jaunāks brālis, jaunāka māsa, vecāka māsa	1	0,3	1	0,6
	Ir jaunāks brālis, vecāks brālis, jaunāka māsa, vecāka māsa	5	1,5	–	–
	Ir vecāka māsa, jaunāka māsa	5	1,5	4	2,4
	Dviņubrālis	1	0,3	1	0,6
	Ir vecāks brālis, vecāka māsa, jaunāka māsa	3	0,9	2	1,2
	Ir vecāks brālis, jaunāks brālis, jaunāka māsa	7	2,1	1	0,6
	Ir vecāks brālis, jaunāks brālis, vecāka māsa	1	0,3	2	1,2
	Dviņumāsa	2	0,6	–	–
Pēc iegūstamās izglītības	Pirmā augstākā izglītība	59	17,9	13	7,6
	Otrā augstākā izglītība	1	0,3	1	0,6
	Mācās vidusskolā	135	40,9	103	60,6
	Mācās profesionālajā vidusskolā	128	38,8	52	30,6
	Cits variants	7	2,1	1	0,6
Pēc izvēlētās nākotnes profesijas (apkopojums lielās grupās)	Komercdarbinieks	46	13,9	16	9,4
	Uzņēmuma vadītājs	66	20,0	15	8,8
	Mediķis	21	6,4	7	4,1
	Jurists	7	2,1	1	0,6
	Arhitektūra un dizains	12	3,6	5	2,9
	Ekonomika un grāmatvedība	30	9,1	3	1,8
	Inženierzinātnes	2	0,6	12	7,1
	Psihologija, pedagogija, sociālais darbs	9	2,7	2	1,2
	Žurnālistika, valodniecība	6	1,8	1	0,6
	Pakalpojumu speciālists	29	8,8	26	15,3
	IT un dabaszinātnes	7	2,1	7	4,1
	Māksla un izklaide	6	1,8	–	–
	Nav izveles	50	15,2	61	35,9
	Sabiedriskās ēdināšanas speciālists	39	11,8	14	8,2
Respondenta tautība	Latviete, latvietis	305	92,4	164	96,5
	Krieviete, krievs	22	6,7	5	2,9
	Poliete	1	0,3	–	–
	Baltkrieviete	1	0,3	1	0,6
	Ukrainiete	1	0,3	–	–
Respondenta tēva tautība	Nav zināma	1	0,3	–	–
	Latvietis	289	87,6	158	92,9

1. tabulas turpinājums

1	2	3	4	5	6
	Krievs	28	8,5	7	4,1
	Baltkrievs	6	1,8	3	1,8
	Igaunis	2	0,6	1	0,6
	Ukrainis	2	0,6	1	0,6
	Polis	1	0,3	–	–
	Lietuvietis	1	0,3	–	–
Respondenta mātes tautība	Latviete	297	90,0	160	94,1
	Krieviete	24	7,3	5	2,9
	Poliete	1	0,3	1	0,6
	Rumāniete	1	0,3	–	–
	Ukrainiete	6	1,8	–	–
	Vāciete	1	0,3	–	–
	Baltkrieviete	–	–	4	2,4

Avots: Dombrovskis 2014.

Instrumenti. Identitātes krīzes aptauja (Identity Distress Survey – IDS) (1). (Berman, Montgomery, Kurtines 2004) nosaka identitātes krīzes pakāpi, kas saistīta ar neatrisinātiem/nepiepildītiem identitātes jautājumiem. Izpēte tiek balstīta uz DSM–III–R (APA, 1987) identitātes krīzes kritērijiem, taču tā var tikt izmantota arī, lai novērtētu DSM–IV (APA 1994) identitātes problēmas kritērijus, jo, kā norāda IKA autori (Berman, Montgomery, Kurtines 2004), tad ne vienmēr identitātes problēmas uzreiz ir definējamas kā identitātes krīze.

Identitātes krīzes aptauja palīdz noteikt, kā jaunieši (un ne tikai jaunieši) pārdzīvo nopietnus sarežģījumus identitātes attīstībā, kā arī ļauj izpētīt saikni starp identitātes problēmām un citām psiholoģiskās funkcionēšanas jomām (Berman et al. 2004).

IKA aptaujā respondentiem jāatbild uz 10 jautājumiem, uz pirmajiem deviņiem jautājumiem atbildi sniedzot 5 punktu Likerta tipa skalā ((1) ne pavisam, (2) nedaudz, (3) vidēji, (4) stipri, (5) ļoti stipri), norādot, cik lielā mērā viņi pēdējā laikā ir bijuši sarūgtināti, bažīgi vai norūpējušies par šādiem identitātes jautājumiem: *ilgtermiņa mērķiem, karjeras izvēli, draudzību, seksuālo orientāciju un uzvedību, reliģiju, vērtībām vai uzskatiem, kā arī lojalitāti grupai.*

Pēdējam desmitajam jautājumam atbilde jāsniedz uz speciālas novērtējuma skalas ar laika intervāla sadalījumu pa mēnešiem (Hernandez et al. 2006) – šis jautājums ļauj novērtēt, cik ilgi respondents ir izjutis šaubas par šiem jautājumiem un cik lielā mērā šie simptomi traucē ikdienas darbībai.

Oriģinālās aptaujas versijas iekšējā saskaņotība uzrāda Kronbaha alfu 0,84, bet retesta Kronbaha alfa ir 0,82. Oriģinālā aptauja uzrāda konverģento validitāti ar citiem identitātes attīstības mērījumiem (Berman et al. 2004).

Tiešie identitātes krīzes jautājumi izvietoti aptaujas sākumā (1.–7. jautājums), to saturs ir saistīts ar karjeras izvēli, draudzību, seksuālo orientāciju un uzvedību, reliģiju, vērtībām un uzskatiem. Pārējie trīs jautājumi (8., 9., 10. jaut.) neattiecas uz tiešiem identitātes krīzes mērījumiem, bet gan uz DxIII R (no DSM III–R) (Identitātes krīzes noteikšana) un DxIV no DSM IV (Identitātes problēmu noteikšana) (Berman et al.

2004). 8. jautājums: *Lūdzu, novērtējiet savu vispārējo diskomforta līmeni (cik slikti jūs jutāties), atbildot uz visiem iepriekšējiem jautājumiem kopumā*; 9. jautājums: *Lūdzu, novērtējiet, cik liela nedrošība minētajās situācijās kopumā ir traucējusi jūsu dzīvei (piemēram, kā šī nedrošība atturēja jūs no vēlamo lietu paveikšanas vai neļāva būt laimīgam)* un 10. jautājums: *Cik ilgi (ja tas ir gadījies) jūs esat bijuši sarūgtināti, bažīgi vai norūpējušies par šiem jautājumiem kopumā?* (Hernandez et al. 2006).

Procedūra. *Lingvinistiskā adaptācijas procedūra.* Aptauja tulkota no angļu valodas uz latviešu valodu divas reizes. Tulkojumi tika salīdzināti un analizēti Latvijas kultūrvides kontekstā. Tika izveidota ekspertu grupa 3 cilvēku sastāvā, kas veica tulkojumu analīzi. Tad iegūtais latviskais materiāls tulkots uz angļu valodu un veikta satura un jēgas salīdzināšana.

Tulkoja vairākas savstarpēji neatkarīgas personas, kas pārzina gan latviešu, gan angļu valodu. Ekspertu komisijas sastāvā bija persona, kura dzimtā valoda ir angļu un kura dzimtene ir ASV, bet kurš pārvalda arī latviešu valodu dzimtās valodas līmenī un jau daudzus gadus dzīvo Latvijā. Testa pārbaudes gaitā tika organizēta maza respondentu grupa 4 cilvēki, lai noskaidrotu viņu viedokli par testa pantu formulējumu skaidrību, instrukciju izpratni un nepieciešamo testa izpildes laiku (Rascevska 2005). Rezultātā tika pieņemts lēmums par labāko tulkojumu, kuru izmantot tālākajā aptaujas adaptēšanas procesā. Aptaujas tulkošanas gaita tika reģistrēta protokolā.

Datu ievākšanas procedūra. Dati ievākti laika periodā no 2011. gada septembra līdz decembra mēnesim. Datu ievākšana nav bijusi regulāra, tas saistīts ar apgrūtināto piekļuvi respondentiem. Respondenti vienlaicīgi aizpildīja vairākas aptaujas, jo vienlaicīgi tika ievākti dati vairāku metožu adaptācijai, bet aizpildīšanas secību izvēlējās paši respondenti. Aptauju aizpildīšana netika limitēta laikā. Respondenti piedalījās aptaujā pēc brīvas izvēles, kas varētu stimulēt sniegt patiesākas atbildes uz uzdotajiem jautājumiem.

Datu apstrādes procedūra. Iekšējā saskaņotība noteikta ar Kronbaha alfu (Rascevska 2005) un datu apstrāde veikta ar profesionālās statistikas datu apstrādes programmu SPSS–19. Aptaujas faktoriālā validitāte tika pārbaudīta ar galveno faktoru metodi, jo tā ir mazāk jutīga uz sadalījumu (Rascevska 2005), faktoriālā validitāte, iekšējā saskaņotība, konverģentā un diverģentā validitāte (Rascevska 2005).

Apstiprinošās faktoru analīzes parametru aprēķināšanai tika izmantota DWLS metode. Validitāte tika pārbaudīta ar Pīrsona korelācijas metodi nosakot paredzamās saistības ar paredzamajiem mainīgajiem.

Rezultāti un diskusija

Sākumā ar Kolmogorova–Smirnova λ kritēriju tika noteikts, vai iegūto datu sadalījums būtiski atšķiras no normālsadalījuma. Vīriešu ($n = 170$) datiem tas būtiski neatšķiras no normāla sadalījuma, bet sieviešu ($n = 330$) datiem tas būtiski atšķiras no normāla sadalījuma ($p = 0,03$). Visai izlasei kopumā ($N = 500$; $SD = 0,66$; $M = 2,5$) izlases sadalījums nozīmīgi atšķiras no normāla sadalījuma ($p < 0,05$), tāpēc tālākā analīzē tika izmantotas neparametriskās statistikas metodes.

Zemāk, 2. un 3. tabulā attēloti Identitātes krīzes aptaujas pantu statistiskie rādītāji 7 pantu un 10 pantu variantiem.

2. tabula

Identitātes krīzes aptaujas pantu statistiskie rādītāji 7 pantiem

IKA pants	Aritmētiskais vidējais	Standartnovirze
1.	3,35	1,17
2.	3,47	1,20
3.	2,86	1,33
4.	1,70	1,09
5.	1,40	0,84
6.	2,57	1,07
7.	2,24	1,09

Avots: Dombrovskis 2014.

3. tabula

Identitātes krīzes aptaujas pantu statistiskie rādītāji 10 pantiem

IKA pants	Aritmētiskais vidējais	Standartnovirze
1.	3,35	1,18
2.	3,47	1,15
3.	2,86	1,33
4.	1,70	1,09
5.	1,40	0,84
6.	2,57	1,07
7.	2,23	1,09
8.	2,16	1,07
9.	2,36	1,05
10.	2,25	1,20

Avots: Dombrovskis 2014.

1. attēls

Identitātes krīzes aptaujas pantu grūtības indeksu
aprēķina formulas un aritmētiskais aprēķins

Grūtības indeksa minimālā robeža:

$$X_{\min} = X_{\min} + 0,2(X_{\max} - X_{\min}) = 1 + 0,2(5 - 1) = 1,8$$

Grūtības indeksa maksimālā robeža:

$$X_{\max} = X_{\min} + 0,8(X_{\max} - X_{\min}) = 1 + 0,8(5 - 1) = 4,2$$

Avots: Raščevska, 2005.

Iegūtie pantu grūtības indeksi saskan ar Raščevskas (Rascevka 2005) rekomendāciju par pantu grūtības indeksiem, (kas vērtēti pēc Likerta 5 ballu skalas), kuriem

vajadzētu atrasties robežās no 1,8 līdz 4,2 un kas parāda, ka pantu vidējās vērtības pieder 20 – 80 procentu robežai (Rascevska 2005).

Iegūto datu analīze rāda (skat. 2. un 3. tabulu), ka lielākā daļa pantu iekļaujas grūtības indeksa pieļaujamajās robežās, izņemot divus pantus: 4. pants *Seksuālā orientācija un uzvedība (piemēram, mulsuma sajūta (izjūta) par seksuālo piederību, seksuālo vajadzību intensitāte, u.c.)*, kura grūtības indekss ir 1,70, un 5. pants *Reliģija (piemēram, ticības zaudēšana vai izmaiņas ticībā Dievam/reliģiskajos uzskatos)*, kura grūtības indekss ir 1,40. Šie divi panti ar zemo pantu grūtības indeksu tomēr tika atstāti aptaujā, lai aptaujas adaptēto versiju saglabātu pietuvinātu oriģinālajai versijai. Tas ir pieļaujams, jo, kā norāda Raščevska, tad personības aptaujās reizēm atstāj pantus ar diskriminācijas indeksa vērtībām, kas ir ārpus kritiskajām robežām, ja tie var būt svarīgi polāru pazīmju mērīšanai, bet nav pieļaujama pantu atstāšana, kuru vidējais aritmētiskais ir vienāds ar 1 vai 5 (Rascevska 2005).

Iespējams, ka respondenti nav sarūgtināti, bažīgi vai norūpējušies par reliģiju un par seksualitāti, tas varētu būt saistīts ar respondentu vecumu, kas atrodas robežās no 18 līdz 27 gadiem. Šajā vecumā jautājumi par reliģisko piederību ir nostabilizējušies vai arī nav līdz šim bijusi aktuāli un seksuālā orientācija jau ir apzināta vai daļēji apzināta.

Šo var skaidrot arī ar to, ka bērnam augot un attīstot savu personību ģimenes vidē, vecāku vērtību sistēma ietekmē bērna vērtību sistēmas veidošanos (Allport 1968), un, iespējams, ka tieši šajā apstākli meklējamas atbildes (skaidrojums rezultātiem) par seksuāliem un reliģiskiem jautājumiem, jo aptaujātie respondenti dzīvo laikā, kad Latvija ir suverēna valsts (neatkarība no PSRS tika iegūta 1991. gadā, t.i. pirms 20 gadiem). Jaunākie respondenti dzimuši 1995. gadā, un aptaujas brīdī viņi bija 18 gadus veci, bet viņu vecāki vēl tika dzīvojuši un savu jaunību pavadījuši Padomju Latvijā, kurā par reliģiju un seksualitāti publiski netika jeb nebija pieņemts runāt, turklāt šo jautājumu esamība tika publiski noliegta un to aktualizēšana varēja beigties ar dažāda veida sodiem, tāpēc var pieņemt, ka Padomju Latvijas kultūrvides vērtības ir atstājušas ievērojamu netiešu ietekmi uz šodienas Latvijas kultūrvides vērtībām.

Analizējot pantu diskriminācijas indeksu pirmajiem 7 pantiem (skat. 4. tabulu), var secināt, ka tas atrodas optimālajās robežās no 0,2 līdz 0,8 (Rascevska 2005), jo zemākā skalas pantu diskriminācijas indeksa vērtība ir 0,26, bet augstākā ir 0,56.

4. tabula

IKA pantu kopējie statistiskie rādītāji 7 pantiem

Pants	Skalas vidējais aritmētiskais, ja pantu izdzēs	Skalas dispersija, ja pantu izdzēs	Izmaiņas pantu kopējā korelācijā (diskriminācijas indekss)	Kronbaha alfa, ja pantu izdzēs
1.	14,23	16,51	0,42	0,67
2.	14,12	17,25	0,35	0,69
3.	14,72	15,54	0,44	0,67
4.	15,89	17,08	0,40	0,67
5.	16,18	19,27	0,26	0,70
6.	15,01	16,61	0,47	0,66
7.	15,35	15,83	0,56	0,63

Avots: Dombrovskis 2014.

Faktoriālā validitāte. Faktoranalīzes rezultāti uzrāda divas īpašvērtības (skat. 5. tabulu), kas pārsniedz kritisko vērtību 1 (Rascevska 2005; Lasmanis, Kangro 2004). 1. faktora īpašvērtība ir 2,57, kas izskaidro 36,71% no kopējās pantu variācijas, un 2. faktora īpašvērtība ir 1,26, kas izskaidro 18,06% no kopējās pantu variācijas, bet kopā izskaidro 54,76% no kopējās pantu variācijas.

No tā var secināt, ka Identitātes krīzes aptaujas saturs var tikt izskaidrots ar 2 faktoru modeli. Pēc īpašvērtību grafika (skat. 2. attēlu) liknes lūzuma punktiem tiek izdalīti 7 komponenti jeb liknes lūzuma punkti, kas norāda, ka vislabāk un pilnīgāk aptauju izskaidrotu 7 faktoru modelis.

Divu komponentu vērtība ir lielāka par 1, tāpēc var izdalīt 2 faktorus, bet, iespējams, var izdalīt arī viena faktora modeli, jo liknes lūzums nav viennozīmīgs (Rascevska 2005). Tā kā aptaujas autoriem (Bermanet al. 2004) šis mērījums ir viendimensionāls, tad tiks analizēts gan viena faktora, gan divu faktoru modelis, lai pieņemtu lēmumu par labāko faktoru modeļa struktūru.

5. tabula

Identitātes krīzes aptaujas 7 pantu faktoru analīzes kopējā izskaidrotā dispersija

Pants	Sākuma īpašvērtība			Izdalītā summa no slodzes kvadrātā		
	Kopējais	% no dispersijas	Kumulatīvs %	Kopējais	% no Dispersijas	Kumulatīvs %
1	2,57	36,71	36,71	1,88	26,89	26,89
2	1,26	18,06	54,76	–	–	–
3	0,83	11,91	66,67	–	–	–
4	0,70	9,97	76,64	–	–	–
5	0,63	8,98	85,62	–	–	–
6	0,54	7,68	93,30	–	–	–
7	0,47	6,70	100,00	–	–	–

Piezīmes: Izdalīšanas metode: galveno faktoru metode. Varimaks rotācija ar Kaisera normalizāciju.

Avots: Dombrovskis 2014.

Septiņi Identitātes krīzes aptaujas panti uzrāda augstus faktora svarus vienfaktora risinājumam, jo sešiem pantiem faktoru svars pārsniedz vērtību 0,4, bet tikai 5. pantam vērtība ir 0,33, kas ir tuvu 0,4. Augstākais faktora svars ir 7. pantam 0,71., t.i. *Grupās lojalitāte (piemēram, piederība kādam klubam, grupai augstskolā, skolā u.c.)*.

Divfaktoru risinājums uzrāda labākus faktoru svarus un izskaidro vairāku pantu kopējo dispersiju. Korelācija starp pirmo un otro faktoru ir vidēji cieša ($r = 0,47$).

Tiek uzskatīts, ka faktors pietiekami labi izskaidro sākotnējo mainīgo lielumu variāciju, ja faktora vērtība ir virs 0,4 (Rascevska 2005). Tas liecina, ka visi jautājumi ir cieši saistīti ar slēpto faktoru jeb Identitātes krīzi. Augstākais faktora svars pirmajā faktorā ir 6. pantam: *Vērtības vai uzskati (piemēram, apmulsums par to, kas ir vai nav pareizi u.c.)* un līdzīgs faktora svars ir 7. pantam *Grupās lojalitāte (piemēram, piederība kādam klubam, grupai augstskolā, skolā u.c.)*. Otrajā faktorā visaugstākais

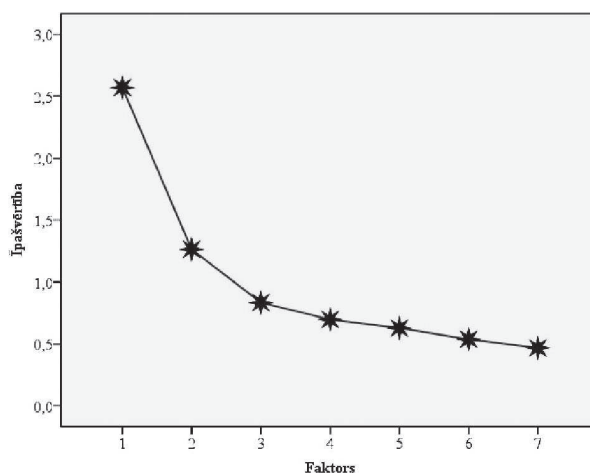
faktora svars ir 1. pantam: *Ilgtermiņa mērķi (piemēram, atrast labu darbu, nodibināt romantiskas attiecības utt.)* un diezgan augsts ir arī 2. pantam: *Karjeras izvēle (piemēram, izvēlēties nodarbošanos vai profesiju u.c.)*.

Ņemot vērā, ka 2. faktorā ir tikai 2 panti un tie ir ļoti līdzīgi pēc satura, jo abu jautājumu būtība ir par nodarbošanos nākotnē, salīdzinājumā ar 1. faktora pantu saturu (5 jautājumi), var pieņemt, ka 2. faktors ir iegūts mākslīgi, jo ir pārāk liela līdzība pantu saturā. Šādā gadījumā vienfaktora modelis ir uzskatāms par labāku risinājumu nekā divfaktoru modelis.

Lai pārbaudītu, vai empīriski vienfaktora modelis ir piemērotāks nekā divfaktoru modelis, tika veikta apstiprinošā faktoru analīze.

2. attēls

Identitātes krīzes faktoru īpašvērtību grafiskais attēlojums

Avots: Dombrovskis 2014.

6. tabula

Identitātes krīzes aptaujas vienfaktora svaru matrica

Pants	Faktors
	1
1.	0,48
2.	0,40
3.	0,53
4.	0,50
5.	0,33
6.	0,59
7.	0,71

Piezīmes: Izdalīšanas metode: Galveno faktoru metode. Varimaks rotācija ar Kaisera normalizāciju.

Avots: Dombrovskis 2014.

7. tabula

Identitātes krīzes aptaujas rotēta divfaktoru svaru matrica

Pants	Faktors	
	1	2
6.	0,64	–
7.	0,61	–
4.	0,55	–
5.	0,52	–
3.	0,44	–
1.	–	0,80
2.	–	0,65

Piezīmes: Izdalīšanas metode: Galveno faktoru metode. Ar slīpo promaksrotāciju.

Avots: Dombrovskis 2014.

Apstiprinošā faktoru analīze. Apstiprinošā faktoru analīze ļauj pārbaudīt, cik labi teorētiskais faktoru modelis spēj izskaidrot reālus datus jeb cik piemērots ir izvirzītais modelis attiecīgo datu izskaidrošanai (Brown 2006). Modeļa piemērotību var novērtēt pēc vairākiem kvalitātes rādītājiem, no kuriem labākie pēc Hjū un Bentlera simulācijām (Hu, Bentler 1999) ir RMSEA, CFI un TLI indeksi. Pēc šo autoru rekomendācijām RMSEA ir jābūt mazākam par 0,05 vai vismaz 0,08, bet CFI un TLI jābūt lielākiem par 0,95, lai secinātu, ka modelis ir piemērots novēroto datu izskaidrošanai.

Apstiprinošās faktoru analīzes parametru aprēķināšanai tika izmantota DWLS metode. Pa diagonāli svērtā pēdējo kvadrātu (DWLS) metode ir robusts risinājums pēdējo svērto kvadrātu (WLS) metodei, kas parametru un modeļa piemērotības aprēķināšanai izmanto polihoro korelāciju matricu un tādējādi ir atbilstoša gadījumā, kad mainīgajiem ir kategoriju raksturs un to sadalījums būtiski atšķiras no normālsadalījuma (Rosseele 2012).

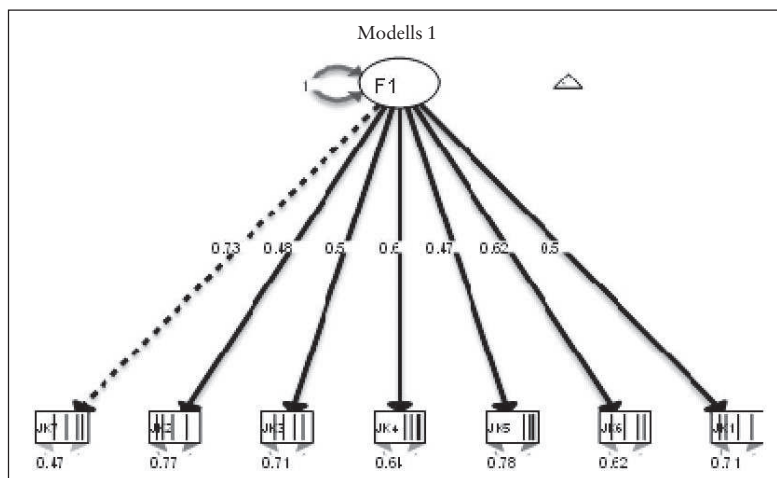
Kā redzams no iegūtajiem datiem (skat. 3., 4., un 5. attēlu un skat. 8. tabulu), tad 2. modelis un 3. modelis uzrāda identisku modeļa piemērotību, kas nav neparasta parādība, ja faktoru veido tikai divi panti un šie paši divi panti tiek korelēti vienfaktora risinājumā. Turklāt šo modeļu piemērotība atbilst Hjū un Bentlera (Hu, Bentler 1999) izvirzītajām prasībām pretstatā 1. modelim, kur visi modeļa piemērotības indeksi liecina par sliktu piemērotību, kas pēc modifikāciju indeksu izpētes liecina par neizskaidrotu kovariāciju starp 1. un 2. aptaujas pantu.

Tā kā šo modeļu piemērotība ir vienāda un vienfaktora modelis ir teorētiski pamatots, tad priekšroka ir dodama modelim, kurš ir taupīgāks, t.i., ar mazāk faktoriem spēj izskaidrot korelāciju matricu. No šiem rezultātiem var secināt, ka izpētošajā faktoru analīzē divfaktoru risinājums izrietēja no divu pārāk vienādu pantu satura. Tādējādi 3. modelis ir uzskatāms par identitātes krīzes aptaujas mērījuma modeli, kas ir empīriski pārbaudīts.

3. attēls

Identitātes krīzes aptaujas apstiprinošās faktoru analīzes 1. modelis

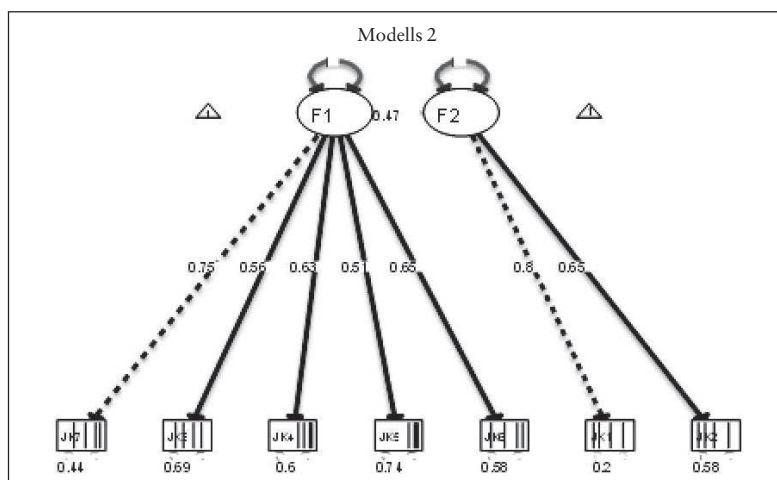

Piezīme: Modeļa ilustrācijā ir norādīti standartizēti regresijas koeficienti.

Avots: Dombrovskis 2014.

4. attēls

Identitātes krīzes aptaujas apstiprinošās faktoru analīzes 2. modelis

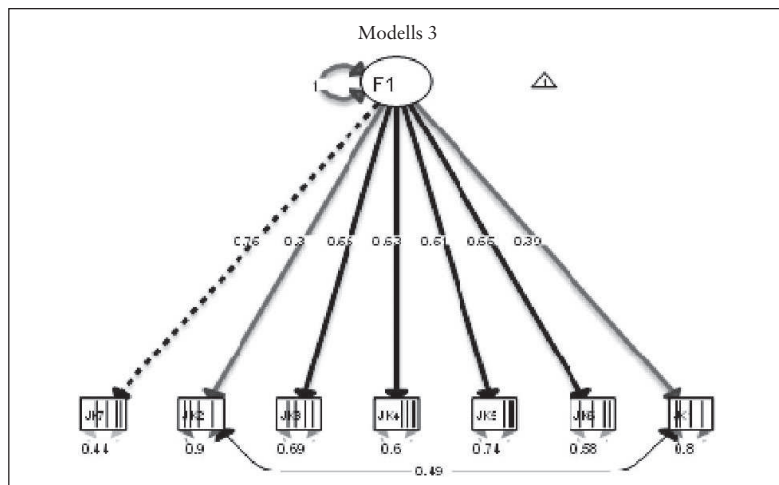

Piezīme: Modeļa ilustrācijā ir norādīti standartizēti regresijas koeficienti.

Avots: Dombrovskis 2014.

5. attēls

Identitātes krīzes aptaujas apstiprinošās faktoru analīzes 3. modelis

Piezīmes: Modeļa ilustrācijā ir norādīti standartizēti regresijas koeficienti.

Avots: Dombrovskis 2014.

8. tabula

Apstiprinošā faktoru analīze
trīs Identitātes krīzes aptaujas mērījuma modeļiem

Modelis	Brīvības pakāpe	$\chi^2(p)$	CFI	TLI	RMSEA ($p < .05$)
Modelis 1	14	140.86(0.00)	0,90	0,86	0,14 (0,00)
Modelis 2	13	30.97	0,99	0,98	0,05 (0,39)
Modelis 3	13	30.97	0,99	0,98	0,05 (0,39)

Piezīmes: Modelis 1: vienfaktora modelis bez korelējošām pantu kļūdām.

Modelis 2: divfaktoru modelis, kur 1. un 2. pants veido atsevišķu faktoru.

Modelis 3: vienfaktora modelis ar vienu specificētu korelāciju starp 1. un 2. pantu.

Modeļa parametri un modeļa piemērotības statistika iegūta ar DWLS metodi.

Avots: Dombrovskis 2014.

Diverģentā validitāte. Analizējot korelācijas starp Identitātes krīzes aptaujas rādītājiem un neatkarīgajiem mainīgajiem – dzimumu un vecumu (skat. 9. tabulu), apstiprinājās izvīrītā hipotēze, ka Identitātes krīzes rādītājiem nav jākorelē ar dzimumu un vecumu. Šie rezultāti apstiprina diverģento validitāti. Arī Birmens, Montgomerijs un Kurtiness savā pētījumā norāda, ka starp IKA no vienas puses un vecumu un dzimumu no otras puses nepastāv statistiski nozīmīga korelācija (Berman et al. 2004).

9. tabula

**Identitātes krīzes aptaujas pantu korelācija
ar respondentu dzimumu un vecumu**

Dzimums	Faktors rādītājs	Korelācijas	Dzimums	Vecums gados
Vīrietis (N= 170)	Identitātes krīze	Spīrmena korelācijas koeficients	0,0	-0,01
Sieviete (N= 330)	Identitātes krīze	Spīrmena korelācijas koeficients	0,0	-0,04

Avots: Dombrovskis 2014.

Salīdzinot grupas pēc dzimuma, izmantojot Manna-Vitneja U kritēriju ($z = -0,98$, $p = 0,33$), var secināt, ka atšķirības skalas rezultātos nav statistiski nozīmīgas. Atšķirību noteikšanai starp vecuma grupu rezultātiem identitātes krīzes aptaujā tika izmantots Kruskola-Vallisa rangu summu tests, un iegūts, ka $\chi^2(9(df), N = 500) = 6,59$, $p = 0,68$. Tādējādi var secināt, ka nepastāv statistiski nozīmīgas atšķirības starp vecuma grupām identitātes krīzes mērījumos.

Konverģentā validitāte. Lai noteiktu konverģento validitāti, tika izvirzīta hipotēze, ka Identitātes krīzei būtu negatīvi jākorēlē ar Apmierinātību ar ģimenes dzīvi (Zabriskie, McCormick 2003). Faktoru savstarpējā korelācija tika aprēķināta, izmantojot Spīrmena korelācijas koeficientu. Analizējot Spīrmena rangu korelācijas koeficientu matricu, var novērot, ka statistiski nozīmīgu korelāciju nav (skat. 10. tabulu). Ir vērojamas negatīvas korelācijas tendences starp IKA un AĢDz ($r_s = -0,08$; $p = 0,09$).

Detalizētākai novēroto tendenču analīzei jāaplūko Identitātes krīzes aptaujas struktūras īpatnības, tāpēc tika analizētas korelācijas starp IKA, DxIIIIR (Identitātes krīzes noteikšana) un DxIV (Identitātes problēmu noteikšana) (Bermanet al. 2004), kas ir IKA izdalītie apakšfaktori, un AĢDz (skat. 10. tabulu).

10. tabula

**Identitātes krīzes aptaujas pantu korelācija ar “Apmierinātība ar
ģimenes dzīvi”. Spīrmena rangu korelācijas koeficients (rho)**

Faktors	Korelācijas koeficients	IKA ^D	AĢDz ^D
IKA	Korelācijas koeficients	1,00	-0,08
	Nozīmības līmenis (divpusējā nozīmība)	–	0,09
AĢDz	Korelācijas koeficients	-0,08	1,00
	Nozīmības līmenis (divpusējā nozīmība)	0,09	–

Piezīmes. ^D – N= 500 ($n_{vir.} = 170$ vīrieši; $n_{siev.} = 330$ sievietes).

Avots: Dombrovskis 2014.

Analizējot korelāciju starp IKA, DxIIIIR un DxIV un AĢDz, ir novērojamas negatīvas korelācijas tendences starp IKA un AĢDz ($r_s = -0,08$; $p = 0,09$), bet ir statistiski nozīmīga korelācija starp DxIIIIR un apmierinātību ar ģimenes dzīvi ($r_s = -0,16$; $p = 0,01$) un starp DxIV un apmierinātību ar ģimenes dzīvi ($r_s = -0,13$; $p = 0,01$) (skat. 11. tabulu).

11. tabula

**Identitātes krīzes aptaujas apakšfaktoru korelācija ar
“Apmierinātība ar ģimenes dzīvi”. Spīrmena rangu korelācijas koeficients**

Faktors	Korelācijas koeficients	IKA	AĢDz
AĢDz	Korelācijas koeficients	-0,08	1
DxIIIR	Korelācijas koeficients	0,39**	-0,16**
DxIV	Korelācijas koeficients	0,56**	-0,13**

Piezīmes: ** Korelācija ir nozīmīga pie līmeņa 0,01 (divpusējas nozīmības), N= 500.

Avots: Dombrovskis 2014.

Novērojamas statistiski nozīmīgas korelācijas starp FIAS (Feministiskās identitātes attīstības skala (Feminist Identity Development Scale – FIDS) (Bargad, Hyde 1991), skalas rādītājiem Atklāsme un Identitātes krīze ($r_s = 0,22$; $p = 0,01$), Piederība un Identitātes krīze ($r_s = 0,23$; $p = 0,01$) un Aktīva iesaiste un Identitātes krīze ($r_s = 0,24$; $p = 0,01$) (skat. 12. tabulu).

12. tabula

**Identitātes krīzes aptaujas apakšfaktoru korelācija
ar FIAS rādītājiem – Atklāsme; Piederība; Aktīva iesaiste”,
Spīrmena rangu korelācijas koeficients (rho)**

Faktors	Korelācijas koeficients	IKA/1.FIAS	IKA/2.FIAS
Atklāsme	Korelācijas koeficients	0,15**	0,22**
	N	330 ^s	500 ^s
Piederība	Korelācijas koeficients	0,0	0,23**
	N	330 ^s	500 ^s
Aktīva iesaiste	Korelācijas koeficients	0,16**	0,24**
	N	330 ^s	500 ^s

Piezīmes: ** Korelācija ir nozīmīga pie līmeņa 0,01 (divpusējas nozīmības).

1. FIAS – pirmā adaptētā FIAS versija.

2. FIAS – otrā uzlabotā un adaptētā FIAS versija.

^s – sievietes

Avots: Dombrovskis 2014.

Izvirzītā hipotēze, ka Identitātes krīzes rādītājiem būtu negatīvi jākorēlē ar Apmierinātību ar ģimenes dzīvi ir uzskatāma par daļēji apstiprinātu, jo ir vērojamas negatīvas korelācijas tendences starp IKA un AĢDz apakšfaktoriem ($r_s = -0,08$) un novērojamas negatīvas statistiski nozīmīgas korelācijas starp DxIIIR (Identitātes krīzes noteikšana) ($r_s = 0,39$; $p = 0,01$), DxIV (Identitātes problēmu noteikšana) ($r_s = 0,56$; $p = 0,01$) un AĢDz (Apmierinātība ar ģimenes dzīvi). Diverģentā validitātes analīze starp IKA un dzimumu, kā arī starp IKA un respondentu vecumu gados statistiski nozīmīgas korelācijas neuzrāda.

Konverģentā validitāte starp Feministiskās identitātes attīstības skalu (FIAS faktoriāli modificētā versija apakšskalām pievienots apzīmējums “_F”, (Dombrovskis 2014) un Identitātes krīzi uzrāda statistiski nozīmīgas korelācijas starp IKA un FIAS skalas rādītājiem Atklāsme_F ($r_s = 0,23$; $p = 0,01$) un Aktīva iesaiste_F ($r_s = 0,23$; $p = 0,01$).

Faktoriālās validitātes analīze uzrāda, ka IKA rādītājiem būtu jāveido viens faktors. No apstiprinošās faktoranalīzes rezultātiem var secināt, ka izpētošajā faktoru analīzē divfaktoru risinājums izrietēja no divu pārlietu vienādu pantu satura un IKA veido viena faktora modeli. Izvērtējot IKA aptaujas pantu iekšējo saskaņotību un nosakot faktoriālo, diverģento un konverģento validitāti, var secināt, ka adaptētā aptauja Identitātes krīzes aptauja (IKA) atbilst svarīgākajām psihometriskajām prasībām testu adaptācijai.

Tests-retests. Testa – retesta ticamības noteikšanai tika izveidota atsevišķa izlase no 30 respondentiem, mērījumu atkārtojums tika veikts ar divu nedēļu intervālu. Retesta rezultāti uzskatāmi par labiem un pētniecības instrumenti tiek atzīti par izmantotajiem pētījumā (skat. 13. tabulu).

13. tabula

Pētījuma instrumenta Identitātes krīzes aptaujas skalas retesta rezultātu aprēķins izmantojot Spīrmena korelācijas koeficientu

Pētījuma instruments	Apakšskala	Retesta mērījums	
		Savstarpējais pantu korelācijas koeficients (R_s)	Divpusējās nozīmības līmenis
Identitātes krīzes aptauja	IKA – Identitātes krīzes aptauja	1	$p < 0,01$
	DxIII R – Identitātes krīzes noteikšana	1	$p < 0,01$
	DxIV – Identitātes problēmas	1	$p < 0,01$
	IKA 1. Ilgtermiņa mērķi	1	$p < 0,01$
	IKA 2. Karjeras izvēle	1	$p < 0,01$
	IKA 3. Draudzība	1	$p < 0,01$
	IKA 4. Seksualitāte	1	$p < 0,01$
	IKA 5. Reliģija	1	$p < 0,01$
IKA 6. Vērtības	IKA 6. Vērtības	1	$p < 0,01$
	IKA 7. Grupas lojalitāte	1	$p < 0,01$

Avots: Dombrovskis 2014.

Secinājumi

1. Retesta rezultāti uzskatāmi par labiem un pētniecības instruments izmantojams turpmākajiem pētījumiem.
2. Identitātes krīzes aptauja (IKA) atbilst svarīgākajām psihometriskajām prasībām testu adaptācijai, uzskatāma par adaptētu Latvijā un turpmāk ir izmantojama pētnieciskajā un praktiskajā darbā.

(1) Identitātes krīzes aptauja (Berman, Montgomery, Kurtines 2004). Adaptējis A. Dombrovskis (2014).

Instrukcija: Lūdzu izlasiet aptaujas jautājumus un pirms, uz apakšlīnijas, pirms jautājuma, uzrakstiet atbildes novērtējuma skaitli. Atbildot cik lielā mērā pēdējā laikā Jūs esat bijuši *sarūgtināti, bažīgi vai norūpējušies* par kādu no zemāk minētajiem jautājumiem jūsu dzīvē? (Lūdzu, izvēlieties atbilstošu atbildi, izmantojot punktu skalu).

Punktu skala:

Ne pavisam	Nedaudz	Vidēji	Stipri	Ļoti stipri
1	2	3	4	5

- ___1. Ilgtermiņa mērķi? (piemēram, atrast labu darbu, nodibināt romantiskas attiecības utt.).
- ___2. Karjeras izvēle? (piemēram, izvēlēties nodarbošanos vai profesiju, u.c.).
- ___3. Draudzība? (piemēram, drauga zaudēšana, draugu maiņa, u.c.).
- ___4. Seksuālā orientācija un uzvedība? (piemēram, mulsuma izjūta par seksuālo piederību, seksuālo vajadzību intensitāte, u.c.).
- ___5. Reliģija? (piemēram, ticības zaudēšana vai izmaiņas ticībā Dievam/reliģiskajos uzskatos).
- ___6. Vērtības vai uzskati? (piemēram, apmulsums par to, kas ir vai nav pareizi, u.c.).
- ___7. Grupas lojalitāte? (piemēram, piederība kādam klubam, grupai augstskolā u.c.).
- ___8. Lūdzu, novērtējiet savu vispārējo *diskomforta* līmeni (cik slikti Jūs jutāties), atbildot uz visiem iepriekšējiem jautājumiem *kopumā*.
- ___9. Lūdzu, novērtējiet, cik liela nedrošība minētajās situācijās kopumā ir traucējusi Jūsu dzīvi (piemēram, kā šī nedrošība atturēja Jūs no vēlamu lietu paveikšanas vai neļāva būt laimīgam).
- ___10. Cik ilgi (ja tas ir gadījies) Jūs esat bijuši sarūgtināti, bažīgi vai norūpējušies par šiem jautājumiem *kopumā*? (Izmantojiet zemāk sniegto novērtējuma skalu, atzīmējiet atbilstošu izvēli).

Novērtējuma skala:

Nekad vai mazāk par 1 mēnesi	No 1 līdz 3 mēnešiem	No 3 līdz 6 mēnešiem	No 6 līdz 12 mēnešiem	Ilgāk nekā 12 mēnešus
1	2	3	4	5

References

- Adams G.R. (2007) Identity status. *Encyclopedia of Social Psychology*. SAGE Publications.
- Allport G.W. (1968) *The Person in Psychology. Selected Essays*. Boston: Beacon Press.
- American Psychiatric Association. (1987) *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders* (3rd ed. rev.). Washington.
- American Psychiatric Association (1994) *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders* (4rd ed. rev.). Washington.
- Arnett J.J. (2000) Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, Vol. 55, pp. 469–480.
- Bargad A., Hyde J.S. (1991) Women's studies. A study of feminist identity development in women. *Psychology of Women Quarterly*, Vol. 15, pp. 181–201.
- Berman S.L., Montgomery M.J., Kurtines W.M. (2004) The development and validation of a measure of identity distress. *Identity: An International Journal Of Theory and Research*, Vol. 4, pp. 1–8.

- Breakwell G.M. (2010) Resisting representations and identity processes. *Online Journal. Papers on Social Representations*, Vol. 19(6.1–6.11).
- Brown T.A. (2006) *Confirmatory Factor Analysis for Applied Research*. London: The Guilford Press.
- Dombrovskis A. (2014) *Latvijas sieviešu feministiskas identitātes dimensijas prognozejosie faktori*. Promocijas darbs. Daugavpils: Daugavpils Universitāte. (In Latvian)
- Eriksons E.H. (1998) *Identitāte: Jaunībaunkrīze*. Rīga: Jumava. (In Latvian)
- Erikson E.H. (1997) The life cycle completed. In: J.M. Erikson (Ed.). *Extended Version with New Chapters on the Ninth Stage of Development*. New York, London: W.W. Norton & Company.
- Erikson E.H. (1959) Identity and the life cycle. *Psychological Issues Monograph*, Vol. 1, No. 1, pp. 1–171.
- Heckhausen J. (2001) Adaptation and resilience in midlife. In: M.E. Lachman (Ed.). *Handbook of Midlife Development*. New York: Wiley, pp. 345–394.
- Hernandez L., Montgomery M.J., Kurtines W.M. (2006) Identity distress and adjustment problems in at-risk adolescents. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, Vol. 6, pp. 27–33.
- Hu L., Bentler P.M. (1999) Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, Vol. 6, pp. 1–55.
- Lasmanis A., Kangro I. (2004) *Faktoruanalīze*. Rīga: Izglītības soli. (In Latvian)
- Levinson D.J., Darrow C., Klein E.B., Levinson M.H., McKee B. (1978) *The Seasons of a Man's Life*. New York, NY: Alfred A. Knopf.
- Marcia J.E. (1966) Development and validation of Ego-identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 3, pp. 551–559.
- Marcia J.E. (1980) Identity in adolescence. In: J. Adelson (Ed.). *Handbook of Adolescent Psychology*. New York: John Wiley, pp. 159–188.
- Rascevska M. (2005) *Psihologisko testu un aptauju konstruēšana un adaptācija*. Rīga: Raka. (In Latvian)
- Raskin P. (2002) Identity in adulthood: Reflections on recent theory and research. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, Vol. 2, No. 1, pp. 101–108.
- Rosseel Y. (2012) Lavaan: An R package for structural equation modeling. *Journal of Statistical Software*, Vol. 48, No. 2, pp. 1–36.
- Robbins A., Wilner A. (2001) *Quarterlife Crisis: The Unique Challenges of Life in Your Twenties*. New York: Penguin Putnam.
- Rossi N.E., Mebert C.J. (2011) Does a quarterlife crisis exist? *The Journal of Genetic Psychology*, Vol. 172, No. 2, pp. 14–161.
- Shaffer D.R. (2009) Identity crisis. *Encyclopedia of Social Psychology*. SAGE Publications.
- Terry M., Sweeny K., Shepperd J. (2007) Self-presentation. *Encyclopedia of Social Psychology*. SAGE Publications.
- Vignoles V.L., Schwartz S.J., Luyckx K. (2011) Introduction: Toward an integrative view of identity. In: S.J. Schwartz et al. (Eds.). *Handbook of Identity Theory and Research*. Springer Science+Business Media, LLC, pp. 1–28.
- Waterman A.S. (1985) Identity in the context of adolescent psychology. In: A.S. Waterman (Ed.). *Identity in Adolescence: Progress and Contents (New Directions for Child Development, No. 30)*. San Francisco: Jossey-Bass, pp. 5–24.

Whitbourne S.K. (1986) *The Me I Know: A Study of Adult Identity*. New York: Springer-Verlag.

Wiesenfeld B. (2001) Identity exits. *Colloquium Presentation*. New York: Columbia University, Teachers College.

Zabriskie R.B., McCormick B.P. (2003) Parent and child perspectives of family leisure involvement and satisfaction with family life. *Journal of Leisure Research*, Vol. 35, No. 2, pp. 163–189.

Margarita Nesterova, Alexey Ruza

PRISONERS' REPRESENTATIONS OF JUSTICE AND BELIEF IN A JUST WORLD

Studies on justice phenomenon in social psychology have been conducted already more than 60 years and they have multidimensional nature. A great role plays the influence of justice on the formation and development of moral and legal cognition that largely determines individual's behaviour in the society, its compliance to social norms adapted by the society. Statistical data give evidence about the change for the worse of the criminal situation, as a result of it, increases the number of prisoners. The aim of the present research is to analyze the prisoners' (n=160, 2010) representations of justice and a just world on the basis of just world hypothesis, as well as to determine the relation between belief in a just world and the perception of court justice, prison justice and personal action justice. During the research several issues were examined: a) whether there is a relation between general and personal belief in a just world and the other parameters of justice; b) what is the level of prisoners' belief in justice and a just world; c) what are the differences between prisoners' representations of general and personal belief in a just world, as well as justice of court, prison and personal action. Prisoners' level of education, criminal experience, subjective satisfaction with life and subjective assessment of belief in justice were analyzed as additional variables.

Key words: Representations, justice, prisoners, belief in a just world.

Ieslodzīto sociālie priekšstati par taisnīgumu un ticība taisnīgai pasaulei

Taisnīguma fenomena pētījumi sociālajā psiholoģijā tiek veikti jau vairāk par 60 gadiem un tiem piemīt daudzdimensionāls un sarežģīts raksturs. Viens no aktuālākajiem pētījumu aspektiem ir taisnīguma ietekme uz morālās un tiesiskās apziņas veidošanos un attīstību, kas lielā mērā nosaka indivīda uzvedību sabiedrībā, tās atbilstību sabiedrībā pieņemtajām sociālajām normām. Līdz ar to var teikt, ka taisnīguma fenomēns pēc savas būtības ir sociāla parādība, kas nosaka indivīda un sabiedrības mijiedarbības raksturu, pie tam sevišķi nozīmīgas ir sabiedrības attiecības ar sociālā riska grupām (piemēram, ieslodzītie), kas nereti uztver taisnīgumu kā utopisku parādību. Mūsu pētījuma teorētiskā bāze balstās uz sociālo priekšstatu teoriju, personības morālās attīstības teorijām un ticības taisnīgai pasaulei teorētiskajiem aspektiem. Šī pētījuma mērķis ir izanalizēt Latvijas ieslodzīto (n=160, 2010. gads) priekšstatus par taisnīgumu un taisnīgu pasauli, kā arī noteikt saistību starp sociālā priekšstata saturu un ticību taisnīgai pasaulei. Pētījuma gaitā tiek plānots atbildēt uz vairākiem jautājumiem: a) kādi ir ieslodzīto priekšstati par taisnīgumu; b) kāds ir ieslodzīto ticība līmenis taisnīgumam un taisnīgai pasaulei; c) ieslodzīto priekšstati par vispārējo un personīgo ticību taisnīgai pasaulei. Kā papildus mainīgie tiks analizēti ieslodzīto vecums, ģimenes stāvoklis, izglītības līmenis, kriminālā pieredze, apmierinātība ar dzīvi un tiesas spriedumu.

Atslēgas vārdi: taisnīgums, ticība taisnīgai pasaulei, sociālie priekšstati, ieslodzītie, personīgā un vispārējā ticība taisnīgai pasaulei.

Представления заключённых о справедливости и вера в справедливый мир

Исследования феномена справедливости в социальной психологии проводятся более 60 лет и имеют весьма сложный многомерный характер. Одним из актуальных аспектов является влияние справедливости на развитие морального и правового сознания, которое в значительной степени определяет поведение индивида в обществе, его со-

ответствие общепринятым социальным нормам. В связи с этим можно утверждать, что феномен справедливости по сути своей – социальное явление, которое определяет характер взаимодействия индивида с обществом, особенно важны отношения общества с группами социального риска (например, с заключёнными), которые часто воспринимают справедливость как утопию. Теоретическая база данного исследования основывается на теориях социальных представлений, морального развития личности и теоретических аспектах веры в справедливый мир. Цель исследования – анализ представлений заключённых (n=160, 2010 год) Латвии о справедливости и справедливым мире, а также определение взаимосвязи между составными элементами представлений о справедливости и верой в справедливый мир. В ходе исследования рассмотрены несколько вопросов: а) какие представления о справедливости характерны для заключённых; б) каков уровень веры заключённых в справедливость и справедливый мир; в) представления заключённых об общей и личной вере в справедливый мир. В ходе исследования анализируются и такие переменные, как возраст заключённых, семейное положение, уровень образования, криминальный опыт, удовлетворенность жизнью и решением суда.

Ключевые слова: справедливость, вера в справедливый мир, социальные представления, заключённые, личная и общая вера в справедливый мир.

Introduction

Individual's behaviour in the society is determined by number of factors – social processes, individual experience, level of legal and moral cognition. Perception of justice serves as one of the leading devices that regulate human behaviour. People's reaction to demands established by the society depends on their representations of socially accepted norms, legitimate categories, value orientation and representations of justice and the choice of strategies to restore justice. Several authors emphasize that justice is the leading element of moral cognition (Kohlberg 1984; Vasquez et al. 2001; Mullen, Skitka 2006; Sosnina 2006) and representations of justice form the content of legal cognition (Schmitt et al. 2003; Golynchik 2004).

Despite the fact that the history of researches on justice in social psychology begins more than 60 years ago and many authors (Lerner 1971; Lipkus, Siegler 1993; Be'gue, Bastounis 2003; Dalbert, Filke 2007; Schmitt et al. 2005; Tyler 1994; Finkel 2000; Wenzel 2004; Sosnina 2006; Gulevich 2007 etc.) have turned to problems of examination of this phenomenon, still there is no single approach for the conception of justice, where justice is linked to the notion of "truth", "justice" or "judicature, court", wherewith we may consider that justice is interpreted in two directions – moral and legal context. In turn, Kohlberg's moral development theory asserts that justice is essential feature for moral reasoning and "justice operations" are behaviour that people use to settle the debates between conflicting moral demands (Skitka 2009).

Such multidimensional interpretation of justice phenomenon indicates several justice research approaches which conditionally are divided as: a) general representations of justice that include the examination of justice role in everyday cognition (Kohlberg 1984); definition of the notion of justice interpreting people's representations of just and unjust events (Golynchik, 2004, Gulevich, 2007 etc.); the analysis of justice restoration strategies (Chiu 1991; Golynchik, Gulevich 2003; Shaw, Wild, Colquitt 2003 etc.); individual differences in representations of justice studying the "belief in a

just world” (Lerner 1971; Hafer 2000; Dalbert 1999, 2001; Alves, Correia 2008 etc.) and sensitiveness to injustice (Schmitt et. al., 2005 etc.) that determines individual differences in understanding of justice and its restoration strategies; b) representations of distributive justice or retributive justice between interaction participants (Adams 1965; Wenzel 2004; Schmitt et al. 2003; Gulevich, Golynchik 2004); c) representations of procedural justice (Leventhal 1980; Tyler 1994; Besley, McComas 2005).

One of the leading approaches for the analysis of individual differences is the just world theory at the basis of which is the idea that people need to believe that world is mostly just and people will receive what they deserve (Lerner 1965), thus emphasizing that the belief in a just world performs certain adaptive function and individuals are motivated to defend this belief (Dalbert 1999; Dalbert, Filke 2007). Rather vast range of researches can be found in the scientific literature that are based on the importance of the belief in a just world in individual's everyday life and positive influence on reactions in threatening situations. For example, high indicators of the belief in a just world indicate low level of depression, higher satisfaction with life (Dalbert 1999), optimism (Littell, Beck 1999). There is positive correlation between the belief in a just world and judgements about justice in various spheres of life such as family or school (e.g. Dalbert, Stoeber 2006), impact on prisoners' just judgement assessment, sense of guilt, subjective welfare and hostility (Otto, Dalbert 2005; Dalbert, Filke 2007).

Researchers have paid a lot of attention also to the issue about the difference between general (or, in other words, belief in a just world for others) and personal belief in a just world (Belief in a just world for self), emphasizing that general and personal belief must be distinguished (Dalbert 1999 etc.). Researchers underline that the more personal is the experience of injustice, the more threatening it is and the more it will be denied, for example, injustices and discriminations will be stronger denied in own than in other groups (Dalbert, Yamauchi 1994) and person's superior justice shall be emphasized (Farwell, Weiner 1996).

Several studies have been conducted in Latvia (Zahars 2005), where psychological climate in chambers that negatively influences psyche of imprisoned persons was analysed. One of the topical problems in Latvia is the increasing crime rate that is indicated by the statistics of committed crimes, the level of recidivism (reaches approximately 70%), and the number of prisoners in comparison with other Western European countries (in Latvia there are 6–7 times more prisoners (in relation to number of inhabitants) than in other Western European countries) – in 2007 – 6548, at the end of 2009 the number of prisoners reached 7055 persons.

Researchers (Dalbert, Stoeber 2006) concluded that the belief in a just world serves as an important personal resource that helps adult prisoners to reduce hostility expressions in a form of exaggerated behaviour and strengthens senses of social adaptation, in other words, the belief in a just world lets the prisoner to control processes of his aggressive behaviour and try to raise social inclusion. Dalbert and Filke (Dalbert, Filke 2007) in their research established that the stronger is prisoners' belief in a just world, the more often they view their judgments, the attitude of prison officials towards them and decisions during imprisonment from justice point of view, in other words, they assess the events connected with their sentence as just.

In the research on prisoners' belief in a just world performed by Otto and Dalbert (Otto, Dalbert 2004) it was found that the less offences prisoners have committed and stronger is their belief in a personal just world, the more they generally believed, that overall the judgment has been just. Moreover, researchers found that the belief in a just world was important for the prediction of court justice, i.e., these prisoners more confidently indicated the justice of court than those, who had weak belief in a just world and several criminal records. Wherewith, parallels between perception of a just court and sense of guilt were established; the more just was the court perceived, the stronger was prisoners' sense of guilt.

The objective of the study. The objective of the study is to determine the level of general and personal belief in a just world among prisoners in Latvia and its social correlates. There are several research hypothesis: a) there is a relation between general and personal belief in a just world and the other parameters of justice perception – perception of prison, court proceedings and assessment of personal action; b) there is a relation between assessment of subjective belief in justice and justice parameters – “Personal belief in a just world” PBJW, “General belief in a just world” GBJW, prison assessment (PA), court proceedings assessment (CPA), personal action assessment (PAA); c) there are differences in justice perception among various groups of prisoners depending on the level of education, type of crime, the age of the first imprisonment, criminal experience.

Method of the research

Participants. 160 prisoners from Daugavgrivas prison in Latvia within the age group from 19 to 63 years ($M=31.7$; $SD=9.8$) took part in the research. According to prisoners' level of education, it was determined that 85 (53%) of participants did not completed or have only compulsory education, 62 (39%) participants have got secondary education or vocational education, whereas only 13 (8%) participants had higher education. 46 participants had the first criminal record, that makes 26% of all, more than 4 criminal records had 59 (37%) participants. According to the type of crime, it was determined that 45 (31%) participants serve their sentence for violent offences – murder, crimes against health, morality, 61 (41%) participants – for burglary, robbery, and the other 41 (28%) for transgressions of law that are related to breach of general order, hooliganism, smuggling, violations of road safety, corruption, contamination of the area with narcotics. The first criminal record till 18 years had 64 participants (40%), at the age from 18 to 30 77 participants (48%) were put to trial for the first time, after 31 years – 19 (12%) prisoners. 54 (34%) participants' total time in prison was till 3 years, 54(34%) – from 3 to 8 years, and more than 8 years – 52 (32%) participants. Distribution according to the last term spent in prison – till 1 year – 41 (26%), from 1 to 3 years – 61 (38%) prisoners, 58 (36%) participants have spent more than 3 years after the last judgment in prison.

Procedure. Prisoners were offered to fill in the questionnaire that included questions about the age, level of education, marital status, transgression of law that was the cause for the last sentence, the age of the first criminal record, total time spent in

prison, and the time that is spent since the last term. Two questions were concerned with the subjective assessment of the belief in justice and a just world (7-point scale). Several topical questions about justice and associations connected with justice were included in the questionnaire. In the second part of the questionnaire participants were asked to provide answers to questions that were concerned with general belief in a just world (GBJW), personal belief in a just world (PBJW), as well as court proceedings assessment (CPA), prison justice assessment (PA), assessment of justice of personal action (PAA) and satisfaction with own life subjective assessment, which was evaluated with a question – I am satisfied with my life, all questions were evaluated by 6-point scale.

Instrumentation. Adapted Dalbert's (Dalbert 1999) scale "Personal belief in a just world" (PBJW) was used to study the belief in a just world that consists of 7 questions, and adapted Dalbert, Montada, Schmitt (1987) scale "General belief in a just world" (GBJW) that consists of 6 questions. It was adapted for Latvian and Russian sample. Modified Otto and Dalbert (Otto, Dalbert 2005) scale was used to evaluate the assessment of judgment and prison justice. The perception of judgment justice was studied with 3 questions ("Judgment was just"; "I am sure that the court treated me just during proceedings"; "I am sure that the court attempted to obtain justice for all parties during proceedings"), the perception of prison justice was evaluated with 4 questions ("Prison officials treat me just"; "Prison officials are unjust towards me"; "Prison officials have a grudge against me"; "Prison officials respect me"), for the assessment of justice of personal action separate scale was elaborated that includes 5 statements (e.g., "I feel guilty for committed crime"; "I do not acknowledge my behaviour (offence) because the injured party provoked me"). All questions were evaluated by 6-point scale from 1 (totally agree) to 6 (totally disagree).

Research results

In order to test the first and the second hypothesis – whether there is a relation between Belief in a just world (GBJW and PBJW) and the other parameters of justice perception, as well as the subjective assessment of the belief in justice and a just world and subjective assessment of the satisfaction with life, Spearman's correlation coefficient was used (see Table 1).

The results showed that there is a moderate correlation between GBJW and perception of court proceedings (CPA) ($r=0.316$). Similar relation exists between PBJW and CPA, and this relation is stronger ($r=0.456$). Significant statistical correlation has been determined between GBJW ($r=-0.176$), PBJW ($r=-0.261$) and the perception of personal action justice, the stronger was participants' belief in a just world, the less participants evaluated their action as just, so the sense of guilt was more apparent.

Table 1

The correlation between the assessment parameters of court justice, prison justice, personal action justice, subjective belief and satisfaction with life, and General and Personal belief in a just world, n=160, 2010

	CPA	PA	PAA	Subjective assessment of a belief in justice	Subjective assessment of a belief in a just world	Subjective assessment of satisfaction with life
GBJW	0.316**	-0.053	-0.176*	-0.306**	-0.295**	0.185*
PBJW	0.456**	-0.133	-0.261**	-0.271**	-0.246**	0.265**

** Correlation is significant at the 0.01 level.

* Correlation is significant at the 0.05 level.

Source: elaborated by the authors.

Statistically significant correlation was determined also between GBJW, PBJW and subjective belief assessment, in addition, this subjective assessment of own belief suggests that there is a tendency to deny one's belief in justice and a just world; the higher are parameters of the belief in a just world, the lower personal belief in justice and a just world is subjectively evaluated. The relation exists also between BJW and the assessment of own life welfare; the stronger is PBJW, the higher is the subjective welfare assessment ($r=.265$).

In order to check to the third hypothesis – whether there are differences in justice perception among various groups of prisoners depending on the level of education, type of crime, marital status, the age of the first imprisonment, criminal experience – analysis of variance (ANOVA) was used with following Multiple Comparisons.

The differences of justice perception parameters according to the level of education are reflected in Table 2.

Table 2

Mean values of justice parameters of participants with various level of education, n=160, 2010

	GBJW		PBJW		Court Proceedings Assessment		Prison Assessment		Personal Action Assessment	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Compulsory Education	3.58	0.78	3.41	1.00	3.01	1.39	3.48	0.97	2.58	1.07
Secondary Education	3.19	0.83	3.32	0.88	2.59	1.29	3.40	1.10	2.92	1.27
Higher Education	3.09	1.09	3.52	0.85	2.00	1.22	2.61	0.77	2.66	1.12

Source: elaborated by the authors.

Results showed that there are statistically significant differences in General belief in a just world between participants with compulsory education and secondary education ($F_{2,157}=5.024$, $p=0.005$), as well as between compulsory education and higher education ($F_{2,157}=5.024$, $p=0.047$), therefore we may conclude that the lower is the level of education, the stronger is GBJW.

The level of Personal belief in a just world did not show statistically important differences according to the level of education ($F_{2,157}=0.295$, $p=0.745$). Statistically important difference between participants with compulsory education and higher education ($F_{2,157}=4.047$, $p=0.013$) was determined in court proceedings assessment, therefore it may be concluded that the higher is the level of education, the lower is the assessment of judgment, consequently participants with higher education more often evaluate judgment as unjust. Significant differences in prison justice assessment (PA) exist between participants with compulsory education and higher education ($F_{2,157}=4.138$, $p=0.005$), as well as between participants with higher education and secondary education ($F_{2,157}=4,138$, $p=0.012$). Whereas statistically significant differences in personal action justice assessment (PAA) were not determined ($F_{2,157}=1.553$, $p=0.215$). Mean (*M*) and standard deviation (*SD*) values of justice parameters according to the type of crime are reflected in Table 3.

Statistically significant differences between groups according to the type of crime were determined only in the parameter of prison justice perception (PA) ($F_{2,144}=3.597$, $p=0.030$), results show that differences in the perception of prison justice exist between participants, who are sentenced for property offences, and participants' group sentenced for violence offences, ($F_{2,144}=3.597$, $p=0.013$), as well as participants, who are sentenced for property offences, and other offenders, who are sentenced for not so serious offences ($F_{2,144}=3.597$, $p=0.059$), therefore it may be concluded that the highest values in negative assessment of prison justice are established for participants with tendency to thefts and robberies.

Table 3

Mean values of justice parameters of participants with various types of criminal records, n=160, 2010

	GBJW		PBJW		Court Proceedings Assessment		Prison Assessment		Personal Action Assessment	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Violence Offences	3.45	0.69	3.46	0.88	2.80	1.25	3.10	0.94	2.80	1.19
Property Offences	3.49	0.89	3.43	0.96	2.97	1.48	3.59	1.05	2.42	1.02
Others Offences	3.23	0.88	3.30	0.94	2.55	1.25	3.21	0.97	2.68	1.05

Source: elaborated by the authors.

The other justice parameters between groups did not show statistically significant differences that indicates that groups of offenders according to the type of crime have similar level of PBJW ($F_{2,144}=3.64, p=.695$) and GBJW ($F_{2,144}=1.192, p=.307$), as well as perception of CPA ($F_{2,144}=1.179, p=.311$) and PAA ($F_{2,144}=1.644, p=.197$), what makes to conclude that justice parameters do not influence the choice of type of crime, as well as the type of crime does not influence justice perception.

Mean (*M*) and standard deviation (*SD*) values of justice parameters according to the age of the first imprisonment are reflected in Table 4.

Table 4

Mean values of justice parameters of participants according to the criminal experience indicator – the age of first imprisonment, n=160, 2010

	GBJW		PBJW		Court Proceedings Assessment		Prison Assessment		Personal Action Assessment	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Violence Offences	3.45	0.69	3.46	0.88	2.80	1.25	3.10	0.94	2.80	1.19
Under 18 years	3.59	0.75	3.39	0.98	2.95	1.41	3.62	1.12	2.55	1.07
From 18 to 30	3.23	0.90	3.38	0.97	2.81	1.35	3.32	0.92	2.73	1.19
After 31 years	3.37	0.85	3.41	0.72	1.95	1.03	2.78	0.94	3.20	1.24

Source: elaborated by authors

After the analysis of results in participants' groups according to the first imprisonment, it was established that significant statistical differences exist in GBJW scale between participants' group, who first were imprisoned before 18 years, and the second group (18 to 30 years) ($F_{2,157}=3.263, p=0.012$), in addition, the lowest mean values are in the age group from 18 to 30 years.

Statistically significant differences are evident also in court proceedings justice assessment ($F_{2,157}=4.192, p=0.017$) and prison perception ($F_{2,157}=5.266, p=0.006$), whereas personal action justice assessment has tendency to vary between the group, where the first imprisonment was before 18 years, and the group, where the first imprisonment was after 31 years ($F_{2,157}=2.371, p=0.032$), therefore we may predict that the less is criminal experience, the lower is the level of guilt and regret for committed crime. Moreover, court proceedings justice in this group has also the lowest assessment and statistically significant differences are between the group of participants, who first were sentenced after 31 years, and the group before 18 years ($F_{2,157}=4.192, p=0.005$) and from 18 to 30 years ($F_{2,157}=4.192, p=0.013$), whereas prison justice has the lowest mean evaluation that gives evidence that the group of participants, who first were sentenced after 31 years, assesses the prison more negatively than those participants, who had their criminal record earlier.

After the analysis of results in a group according to the number of criminal records, statistically significant differences in court proceedings justice assessment were established between the group with one criminal record and groups, where are 2–3 records ($F_{2,157}=5.297$ $p=0.002$) and participants with more than 4 criminal records ($F_{2,157}=5.297$ $p=0.014$), therefore court justice has the lowest evaluation in the group with the least criminal experience according to the number of imprisonments. Mean (*M*) and standard deviation (*SD*) values of justice parameters according to criminal experience indicator – number of imprisonments in Table 5.

Table 5
Mean values of justice parameters of participants according to the criminal experience indicator – number of imprisonments, $n=160$, 2010

	GBJW		PBJW		Court Proceedings Assessment		Prison Assessment		Personal Action Assessment	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Once	3.35	0.85	3.23	0.84	2.24	1.06	3.30	0.96	2.73	1.12
2 – 3 times	3.37	0.94	3.58	1.03	3.07	1.46	3.40	1.07	2.45	1.18
More than 4	3.45	0.77	3.33	0.92	2.89	1.40	3.42	0.07	2.94	1.14

Source: elaborated by the authors.

The difference is observed also in the assessment of personal action justice between participants with 2 to 3 criminal records and participants' group with the highest criminal experience – more than 4 criminal records ($F_{2,157}=2.671$ $p=0.022$), that indicates that participants with more criminal records have less sense of guilt for committed crimes. Whereas statistically significant differences are not apparent at the level of GBJW ($F_{2,157}=2.05$ $p=0.815$) and PBJW ($F_{2,157}=1.936$ $p=0.148$), therefore we may conclude that the number of criminal records has not influenced neither general, nor personal belief in a just world.

After the analysis of participants' groups according to the total time spent in prison, it was found that this parameter has no influence neither the belief in a just world, nor the rest of the parameters.

Discussion

The basic aim of the present research was to study prisoners' representations of justice on the background of the belief in a just world in relation to court proceedings, prison and personal action justice assessment in Latvia. This research was inspired by similar other researches previously done in other countries (Otto, Dalbert 2005; Dalbert, Filke 2007), however, this kind of research was performed in Latvia for the first time. The results of the research give opportunity to draw parallels with previous researches, for example, as Otto and Dalbert research reveals, also in the sample of prisoners in Latvia was established that belief in a just world influences the court

proceedings assessment; the stronger is this belief, the more often court proceedings is evaluated as just. In addition, it was established that participants with a stronger belief in a just world disapprove their personal action (offence); these prisoners more rarely express the approval of their action, therefore we can consider the positive influence of the belief in a just world on the sense of guilt that is an important precondition for the organization of preventive measures oriented towards prevention of potential offences after the release from prison. The present research revealed a positive relation between the belief in a just world and subjective satisfaction with life assessment, thus approving previous researches (Dalbert 1999, etc.) that suggest that the higher is the level of this belief, the more positively personal life welfare is perceived, moreover, this level of satisfaction has higher parameters in relation with Personal belief in a just world.

However, this research raised several issues that are connected with differences among different groups of prisoners. During the research it was found that belief in a just world among the members of participants group in Latvia is influenced neither by the number of criminal records, nor the total time spent in prison, therefore it is difficult to discuss the influence of criminal experience on general and personal belief in a just world, whereas court proceedings and personal action justice assessment and criminal experience have significant correlations. Analysing criminal experience, we can consider only the influence of the age of the first imprisonment on a belief in a just world, because the age of the first criminal experience the most essentially influences the perception of justice in future; the highest level of the belief in a just world was established among those participants, who had their first criminal record before the age of 18, that overall suggests that these participants perceive the world as just, however, it does not concern events that affect them personally, because personal belief in a just world did not get high evaluation that can suggest that a low level of belief in a personal just world cannot contribute for the choice of socially acceptable norms in everyday life; in addition, this statement is strengthened by the perception of prison justice, which among the prisoners with greater criminal experience has negative tone, thus approving the view that prison negatively influences individual's psychological state; the longer and more often an individual is imprisoned, the more he perceives this place as unjust, in the context of the present research – especially from prison officials half, that also can contribute for individual's negativism towards the world around. However, we can confirm previous researches that general belief in a just world influences the sense of guilt and regret for the committed offence (Otto, Dalbert 2005; Dalbert, Filke 2007) despite that this parameter is not evident in all groups of prisoners. Contradictory results were established also concerning the perception of court proceedings justice, as personal belief in a just world did not approve positive influence on the court proceedings justice perception in that group of prisoners, who had their criminal records later; this leads to a conclusion that little criminal experience makes people perceive their court proceedings as unjust, not pleading guilty and considering themselves as victims of injustice.

In the interpretation of obtained results, numeral differences between participants' groups according to the level of education created difficulties, as a small number of prisoners with higher education do not let to draw conclusions about tendencies of

the belief in a just world in this group. It is difficult to eliminate these difficulties in the research due to the circumstance that in prisons of Latvia the level of prisoners' education ranges from unfinished compulsory education to vocational education, but prisoners with higher education are occasional.

Moreover, contradictions revealed during the research make to pay greater attention to the issue of subjective perception of justice and a just world in order to understand why prisoners openly express disbelief in justice and a just world that is in conflict with results of GBJW and PBJW scales. Probably, further researches that reveal the content of prisoners' social representations of justice will provide answers to this question.

References

- Adams J.S. (1965) Inequity in social exchange. In: L. Berkowitz (Ed.). *Advances in Experimental Social Psychology*, Vol. 2, pp. 267–299.
- Alves H., Correia I. (2008) On the normativity of expressing the belief in a just world: Empirical evidence. *Social Justice Research*, Vol. 21, No. 1, pp. 106–118.
- Be'gue L., Bastounis M. (2003) Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world. *Journal of Personality*, Vol. 71, No. 3, pp. 435–464.
- Besley J.C., McComas K.A. (2005) Framing justice: using the concept of procedural justice to advance political communication research. *Communication Theory*, Vol. 15, No. 4, pp. 414–436.
- Chiu C-Y. (1991) Hierarchical social relations and justice judgement among Hong-Kong Chinese college students. *The Journal of Social Psychology*, Vol. 131, pp. 885–887.
- Dalbert C. (1999) The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, Vol. 12, No. 3, pp. 79–98.
- Dalbert C. (2001) *The Justice Motive as a Personal Resource: Dealing with Challenges and Critical Life Event*. New York: Plenum Press.
- Dalbert C., Stoeber J. (2006) The personal belief in a just world and domain-specific beliefs about justice at school and in the family: A longitudinal study with adolescents. *International Journal of Behavioral Development*, Vol. 30, pp. 200–207.
- Dalbert C., Filke E. (2007) Belief in a personal just world, justice judgments, and their functions for prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, Vol. 34, No. 11, pp. 1516–1527.
- Dalbert C., Montada L., Schmitt M. (1987) Glaube an eine gerechte Welt als Motiv: Validierungskorrelate zweier Skalen. *Psychologische Beiträge*, Vol. 29, pp. 596–615. (In German)
- Dalbert C., Yamauchi L. (1994) Belief in a just world and attitudes toward immigrants and foreign workers: A cultural comparison between Hawaii and Germany. *Journal of Applied Social Psychology*, Vol. 24, pp. 1612–1626.
- Farwell L., Weiner B. (1996) Self-perception of fairness in individual and group contexts. *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 22, pp. 868–881.
- Finkel N.J. (2000) But it's not fair! Commonsense notions of unfairness. *Psychology, Public Policy, and Law*, Vol. 6, pp. 898–952.
- Golynchik E.O. (2004) Social'niye predstavleniya o spravedlivosti. *Mir psihologii*, Vol. 3, pp. 108–116. (In Russian)
- Golynchik E.O., Gulevich O.A. (2003) Obydenniye predstavleniya o spravedlivosti. *Voprosy psihologii*, Vol. 5, pp. 80–92. (In Russian)

- Gulevich O.A. (2007) *Sotsial'naya psihologiya spravedlivosti: biznes, politika, yurisprudentsiya*. Izdatel'stvo: Aspekt Press. (In Russian)
- Gulevich O.A., Golynchik E.O. (2004) Usloviya vibora norm distributivnoi spravedlivosti. *Psihologicheskii zhurnal*, Vol. 3, pp. 53–60. (In Russian)
- Hafer C.L. (2000) Do innocent victims threaten the belief in a just world? Evidence from a modified stroop task. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 79. pp. 165–173.
- Kohlberg L. (1984) *Essays on Moral Development*. New York: Harper & Row.
- Lerner M.J. (1965) Evaluation of performance as a function of performer's reward and attractiveness. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 1, pp. 355–360.
- Lerner M.J. (1971) Observer's evaluation of a victim: Justice, guilt, and veridical perception. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 20, pp. 17–35.
- Leventhal G.S. (1980) What should be done with equity theory? New approaches to the study of fairness in social relationship. In: K. Gergen, M. Greenberg, R. Willis (Eds.). *Social Exchange: Advances in Theory and Research*. New York, pp. 27–55.
- Lipkus I.M., Siegler I.C. (1993) The belief in a just world and perceptions of discrimination. *Journal of Psychology*, Vol. 127, pp. 465–474.
- Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C. (1996) The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 22, No. 7, pp. 666–677.
- Littrell, J., Beck, E. (1999) Perceiving oppression: Relationships with resilience, self-esteem, depressive symptoms, and reliance on God in African-American homeless men. *Journal of Sociology and Social Welfare*, Vol. 26, No. 4, pp. 137–158.
- Mullen E., Skitka L.J. (2006) Exploring the psychological underpinnings of the moral mandate effect: motivated reasoning, group differentiation, or anger? *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 90, pp. 629–643.
- Otto K., Dalbert C. (2005) Belief in a just world and its functions for young prisoners. *Journal of Research in Personality*, Vol. 6, pp. 559–573.
- Otto K., Dalbert C. (2004) Belief in a just world as a resource for different types of young prisoners. In: C. Dalbert, H. Sallay (Eds.). *The Justice Motive in Adolescence and Young Adulthood: Origins and Consequences*. London: Routledge, pp. 153–171.
- Schmitt M., Eid M., Maes J. (2003) Synergistic person situation interaction in distributive justice behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 29, pp. 141–147.
- Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D. (2005) Justice sensitivity: assessment and location in the personality space. *European Journal of Psychological Assessment*, Vol. 21, pp. 202–211.
- Shaw J.C., Wild E., Colquitt J.A. (2003) To justify or excuse? A meta-analytic review of the effects of explanations. *Journal of Applied Psychology*, Vol. 88, pp. 444–458.
- Skitka L.J. (2009) Exploring the “Lost and Found” of Justice Theory and Research. *Social Justice Research*, Vol. 22, pp. 98–116.
- Tyler T.R. (1994) Psychological models of the justice motive: antecedents of distributive and procedural justice. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 67, pp. 850–863.
- Sosnina L.M. (2006) Tendentsii issledovaniia spravedlivosti v zarubezhnoi sotsial'noi psikhologii. *Psihologicheskii zhurnal*, Vol. 5, pp. 40–49. (In Russian)
- Valsts probācijas dienests. (2004) *Bijuso notiesato socialas rehabilitācijas un integrācijas sabiedrība kompleksa programma*. Available: <http://www.probacija.lv/page.php?id=44> (accessed 14.04.2014). (In Latvian)

Vasquez K., Keltner D., Ebenbach D.H., Banaszynski T.L. (2001) Cultural variation and similarity in moral rhetorics. Voices from the Philippines and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 32, pp. 93–120.

Wenzel M. (2004) A social categorisation approach to distributive justice. *European Review of Social Psychology*, Vol. 15, pp. 219–257.

Zahars V. (2005) *Notiesatie – tauta tauta: kriminal sodu izpildes problemas*. Riga: Zvaigzne ABC. (In Latvian)

TIESĪBU ZINĀTNE

Алла Олейник

НАЛОГОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ И ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С момента выбора Украиной внешнеполитическим приоритетом интеграцию в Европейское Сообщество, наиболее актуальным стал вопрос приведения нормативно-правовых актов Украины, особенно регулирующих налоговые отношения, в соответствие нормам и стандартам законодательства Европейского Союза. Целью исследования является определение места налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика согласно нормам законодательства Украины и Латвийской Республики. Разработка предложений о возможности внесения изменений относительно усовершенствования правового регулирования налоговой обязанности в Украине и Латвийской Республике. Для достижения поставленной цели и выполнения задач исследования в статье использованы методы сравнительно-правового, компаративного, логического и логико-семантического анализа. Научная новизна исследования: впервые проведено исследование налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика путем сравнительной характеристики законодательства Украины и Латвийской Республики, определены основные общие черты и принципиальные отличия правовой природы налоговой обязанности двух государств. Определено место налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика согласно нормам законодательства Украины и Латвийской Республики. По результатам исследования предложено дальнейшее усовершенствование правового национального налогового законодательства обоих государств; внесены предложения о целесообразности рассмотрения законодателю Латвийской Республики вопроса о внесении изменений в Закон Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.) в части выделения правовой категории налоговой обязанности и определения ее содержания, а также приоритета перед иными обязанностями налогоплательщика; для Украины предложено внесение изменений в п. 19.3., ст. 19 Налогового кодекса Украины от 02.12.2010 г. №2755-VI (с изменениями и дополнениями по сост. на 01.01.2014 г.), относительно исполнения налоговой обязанности представителем.

Ключевые слова: налоговая обязанность, конституционная обязанность, Украина, Латвийская Республика, плательщик налогов, система обязанностей.

Nodokļu saistības nodokļu maksātāja pienākumu sistēmā: Ukrainas un Latvijas Republikas likumdošanas salīdzinošais raksturojums

Kopš brīža, kad Ukraina par savas ārpolitikas prioritāti ir izvēlējusies integrēšanos Eiropas Savienībā, aktuāls ir kļuvis jautājums par Ukrainas tiesību un normatīvo aktu, it sevišķi nodokļu attiecības regulējošo, pielāgošana Eiropas Savienības likumu normām un standartiem. Pētījuma mērķis ir noteikt nodokļu saistību vietu nodokļu maksātāja pienākumu sistēmā saskaņā ar

Ukrainas un Latvijas Republikas likumiem. Izstrādāt priekšlikumus par iespējām veikt grozījumus Ukrainas un Latvijas Republikas nodokļu saistību tiesiskā regulējuma pilnveidošanā. Lai sasniegtu noteikto mērķi un izpildītu pētījuma uzdevumus, rakstā izmantota dedukcijas, komparatīvās, loģiskās un loģiski semantiskās analīzes metodes. Pētījuma zinātnisko inovāciju veido tas, ka pirmo reizi tiek veikts pētījums par nodokļu saistībām nodokļu maksātāja pienākumu sistēmā, veicot Ukrainas un Latvijas Republikas likumu salīdzinošo raksturošanu, ir noteiktas divu valstu nodokļu saistību tiesiskā rakstura kopīgās iezīmes un principiālās atšķirības. Noteikta nodokļu saistību vieta nodokļu maksātāja pienākumu sistēmā atbilstoši Ukrainas un Latvijas Republikas likumu normām. Pēc pētījuma rezultātiem tiek izstrādāti priekšlikumi turpmākai abu valstu nacionālo likumu tiesiskajai pilnveidošanai; tiek sniegti priekšlikumi Latvijas Republikas likumdevējam par to, ka ir lietderīgi izskatīt jautājumu par grozījumiem Latvijas Republikas 1995. gada 18. februāra “Nodokļu un nodevu likumā” (2012. gada 28. decembra redakcijā, kas stājusies spēkā 2013. gada 11. janvārī), sadaļā, kas nosaka nodokļu saistību kategoriju un nosaka to saturu, kā arī prioritāti attiecībā pret citām nodokļu maksātāja saistībām; Ukrainai tiek sniegts priekšlikums veikt grozījumus Ukrainas 2010. gada 01. decembra Nodokļu kodeksa Nr. 2755-VI (ar 2014. gada 01. janvārī sagatavotajiem grozījumiem un papildinājumiem) attiecībā uz nodokļu pienākuma izpildījumu ar pārstāvi.

Atslēgas vārdi: nodokļu saistības, konstitucionālās saistības, Ukraina, Latvijas Republika, nodokļu maksātājs, saistību sistēma.

The tax duty in the system of taxpayer duties: comparative characteristics of legislation of Ukraine and the Republic of Latvia

From the choice of a foreign policy priority of Ukraine's integration into the European Community, the most relevant question was bring the regulatory legal acts of Ukraine, especially regulating tax relations, in compliance with norms and standards of European Union legislation. The purpose of the research is to determine the place of tax duty in the system of taxpayer obligations according to the norms of legislation of Ukraine and the Republic of Latvia and development of proposals about the possibility of making changes regarding the improvement of legal regulation of the tax duty in Ukraine and the Republic of Latvia. To achieve set goal and performance of tasks of the research in the article are used deductions, comparative, logical and logical-semantic analytical methods. Scientific novelty of research is that for the first time are conducted a research of the tax duty in the system of taxpayer obligations by means of comparative characteristic of legislation of Ukraine and the Republic of Latvia, defined the main general features and fundamental differences of the legal nature of the tax duty of the two States and defined the place of the tax duty in the system of taxpayer obligations according to the norms of legislation of Ukraine and the Republic of Latvia. Based on the results of the study has been proposed further improvements in the legal national tax legislation of both States; has been made proposals on the appropriateness of considering to the legislator of the Republic of Latvia the question on amendments to the Law of the Republic of Latvia “On taxes and duties” of 18.02.1995, (amended on 28.12.2012, into force on 11.01.2013), in the part of allocation of legal category of tax duty and determine its content and priority before other obligations of the taxpayer; for Ukraine, the proposed amendment in item 19.3., article 19 of the Tax code of Ukraine from 02.12.2010, 2755-VI (with amendments and additions on 01.01.2014), in relation to the pursuance of tax duty a representative

Key words: tax duty, constitutional duty, Ukraine, the Republic of Latvia, the taxpayer, system of responsibilities.

Введение

С момента провозглашения независимости Латвийской Республикой и Украиной, указанные государства регулярно утверждают Программы экономического сотрудничества и иные межгосударственные нормативно-правовые акты. Таким образом, усматриваются общие цели Латвийской Республики и Украины — расширение деловых контактов, поиск новых возможностей для инвестиционной деятельности и промышленной кооперации предпринимателей Латвии и Украины, содействие проведению ежегодных латвийско — украинских бизнес-форумов. Однако, для реализации указанных проектов и создания благоприятного бизнес-климата, как в Украине, так и в Латвийской Республике необходимо оптимизировать нормы действующего налогового законодательства. Указанная оптимизация должна обеспечивать гармонизацию частных и публичных интересов в обоих государствах, способствовать как развитию предпринимательской и инвестиционной деятельности, так и пополнению доходной части государственного бюджета.

Латвийская Республика вошла в Европейский Союз 01 мая 2004 года и на протяжении 10 лет является его членом. Учитывая общее историческое и политическое прошлое Украины и Латвийской Республики, опыт правового регулирования налоговых отношений (в том числе налоговой обязанности) Латвийской Республики является очень интересным и актуальным для Украины. При этом для Украины является ценным опыт относительно быстрой интеграции Латвийской Республики в Европейский Союз. Также, Латвийская Республика всегда оказывала и продолжает оказывать поддержку нашему государству в евроинтеграционных стремлениях.

Концепция гармонизации законодательства (в том числе налогового) возникла в ходе развития европейской интеграции. До создания Европейских сообществ в 1957 г. вопрос сближения законодательства в сфере налогообложения на межгосударственном уровне никогда не поднимался.

В процессе применения расширительного толкования статьи 14 Договора, учреждающего Европейское сообщество (в редакции Амстердамского договора 1997 г.), декларирующей Европейское сообщество без внутренних границ, справедливо распространять и на так называемые налоговые границы (*Europeiskoye Soobschestvo* 2001).

Следует отметить, что целями устранения внутриевропейских налоговых границ являются: — недопущение налоговой дискриминации в любых ее проявлениях между резидентами и нерезидентами государств-членов; — *устранение принципиальных различий в законодательстве* о налогах (*гармонизация налогового законодательства*). Указанные цели отражены в Договоре, учреждающем Европейское сообщество, и законодательных актах союза, принятых во исполнение Договора.

Кроме того, с целью унификации надлежащего исполнения налоговой обязанности (по отдельным видам налогов) в период существования Европейского Союза приняты директивы направленные на гармонизацию европейского законодательства и национального законодательства государств-членов, среди которых:

Директива Совета 90/434/ЕСС от 23.06.1990 г. «Об общей системе налогообложения, применимой к слияниям, разделением, передаче активов и обмену акциями в отношении компаний разных государств-членов»; Директива Совета 90/435/ЕСС от 23.06.1990 г. «Об общей системе налогообложения, применимой к материнским и дочерним компаниям разных государств-членов»; Директива Совета 2003/48/ЕСС от 03.06.2003 г. «О налогообложении дохода от накопления сбережений в форме выплаты процентов»; Директива Совета 2003/49/ЕСС от 03.06.2003 г. «Об общей системе налогообложения процентов и роялти, выплата которых осуществляется между зависимыми компаниями разных государств-членов»; Директива Совета 2006/112/ЕСС от 28.11.2006 г. «Об общей системе налога на добавленную стоимость» (в редакции, действующей с 01.01.2010 г.) (Zaharov 2010).

Изложенное выше дает основание для выводов о том, что со своей стороны Европейский Союз достаточное внимание уделяет нормативно-правовому регулированию системы налогообложения для обеспечения полного и своевременного исполнения налоговой обязанности налогоплательщиками.

Одним из базовых моментов евроинтеграционной политики является сближение национального законодательства Украины к законодательству Европейского Союза. Основным путем приближения правовых норм Украины к законодательству Европейского Союза является адаптация – процесс разработки и принятия нормативно-правовых актов и создание условий для их надлежащего внедрения и применения с целью постепенного достижения полного соответствия права Украины европейскому праву.

Закон Украины «Об Общегосударственной программе адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского Союза» от 18.03.2004 г. № 1629-IV, определяет механизм достижения Украиной соответствия третьему Копенгагенскому и Мадридскому критериям получения членства в Европейском Союзе. Данный механизм включает адаптацию законодательства, создание соответствующих институций и иные дополнительные мероприятия, необходимые для эффективного правотворчества и правоприменения (Verhovnaya Rada Ukraini 2004).

Кроме того, на внутригосударственном уровне Указом Президента Украины от 12.03.2013 г. № 128/2013, утвержден Национальный план действий на 2013 год относительно внедрения Программы экономических реформ на 2010–2014 годы «Состоятельное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство». Целью данной программы определена адаптация законодательства Украины к законодательству Европейского Союза и Всемирной торговой организации, усиление финансовой и бюджетной дисциплины (Prezident Ukraini 2013).

Учитывая, что национальное законодательство (в том числе налоговое) государств-членов Европейского Союза уже адаптировано к нормам законодательства Европейского Союза, следует вывод о том, что одним из главных элементов успешной евроинтеграции Украины, является, также, заимствование позитивного опыта правового регулирования общественных отношений (в том числе налоговых) государств-членов Европейского Союза.

Обоснование цели исследования

В обоснование цели исследования, следует отметить, что налоговая обязанность представляет одну из важнейших категорий налогового права многих государств, относительно которой складывается большинство налоговых правоотношений.

Однако в Украине отсутствуют специальные комплексные исследования налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика, проведенные на основании сравнительной характеристики законодательства Украины и Латвийской Республики. Отдельные вопросы правового регулирования налоговой обязанности были рассмотрены в трудах ученых Украины и Латвийской Республики, среди которых: З. Будько, Д. Винницкий, А. Дуванский, П. Дуравкин, В. Кириченко, К. Кетнерс, Н. Кучерявенко, Я. Лаздинс, О. Лукашина, А. Олейник, С. Пепеляев, А. Храбров, и др.

На основании изложенного целесообразно сделать вывод о том, что труды указанных авторов не содержат исследования налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика проведенные на основании сравнительной характеристики законодательства Украины и Латвийской Республики с применением компаративного метода. Изложенное дает основание полагать, что указанный вопрос является своевременным и актуальным в теоретическом и прикладном аспекте, как в Украине, так и в Латвийской Республике.

Цель исследования

Целью данного исследования является определение места налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика согласно нормам законодательства Украины и Латвийской Республики.

Разработка предложений о возможности оптимизации норм действующего законодательства регулирующих налоговую обязанность в Украине и Латвийской Республике.

Задачи исследования

Для достижения поставленной цели исследования в данной статье были определены следующие *задачи*:

- охарактеризовать правовую природу налоговой обязанности в соответствии с положениями современной правовой доктрины;
- отразить общие черты правовой природы налоговой обязанности в Украине и Латвийской Республике;
- отразить принципиальные отличия правовой природы налоговой обязанности в Украине и Латвийской Республике;
- сформулировать авторскую позицию, относительно места налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели и выполнения задач исследования в статье использованы следующие основные *методы*:

- 1) дедукции – для получения частных выводов на основе знания общих положений о налоговой обязанности;
- 2) компаративный – при обобщении опыта правового регулирования налоговой обязанности в Латвийской Республике (зарубежный опыт правового регулирования относительно Украины), в сравнении с правовым регулированием указанных отношений в Украине;
- 3) логический – для толкования положений законодательства Украины и Латвийской Республики, а также теоретического понятия налоговой обязанности;
- 4) анализа – при определении значимости налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика и исследовании возможности наступления негативных последствий для государства и местного самоуправления в случае неисполнения/ненадлежащего исполнения налоговой обязанности в Украине и Латвийской Республике.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования выступают общественные отношения, имеющие место в период существования налоговой обязанности налогоплательщика в Украине и Латвийской Республике.

Предметом исследования является правовая категория «налоговая обязанность» в системе обязанностей налогоплательщика.

Результаты исследования (в том числе дискуссия)

Для более детальной характеристики предмета исследования, необходимо рассмотреть в историческом аспекте теоретическое определение правовой категории «налоговая обязанность» в широком значении, в современной юридической доктрине.

Исходя из положений теории налогового права, содержание налоговой обязанности рассматривается в двух аспектах: узком и широком значениях.

До принятия и вступления в силу Налогового кодекса Украины (01 января 2011 года) субъектами налоговой обязанности являлись как налогоплательщики, так и уполномоченные государством лица – субъекты налоговых правоотношений в процессе реализации своей компетенции. Поэтому, налоговую обязанность невозможно было рассматривать исключительно как совокупность обязанностей в системе обязанностей налогоплательщика.

Так, по определению, данному О.А. Храбровым, приведенному до 01.01.2011 г.: «налоговая обязанность – предусмотренная специальными законами обязанность субъектов налоговых правоотношений по реализации своей компетенции уполномоченными государством лицами, а также обязанность налогоплательщиков

по соблюдению соответствующего законодательства, а именно — обязанность по налоговому учету (налоговой регистрации), уплаты и отчетности, которая обеспечивается государственным принуждением» (Hrabrov 2003).

Исходя из соотношения определений правовой категории «налоговая обязанность» в широком и узком значениях, усматривалось несоответствие данных категорий по субъективному составу (субъекты налоговой обязанности в широком значении: налогоплательщик и налоговый орган, в узком значении — налогоплательщик).

На сегодняшний день более актуально определение П.М. Дуравкина о том, что: «налоговая обязанность» представляет собой совокупность закрепленных в действующих нормах налогового законодательства обязанностей, обеспеченных силой государственного принуждения надлежащего (активного позитивного или пассивного позитивного) поведения налогоплательщика. Усматривается возможность выделения родового понятия налоговой обязанности, включающего в себя совокупность обязанностей налогоплательщика» (Duravkin 2014).

Относительно узкого значения правовой категории «налоговая обязанность» следует поддержать позицию Н.П. Кучерявенко о том, что: «в узком значении налоговая обязанность определялась как конституционная обязанность лица (физического или юридического) уплатить налоги, сборы (иные обязательные платежи) в бюджеты соответствующих уровней в порядке и в сроки, установленные законом Украины» (Kucheryavenko 2005).

Интересным, на наш взгляд, является позиция ученых Латвийской Республики относительно места налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика.

Так, Я. Лаздиньш и К. Кетнерс определяют, что: «для любого государства приемлема такая модель налогообложения, которая будет лучше всего соответствовать его потребностям и будет возможным не только облагать налогами, но также взимать их». Указанные авторы подчеркивают также, что: «уплата налогов добровольно — желательная форма, в принудительном порядке — нежелательная форма» (Lazdins, Ketners 2012).

Более того, О. Лукашина и К. Кетнерс определяют, что: «выплачивать налоги в предусмотренных налоговыми законами случаях — одна из обязанностей налогоплательщиков Латвии, предусмотренная ст. 15 закона «О налогах и пошлинах». Изучая свои обязанности, налогоплательщик должен обратить особое внимание на некоторые нормы ст. 15 закона. Главное здесь то, что налогоплательщик обязан знать до нюансов налоговое законодательство Латвии, все три уровня документов — тексты законов, правил Кабинета министров и рекомендаций Службы государственных доходов. Лишь в этом случае налогоплательщик сможет выполнить свою *главную обязанность* — правильно рассчитать налог, полностью и вовремя уплатить его в бюджет» (Lukashina, Ketners 2008).

На наш взгляд, концепция, изложенная учеными Латвийской Республики, подчеркивает, что правильно рассчитать налог, полностью и вовремя уплатить его в бюджет — главная обязанность налогоплательщика, включающая в себя совокупность нескольких обязанностей налогоплательщика, что фактически соответствует правовой категории «налоговая обязанность».

Поскольку данные положения применимы относительно налогоплательщика, то лицо (физическое либо юридическое) изначально обязано зарегистрироваться (встать на учет) в органах Службы государственных доходов (обязанность относительно ведения налогового учета), правильно рассчитать налог (обязанность, предшествующая уплате – подача отчетности), и, в результате, полностью и вовремя уплатить налог в бюджет (обязанность по уплате налогов).

Таким образом, на сегодняшний день доктринально налоговая обязанность в широком значении существует и в Латвийской Республике, отражая совокупность нескольких (трех) основных обязанностей налогоплательщика.

Правовое регулирование обязанностей налогоплательщика на современном этапе, в том числе и налоговой обязанности, осуществляется нормами национального законодательства каждого государства в отдельности. Категория «налоговая обязанность» имеет системообразующее значение в налоговом праве, поскольку от состояния исполнения налоговой обязанности непосредственно зависит эффективность реализации функций государства и местного самоуправления.

В узком значении налоговая обязанность отражена в Основных Законах практически каждого государства как обязанность неопределенного круга лиц.

Так, ч. 1 ст. 67 Конституции Украины от 28.06.1996 года (с изменениями и дополнениями) устанавливает обязанность каждого платить налоги и сборы в порядке и размерах, установленных законом (Verhovnaya Rada Ukraini 1996).

Аналогичная конституционная норма отражена в Конституционном Законе Латвийской Республики «Права и обязанности человека и гражданина» от 10.12.1991 года. Ст. 42 приведенного выше Основного Закона определяет, что каждый принимает участие в покрытии расходов государства и самоуправления, уплачивая в установленном порядке налоги и сборы (Saeim Latvviyskoj Respubliki 1991).

Указанное дает основание полагать, что, как в Украине, так и в Латвийской Республике, уплата налогов и иных предусмотренных Законом обязательных платежей является именно конституционной обязанностью каждого.

В узком значении «налоговая обязанность» сводится лишь к обязанности уплатить определенные суммы налогов и других обязательных платежей. В широком значении «налоговая обязанность» включает в себя три взаимосвязанных обязанности: 1) обязанность ведения налогового учета; 2) обязанность по уплате налогов и иных обязательных платежей; 3) обязанность подачи отчетности.

Как видим, налоговая обязанность в узком значении отражена в конституционных нормах (нормах национального законодательства) Украины и Латвийской Республики. В указанных государствах формирование публичных денежных фондов в значительной степени зависит от исполнения налогоплательщиками конституционной налоговой обязанности.

Изложенное дает основание для выводов о том, что, несмотря на различные правовые конструкции и порядок изложения, конституционная обязанность платить налоги и иные обязательные платежи (налоговая обязанность в узком значении) как в Украине, так и в Латвийской Республике, носит всеобщий характер и распространяется на всех независимо от гражданства физических лиц, места и законодательства создания организаций (юридических лиц).

Целесообразно обратить внимание и на то, что Конституция является Основным Законом в любом государстве и представляет собой нормативно-правовой акт, определяющий основы законодательства в той или иной сфере и лишь в общих чертах устанавливает права и обязанности.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими отношения, возникающие в сфере уплаты налогов и сборов, в частности, устанавливающими их перечень, порядок администрирования, права и обязанности налогоплательщиков, компетенцию контролирующих органов, полномочия и обязанности их должностных лиц во время осуществления налогового контроля, являются Налоговый кодекс Украины от 02.12.2010 г. №2755-VI (с изменениями и дополнениями по сост. на 01.01.2014 г.) и Закон Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.).

Как отмечалось выше, с момента принятия Налогового кодекса Украины правовая категория «налоговая обязанность» была закреплена на нормативно-правовом уровне. Данная правовая категория была отражена в указанном нормативно-правовом акте, несмотря на одновременное законодательное закрепление нового перечня обязанностей налогоплательщиков.

Так, в ст. 36 Налогового кодекса Украины определено, что в Украине налоговая обязанность — это *обязанность налогоплательщика* начислить, задекларировать и/или *уплатить сумму налога и сбора* в порядке и сроки, определенные Налоговым кодексом Украины и законами о вопросах таможенного дела. Налоговая обязанность возникает у налогоплательщика по каждому налогу и сбору. Налоговая обязанность является безусловной и первоочередной относительно *иных неналоговых обязанностей налогоплательщика*, кроме случаев, предусмотренных законом. Исполнение налоговой обязанности может осуществляться самостоятельно налогоплательщиком либо с помощью своего представителя или налогового агента. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение налоговой обязанности несет налогоплательщик, кроме случаев, предусмотренных данным кодексом или законами таможенного дела (Verhovnaya Rada Ukraini 2014).

Обязанности налогоплательщика определены отдельной статьей Налогового кодекса Украины (ст. 16). Данная статья насчитывает тринадцать пунктов, отражающих исчерпывающий перечень обязанностей налогоплательщика, среди которых и три обязанности, составляющие категорию «налоговая обязанность» в широком значении, а именно: обязанность вести в установленном порядке учет доходов и затрат, составлять отчетность, относительно исчисления и уплаты налогов и сборов; подавать в контролирующие органы в порядке, установленном налоговым и таможенным законодательством, декларации, отчетность и иные документы, связанные с начислением и уплатой налогов и сборов; уплачивать налоги и сборы в сроки и в размерах, установленных данным кодексом и законами о вопросах таможенного дела.

Исходя из анализа статей 36 и 16 Налогового кодекса Украины, целесообразно сделать вывод о том, что законодатель относит оставшиеся десять обязанностей налогоплательщика к неналоговым обязанностям. Следует отметить, что на сегодняшний день в Украине на нормативно-правовом уровне не определена пра-

вовая категория «неналоговая обязанность», равно как и не определен перечень обязанностей налогоплательщика, составляющий данную правовую категорию.

Таким образом, используя логический метод исследования, следует сделать вывод о том, что все обязанности налогоплательщика, закрепленные на нормативно-правовом уровне, но не являющиеся составляющими правовой категории «налоговая обязанность» в широком значении, являются неналоговыми обязанностями.

Кроме того, правовая категория «налоговая обязанность» распространяется только на обязанности налогоплательщика по отношению к государству.

Субъектами налоговой обязанности в Украине являются: налогоплательщик, представитель и налоговый агент. С целью детализации субъектного состава налоговой обязанности целесообразно рассмотреть данные правовые категории.

Согласно п.п. 15.1.–15.2. ст. 15 Налогового кодекса Украины, налогоплательщиками признаются физические лица (резиденты и нерезиденты Украины), юридические лица (резиденты и нерезиденты Украины) и их обособленные подразделения, которые должны либо получают (предоставляют) объекты налогообложения или осуществляют деятельность (операции), являющиеся объектом налогообложения согласно данному Кодексу или налоговым законам, и на которых возложена обязанность по уплате налогов и сборов. Каждый из налогоплательщиков может быть плательщиком налога по одному или нескольким налогам и сборам.

Пункты 18.1.–18.2. ст. 18 указанного выше нормативно-правового акта говорят о том, что в Украине налоговым агентом признается лицо, на которое данным Кодексом возлагается обязанность по начислению, удержанию налогов с доходов, которые начисляются (выплачиваются, предоставляются) плательщику, и перечислению налогов в соответствующий бюджет от имени и за счет средств плательщика налогов. Налоговые агенты приравниваются к плательщикам налога и имеют права, а также исполняют обязанности, установленные этим Кодексом для налогоплательщиков.

Из анализа п.п. 19.1. – 19.3. ст. 19 Налогового кодекса Украины следует, что налогоплательщик ведет дела, связанные с уплатой налогов, лично или через своего представителя. Личное участие налогоплательщика в налоговых отношениях не лишает его права иметь своего представителя, как и участие налогового представителя не лишает налогоплательщика права на личное участие в таких отношениях. Представителями налогоплательщика признаются лица, которые могут осуществлять представительство его законных интересов и ведение дел, связанных с уплатой налогов, на основании закона или доверенности. Доверенность, выданная налогоплательщиком – физическим лицом на представительство его интересов и ведение дел, связанных с уплатой налогов, должна быть удостоверена в соответствии с действующим законодательством. Представитель налогоплательщика пользуется правами, установленными данным Налоговым кодексом Украины для налогоплательщиков.

Указанное выше дает основание для выводов о том, что основным субъектом налоговой обязанности в Украине (в широком значении) является налогоплательщик, поскольку именно в отношении него возникает налоговая обязанность. Налоговый агент и представитель являются факультативными субъектами нало-

говой обязанности, поскольку их наличие в отношениях налоговой обязанности не обязательно (могут быть, могут не быть в зависимости от волеизъявления налогоплательщика).

Например, физическое лицо – субъект предпринимательской деятельности (самозанятое лицо) – является работодателем в отношении себя, в связи с чем отсутствует необходимость исполнения налоговой обязанности им в статусе налогового агента.

Несмотря на наличие правовой нормы, регламентирующей, что исполнение налоговой обязанности может осуществляться с помощью представителя (ст. 36 Налогового кодекса Украины), представитель налогоплательщика пользуется *правами*, установленными данным Кодексом для налогоплательщиков (ст. 19 Налогового кодекса Украины). Указанный законодательный акт не регулирует переход обязанностей от налогоплательщика к представителю.

Кроме того, в Украине представитель и налоговый агент получают статус субъектов налоговой обязанности лишь на стадии исполнения налоговой обязанности (полномочия, связанные с уплатой налогов, – в случае представительства и исполнения обязанностей налогоплательщика – в случае налогового агента).

Закон Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.) не содержит и не определяет правовую категорию «налоговая обязанность».

П. 1 ст. 15 указанного выше нормативно-правового акта определяет общие обязанности налогоплательщиков, состоящие из 13 пунктов. П.п. 1–3 п.1 ст. 15 Закона Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.) закрепляют на нормативно-правовом уровне следующие основные обязанности налогоплательщика: 1) рассчитывать подлежащие уплате (уплачиваемые) суммы налогов; 2) в установленный срок и в полном объеме уплачивать налоги и пошлины; 3) представлять налоговой администрации предусмотренные данным законом или законами о конкретных налогах налоговые и информативные декларации в письменном виде или электронным способом в установленные нормативными актами сроки.

Как видим, обязанности налогоплательщика, составляющие правовую категорию «налоговая обязанность» в широком значении, фактически отражены в Законе Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.), но не выделены как налоговая обязанность, с установлением приоритета перед иными неналоговыми обязанностями.

Обязанности налогоплательщика классифицированы по критерию субъектности на «общие обязанности налогоплательщика» и «обязанности физических лиц» (условная терминология).

По нашему мнению, не выделяя правовую категорию «налоговая обязанность» в широком значении на нормативно-правовом уровне и не определяя ее приоритет, законодатель Латвийской Республики фактически уравнивал все обязанности налогоплательщика, не учитывая их социальную значимость.

Субъектами налоговой обязанности, согласно Закону Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.), являются плательщики налогов – физические и юридические лица

Латвийской Республики или иностранных государств и образованные на основе договора или соглашения группы таких лиц либо их представители, которые осуществляют облагаемую налогом деятельность или которым гарантирован доход в будущем (Saeim Latvīskoy Respubliki 1995).

Объект конкретного налога и круг плательщиков устанавливаются законом о каждом конкретном налоге. В понимании указанного выше закона и законов о конкретных налогах, плательщиками налогов считаются также лица, облагаемые налогом на добавленную стоимость, и лица, их группы или представители групп, которые удерживают или которые должны удерживать налог из платежей другим лицам, их группам или представителям групп.

От конкретизации налоговой обязанности налогоплательщика и полного ее исполнения напрямую зависит пополнение доходной части бюджетов всех уровней и впоследствии – уровень выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы, стипендий, финансирования государственных программ, программ местного самоуправления и т.д.

С целью наиболее яркой иллюстрации значимости налоговой обязанности выборочно сравним две основные обязанности налогоплательщика, закрепленные на нормативно-правовом уровне и, по мнению законодателей Латвийской Республики, равнозначные в социальном аспекте:

П.п. 2 п.1. ст. 15 Закона Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.): «В установленный срок и в полном объеме уплачивать налоги и пошлины». Последствия для государства и общества в случае неисполнения/ненадлежащего исполнения данной обязанности налогоплательщиком: прямо не предусмотрены на нормативно-правовом уровне, но вытекают из анализа данной обязанности: непоступление/несвоевременное поступление денежных средств в бюджеты всех уровней, возможная невыплата заработной платы работникам бюджетной сферы, стипендий, приостановление финансирования государственных программ, программ местного самоуправления и т.д.

П.п. 6 п.1. ст. 15 Закона Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.): «Позволять чиновникам (работникам) налоговой администрации осматривать в установленном законом порядке используемые для хозяйственной деятельности помещения». Последствия для государства и общества в случае неисполнения/ненадлежащего исполнения данной обязанности налогоплательщиком: прямо не предусмотрены на нормативно-правовом уровне и не вытекают из анализа данной обязанности. При условии добросовестного (полного и своевременного) исполнения налоговой обязанности (состоящей из трех составных обязанностей указанных выше) налогоплательщиком, негативные последствия для государства и общества не наступают, а осмотр помещений налогоплательщика используемых для хозяйственной деятельности, вероятнее всего, не выявит фактов правонарушений и в большинстве случаев утратит свой смысл.

Более того, следует полагать, что при добросовестном (полном и своевременном) исполнении налогоплательщиком налоговой обязанности у органа государственной налоговой службы как в Украине, так и в Латвийской Республике

будут отсутствовать законные основания для осмотра помещений налогоплательщика, используемых для хозяйственной деятельности.

Приведенный выше пример является индивидуальным, а не исчерпывающим. Можно провести сравнительный анализ соотношения налоговой обязанности (как в широком, так и в узком значении) с иными основными обязанностями налогоплательщика и проследить определенную закономерность, а именно:

реализация налогоплательщиком неналоговых обязанностей, предусмотренных нормами налогового законодательства каждого из государств, равно как и компетенциальной правообязанности органов государственной налоговой службы корреспондирующей с определенной неналоговой обязанностью, напрямую связаны с возникновением, изменением и прекращением (в том числе путем исполнения) налоговой обязанности.

На наш взгляд, налоговая обязанность (с указанием ее составляющих) в широком значении, являясь одной из центральных категорий налогового права, должна отражаться на нормативно-правовом уровне в нормах национального законодательства каждого государства и иметь приоритет относительно иных обязанностей налогоплательщика.

В то же время, следует предположить, что налоговая обязанность и обязанности налогоплательщика соотносятся как общее и частное, поскольку обязанности налогоплательщика являются элементами указанных трех составляющих налоговой обязанности в широком значении.

Выводы

1. Охарактеризована правовая природа налоговой обязанности в соответствии с положениями современной правовой доктрины.

В качестве *главной обязанности налогоплательщика* в Латвийской Республике доктринально определено — правильно рассчитать налог, полностью и вовремя уплатить его в бюджет.

В Украине, «налоговая обязанность» представляет собой совокупность закрепленных в действующих нормах налогового законодательства обязанностей, обеспеченных силой государственного принуждения надлежащего (активного позитивного или пассивного позитивного) поведения налогоплательщика. Усматривается возможность выделения родового понятия налоговой обязанности, включающего в себя совокупность обязанностей налогоплательщика.

Таким образом, на сегодняшний день доктринально налоговая обязанность в широком значении существует и в Латвийской Республике, отражая совокупность нескольких (трех) основных обязанностей налогоплательщика (встать на налоговый учет, начислить, уплатить сумму налога и сбора в порядке и сроки, определенные законами).

Более того, комплекс указанных выше обязанностей налогоплательщика определяется в Латвийской Республике как «главная обязанность» по отношению к «основным обязанностям». Именно это, на наш взгляд, и обуславливает необходимость дальнейшего определения налоговой обязанности на нормативно-право-

вом уровне (де-факто, ученые Латвийской Республики уже определили приоритет обязанности налогоплательщика относительно правильного расчета налога, полной и своевременной его уплаты в бюджет, перед иными, в том числе основными обязанностями).

2. Существуют общие черты правовой природы налоговой обязанности в Украине и Латвийской Республике.

Как основные *общие черты* целесообразно выделить:

- 1) в Украине и в Латвийской Республике обязанность по уплате налогов и сборов в порядке и в сроки, установленные Законом (налоговая обязанность в узком значении), является конституционной обязанностью каждого;
- 2) нормы Основных Законов, регламентирующие обязанность по уплате налогов и сборов в порядке и в сроки, установленные Законом (налоговая обязанность в узком значении), являются нормами прямого действия и имеют высшую юридическую силу как в Украине, так и в Латвийской Республике. Все иные законы и нормативные акты должны соответствовать и не противоречить конституционным нормам (м.е. — не создавать юридических коллизий);
- 3) исполнение налоговой обязанности как в узком, так и в широком значениях, независимо от регламентации на нормативно-правовом уровне в обоих государствах обеспечивается императивным методом правового регулирования (способом властного воздействия на субъекта налоговой обязанности);
- 4) специальными нормативно-правовыми актами как в Украине, так и в Латвийской Республике определена система обязанностей налогоплательщиков, представляющая собой исчерпывающий перечень обязанностей последних.

3. Имеют место принципиальные отличия правовой природы налоговой обязанности в Украине и Латвийской Республике.

Как основные принципиальные *отличия* целесообразно выделить:

- 1) наличие в Украине и отсутствие закрепления на нормативно-правовом уровне в Латвийской Республике категории «налоговая обязанность» в широком значении, а также отсутствие регламентации ее структуры;
- 2) в Латвийской Республике обязанности налогоплательщика классифицированы по критерию субъективности на «общие обязанности налогоплательщика» и «обязанности физических лиц» (условная терминология), а в Украине по критерию объективности — на «налоговые обязанности» и «неналоговые обязанности» налогоплательщика с отражением приоритета налоговой обязанности над иными неналоговыми обязанностями;
- 3) в Украине «налогоплательщик», «представитель» и «налоговый агент» на нормативно-правовом уровне определены как три различных субъекта налоговой обязанности. В Латвийской Республике понятие «плательщик налогов» уже включает в себя понятие «представитель» и «лица, их группы или представители групп, которые удерживают или которые должны удерживать налог из платежей другим лицам, их группам или представителям групп» (по сути определения — налоговые агенты). То есть субъект один — плательщик налогов.

4. Сформулирована авторская позиция относительно места налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика.

Несмотря на различную правовую конструкцию и отражение налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика в Украине и Латвийской Республике, в большем количестве усматриваются общие черты, чем принципиальные отличия правовой природы данной категории.

Однако на наш взгляд, учитывая динамику налоговых правоотношений и развитие юридической доктрины, законодателям двух государств целесообразно оптимизировать нормы действующего национального законодательства.

К примеру, законодателям Латвийской Республики стоит рассмотреть вопрос о внесении изменений в Закон Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.) в части выделения правовой категории налоговой обязанности и определения ее содержания, а также приоритета перед иными обязанностями налогоплательщика.

Закон Латвийской Республики «О налогах и пошлинах» от 18.02.1995 г. (ред. от 28.12.2012 г., в силе с 11.01.2013 г.) следует дополнить статьей 15, изложив ее в следующей редакции: «Налоговая обязанность. Налоговая обязанность – это обязанность налогоплательщика начислить, задекларировать и/или уплатить сумму налога и сбора в порядке и сроки, определенные налоговыми законами. Налоговая обязанность возникает у налогоплательщика по каждому налогу и сбору. Налоговая обязанность является безусловной и первоочередной относительно иных обязанностей налогоплательщика, кроме случаев, предусмотренных законом».

Не выделяя правовую категорию «налоговая обязанность» в широком значении на нормативно-правовом уровне и не определяя ее приоритет, законодатель Латвийской Республики фактически уравнивает все обязанности налогоплательщика, не учитывая их социальную значимость.

Для Украины, по нашему мнению, следует внести изменения в п. 19.3. ст. 19 Налогового кодекса Украины, изложив его в следующей редакции: «Представитель налогоплательщика пользуется правами *и исполняет обязанности*, установленные данным Кодексом для налогоплательщиков».

Необходимость данных изменений обусловлена наличием правовой нормы, регламентирующей, что исполнение налоговой обязанности может осуществляться с помощью представителя (ст. 36 Налогового кодекса Украины), однако на нормативно-правовом уровне не регламентирован переход налоговой обязанности между указанными субъектами.

Представленные предложения о возможности оптимизации законодательства, регулирующего налоговую обязанность в Украине и Латвийской Республике, не претендуют на исключительность, но помогут сделать весомый вклад в гармонизацию частных и публичных интересов, что, на наш взгляд, повлечет полноту и своевременность налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Также определение места налоговой обязанности в системе обязанностей налогоплательщика согласно нормам законодательства Украины и Латвийской Республики будет способствовать усовершенствованию национального налогового законодательства указанных государств и, как следствие, созданию благо-

приятного бизнес-климата. Для Украины заимствование позитивного опыта правового регулирования общественных отношений (в том числе налоговых) Латвийской Республики будет являться значительным шагом в адаптации национального законодательства к законодательству Европейского Союза и успешной евроинтеграции.

References

- Duravkin P.M. (2014) *Podatkoviy obov'yazok yak sukupnist' obov'yazkiv platnika podatkiiv*. Available: http://nauka.jur-cademy.kharkov.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=256&Itemid=210&lang=uk (accessed 10.04.2014). (In Ukrainian)
- Yevropeiskoye Soobshchestvo. (2001) *Dogovor o Yevropeyskom Soyuze ot 7.02.1992 (s izmeneniyami, unesyonnimi Amsterdamskim dogovorom ot 2.10.1997 i Nicckim dogovorom ot 26.02.2001*. Available: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/uchred_docs/evr_soюз_nice.htm (accessed 10.04.2014). (In Russian)
- Hrabrov A.O. (2003) Problemi pravovogo reguluyvaniya ponyattya "podatkoviy obov'yazok". Panov M.I. (red.) *Problemi rozvitku yuridichnoy nauki u novomu stolyetti // Проблеми розвитку юридичної науки у новому столітті*, pp. 116–118. (In Ukrainian)
- Kucheryavenko N.P. (2005) *Kurs nalogovogo prava*. Hmel'nickiy: Pravo. (In Russian)
- Lazdins J., Ketners K. (2012) Tiesu nolemumu ietekme uz Latvijas nodokl'u tiesibu dinamiku. *Latvijas Universitates Zhurnals*, No. 3, pp. 21–40. (In Latvian)
- Lukashina O., Ketners K. (2008) *Nalogi v Yevropeyskom Soyuze i v Latvii. Sravnitel'niy analiz i prakticheskiye rekomendacii*. Riga: Merkurijs. (In Russian)
- Prezident Ukraini. (2013) Pro nacional'niy plan diy na 2013 rik schodo vprovadzheniya Programi yekonomichnih reform na 2010–2014 roki "Zamozhnye suspil'stvo. Konkurentospromozhna yekonomika, yefektivna derzhava": Ukaz vid 12.03.2013 No. 128/2013. *Oficiyniy visnik Ukraini*, No. 21. (In Ukrainian)
- Saeim Latviyskoy Respubliki. (1991) Prava i ob'azannosti cheloveka i grazhdanina. *Konstitucionniy Zakon Latviyskoy Respubliki ot 10.12.1991*. Available: http://latvia.news-city.info/docs/sistemsd/dok_iermtb.htm (accessed 10.04.2014). (In Russian)
- Saeim Latviyskoy Respubliki. (1995) O nalogah i poshlinah: *Zakon Latviyskoy Respubliki ot 18.02.1995*. Available: http://www.baltikon.lv/?object_id=193 (accessed 10.04.2014). (In Russian)
- Verhovnaya Rada Ukraini. (1996) Konstituciya Ukraini zi zmin. ta dop.: Zakon Ukraini vid 28.06.1996 No. 254k/96-BP. *Vidomosti Verhovnoy Radi Ukraini*, No. 30. (In Ukrainian)
- Verhovnaya Rada Ukraini. (2004) Pro Zagal'noderzhavnu programu adaptacii zakonodavstva Ukraini do zakonodavstva Yevropeyskogo Soyuzu. Zakon Ukraini vid 18.03.2004 No. 1629-IV. *Vidomosti Verhovnoy Radi Ukraini*, No. 29. (In Ukrainian)
- Verhovnaya Rada Ukraini. (2014) *Podatkoviy kodeks Ukraini stanom na 01.01.2014*. Available: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2755-175> (accessed 10.04.2014). (In Ukrainian)
- Zaharov A.S. (2010) *Nalogovoye pravo YeS: aktual'niye problemi funkcionirovaniya yedinoi sistemi*. Moskva: Volters Kluver. (In Russian)

AUTORI

- Dina Bite** Dr.sc.soc., Latvijas Lauksaimniecības universitātes Ekonomikas un sabiedrības attīstības fakultātes Sociālo un humanitāro zinātņu institūta docente, Latvija
dina.bite@llu.lv
- Aivis Dombrovskis** Dr.psych., Mg.paed., psihologs, psihoterapeits, Latvija
aivis_dombrovskis@inbox.lv
- Ginta Kronberga** Dr.sc.soc., Latvijas Lauksaimniecības universitātes Ekonomikas un sabiedrības attīstības fakultātes Sociālo un humanitāro zinātņu institūta docente, Latvija
ginta.kronberga@llu.lv
- Margarita Nesterova** Dr.psych., Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes Sociālo pētījumu institūta pētniece, Latvija
margarita.nesterova@du.lv
- Alla Oleņņika** Ph.D., Ekonomikas un tiesību Doņeckas universitātes Valsts- un krimināltiesisko disciplīnu katedras docente, Ukraina
oleynik-alla@mail.ru
- Aleksejs Ruža** Dr.psych., asociētais profesors, Daugavpils Universitātes Sociālo zinātņu fakultātes Sociālās psiholoģijas katedras vadītājs, Latvija
aleksejs.ruza@du.lv
- Jeļena Vankeviča** Dr.oec., profesore, Vitebskas Valsts tehnoloģiskās universitātes Zinātniskā darba prorektore, Baltkrievija
vankevich_ev@tut.by

AUTHORS

- Dina Bite** Dr.sc.soc., assistant professor of the Institute of Social Sciences and Humanities of the Faculty of Economics and Social Development of the Latvia University of Agriculture, Latvia
dina.bite@llu.lv
- Aivis Dombrovskis** Dr.psych., Mg.paed., psychologist, psychoterapeit, Latvia
aivis_dombrovskis@inbox.lv
- Ginta Kronberga** Dr.sc.soc., assistant professor of the Institute of Social Sciences and Humanities of the Faculty of Economics and Social Development of the Latvia University of Agriculture, Latvia
ginta.kronberga@inbox.lv
- Margarita Nesterova** Dr.psych., researcher of the Institute of Social Research of the Faculty of Social Sciences of the Daugavpils University, Latvia
margarita.nesterova@du.lv
- Alla Oliynyk** Ph.D., assistant professor of the Department of State and Criminal Law's Disciplines of the Donetsk University of Economics and Law, Ukraine
oleynik-alla@mail.ru
- Alexey Ruza** Dr.psych., associate professor, Head of the Department of Social Psychology of the Faculty of Social Sciences of the Daugavpils University, Latvia
aleksejs.ruza@du.lv
- Yelena Vankevich** Dr.oec., professor, Vice-Rector for Research Work of the Vitebsk State Technological University, Belarus
vankevich_ev@tut.by

АВТОРЫ

- Дина Бите** Dr.sc.soc., доцент Института социальных и гуманитарных наук Факультета экономики и развития общества Латвийского Сельскохозяйственного университета, Латвия
dina.bite@llu.lv
- Айвис Домбровскис** Dr.psych., Mg.paed., психолог, психотерапевт, Латвия
aivis_dombrovskis@inbox.lv
- Гинта Кронберга** Dr.sc.soc., доцент Института социальных и гуманитарных наук Факультета экономики и развития общества Латвийского Сельскохозяйственного университета, Латвия
ginta.kronberga@llu.lv
- Маргарита Нестерова** Dr.psych., исследователь Института социальных исследований Факультета социальных наук Даугавпилсского Университета, Латвия
margarita.nesterova@du.lv
- Алла Олейник** Кандидат юридических наук, доцент Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Донецкого университета экономики и права, Украина
oleynik-alla@mail.ru
- Алексей Ружа** Dr.psych., ассоциированный профессор, заведующий Кафедрой социальной психологии Факультета социальных наук Даугавпилсского Университета, Латвия
aleksejs.ruza@du.lv
- Елена Ванкевич** Доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», Республика Беларусь
vankevich_ev@tut.by

AUTORU IEVĒRĪBAI

Žurnālā “Sociālo Zinātņu Vēstnesis” tiek publicēti oriģināli zinātniskie raksti sociālajās zinātnēs (socioloģijā, politikas zinātnē, ekonomikā, sociālajā psiholoģijā, tiesību zinātnē), kā arī zinātnisko pētījumu recenzijas, konferenču apskati, informācija par zinātnisko dzīvi. Redakcija rakstus pieņem angļu, latviešu un krievu valodā. Rakstu problemātika nav ierobežota.

Redakcijā iesniegtie raksti tiek recenzēti. Atsauksmi par katru rakstu sniedz divi recenzenti, kā arī žurnāla redaktors. Redakcija ievēro autoru un recenzentu savstarpējo anonimitāti. Rakstu autoriem ir tiesības iepazīties ar recenzijām un kritiskām piezīmēm un, nepieciešamības gadījumā, koriģēt savus pētījumus, veikt tajos labojumus un grozījumus, par termiņu vienojoties ar redaktoru. Redakcijai ir tiesības veikt nepieciešamos stilistiskos labojumus, kā arī precizēt raksta zinātniskā aparāta noformējumu. Redakcijas izdarītie labojumi tiek saskaņoti ar autoru.

Raksti tiek vērtēti saskaņā ar pieņemtajiem zinātniskuma kritērijiem: pētījuma atbilstība mūsdienu teorētiskajam līmenim izvēlētajās problēmas izpētē; pietiekama empīriskā bāze, empīriskā materiāla oriģinalitāte; hipotēžu, atziņu un rekomendāciju oriģinalitāte un novitāte; pētāmās tēmas aktualitāte. Tiek vērtēta arī izklāsta loģika un saprotamība. Atlasot rakstus publicēšanai, priekšroka tiek dota fundamentālas ievirzes pētījumiem.

Redakcija honorārus nemaksā, manuskriptus un disketes (vai CD) atpakaļ neizsniedz.

Raksta noformēšana

Raksti, kuru noformēšana neatbilst prasībām, netiks pieņemti publicēšanai.

Raksta apjoms: 0,75 – 1,5 autorlokšnes (30000–60000 zīmju, atstarpes ieskaitot).

Raksta manuskripts iesniedzams pa elektronisko pastu. Teksts jāsaliek, izmantojot *Times New Roman* šriftu (*WinWord 2000/XP*); burtu lielums – 12 punkti, intervāls starp rindām – 1. Teksta attālums no kreisās malas – 3,5 cm, no labās malas – 2,5 cm, no apakšas un no augšas – 2,5 cm. Ja tiek izmantotas speciālās datorprogrammas, tad tās iesniedzamas kopā ar rakstu.

Raksta kopsavilkums: 2000–2500 zīmju. Rakstiem latviešu valodā kopsavilkums jāsgatavo angļu un krievu valodā; rakstiem angļu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu un krievu valodā; rakstiem krievu valodā jāpievieno kopsavilkums latviešu un angļu valodā.

Raksta valoda: zinātniska, terminoloģiski precīza. Ja autors gatavo rakstu svešvalodā, tad viņam pašam jā rūpējas par raksta teksta valodniecisko rediģēšanu, konsultējoties ar attiecīgās sociālo zinātņu nozares speciālistu – valodas nesēju. *Raksti, kuru valoda neatbilst pareizrakstības likumiem, netiks izskatīti un recenzēti.*

Raksta zinātniskais aparāts. Atsauces ievietojamas tekstā pēc šāda parauga: (Turner 1990); (Mills, Bela 1997). Piezīmes un skaidrojumi ievietojami raksta beigās. Tabulas, grafiki, shēmas un diagrammas noformējami, norādot materiāla avotu, nepieciešamības gadījumā arī atzīmējot tabulu, grafiku, shēmu izveides (aprēķināšanas, datu summēšanas utt.) metodiku. Visiem tāda veida materiāliem jānorāda kārtas numurs un virsraksts.

References jāveido un jānoformē šādi:

Monogrāfijas (grāmatas un brošūras):

Mills Ch. R. (1998) *Sociologicheskoje vooobrazhenie*. Moskva: Strategiya. (In Russian)
Turner J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Raksti krājumos:

Turner R. H. (1990) A Comparative Content Analysis of Biographies. Øyen, E. (ed.) *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications, pp. 134–150.

Raksti žurnālos:

Bela B. (1997) Identitātes daudzveidība Zviedrijas latviešu dzīvesstāstos. *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vestis, A*, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Raksti laikrakstos:

Strazdins I. (1999) Matemātika pasaule un Latvija. *Zinātnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materiāli no interneta:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktūra un datu bāze Latgales dati*. (In Latvian)
Pieejams: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (skat. 20.10.2002).

References sakārtojamas autoru uzvārdu vai nosaukumu (ja autors ir institūcija) latīņu alfabēta secībā.

NOTES FOR CONTRIBUTORS

“Social Sciences Bulletin” publishes original research papers on the problems of social sciences (sociology, political sciences, economics, social psychology, law), as well as review articles, information on conferences and scientific life. The Editorial Board accepts articles in English, Latvian, and Russian. The scope of problems of articles is not limited.

The articles submitted to the Editorial Board are reviewed by two reviewers and the editor. The Editorial Board observes mutual anonymity of the authors and the reviewers. The authors have a right to get acquainted with the reviews and the critical remarks (comments) and, if it is necessary, they may make some changes, coming to an agreement about the terms with the editor. The Editorial Board has a right to make necessary stylistic corrections, change the layout of the scientific paper to come to the uniformity of the layout. The corrections made by the Editorial Board will be agreed with the author.

The articles are evaluated according to the adopted scientific criteria: correspondence of the research to the present-day theoretical level in the domain of the chosen problem; sufficient empirical basis; originality of empirical material; originality of hypotheses, conclusions, and recommendations; topicality of the subject investigated. The logics and clearness of the exposition is evaluated as well. Preference is given to fundamental studies.

The Editorial Board does not pay royalties; manuscripts and diskettes (or CDs) are not given back.

Layout of Manuscripts

Articles, which do not have an appropriate layout, will not be accepted.

Volume of article: 30,000 – 60,000 characters with spaces.

Manuscript should be submitted by e-mail. Text should be composed using *Times New Roman* font (*WinWord 2000/XP*); font size – 12, line spacing – 1. Text should be aligned 3.5 cm – from the left side, 2.5 – from the right side, 2.5 cm – from the top and the bottom. If special computer programmes are used, then they should be submitted together with the article.

Summary: 2,000–2,500 characters. Articles in Latvian should contain a summary in English and Russian; articles in English should be provided with a summary in Latvian and Russian; articles in Russian should contain a summary in Latvian and English.

Language of article: scientific, terminologically precise. If author prepares an article in a foreign language, then he/she should take trouble about the linguistic correction of the written text consulting a specialist of the corresponding branch of social sciences – native speaker. *Articles, which have a wrong spelling, will not be accepted and reviewed.*

Layout of article. References should be placed in a text according to the example: (Turner 1990); (Mills, Bela 1997). Explanations and comments should be given in the endnotes. Tables, charts, schemes, diagrams, etc. should have indication of the source of the material and, if necessary, then the method of making the table, the chart, the scheme (calculations, data gathering, etc.) should be marked. These materials should have ordinal numbers and titles.

References should be compiled according to the given samples:

Monographs (books, brochures):

Mills Ch. R. (1998) *Sociologicheskije voobrazhenie*. Moskva: Strategiya. (In Russian)
Turner J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Articles in collections:

Turner R. H. (1990) A Comparative Content Analysis of Biographies. Øyen, E. (ed.) *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications, pp. 134–150.

Articles in magazines:

Bela B. (1997) Identitātes daudzbalstība Zviedrijas latviešu dzīvesstāstos. *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Articles in newspapers:

Strazdins I. (1999) Matemātikā pasaule un Latvija. *Zinātnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Materials from the Internet:

Soms H. *Vestures informatikā: Saturs, struktūra un datu bāze Latgales dati*. (In Latvian)
Available: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (accessed 20.10.2002).

References should be compiled in the Roman alphabet's order according to the authors' names or titles (if the institution is the author).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Вестник социальных наук» публикуются оригинальные научные статьи по проблемам социальных наук (социологии, политических наук, экономики, социальной психологии, юриспруденции), а также рецензии на научные исследования, обзоры конференций, информация о научной жизни. Редакция принимает статьи на английском, латышском и русском языке. Проблематика статей не ограничивается.

Статьи, представленные в редакцию журнала, рецензируются. Отзыв о каждой статье дают два рецензента, а также редактор журнала. Редакция соблюдает принцип анонимности авторов и рецензентов. Авторы статей имеют право ознакомиться с рецензиями и критическими замечаниями и, в случае необходимости, внести исправления и изменения в свои исследования, причем срок внесения корректировок должен согласовываться с редактором. Редакция сохраняет за собой право внести в статью необходимые стилистические исправления, а также изменения в оформлении научного аппарата с целью достижения его единообразия. Исправления, произведенные редакцией, согласуются с автором.

Статьи оцениваются в соответствии с критериями научности: соответствие современному теоретическому уровню в изучении выбранной проблемы; достаточная эмпирическая база; оригинальность эмпирического материала; новизна и оригинальность гипотез, положений, рекомендаций; актуальность темы исследования. Оценивается также сама логика и ясность изложения. При отборе статей для публикации преимущество дается исследованиям фундаментального характера.

Редакция гонорары не выплачивает, рукописи и дискеты (или CD) не возвращает.

Оформление рукописи статьи

Статьи, оформление которых не будет соответствовать данным требованиям, к публикации не принимаются.

Объем статьи: 0,75 – 1,5 авторских листа (30000 – 60000 знаков, включая пробелы).

Рукопись статьи должна быть представлена по электронной почте. Текст набирается шрифтом *Times New Roman (Win Word 2000/XP)*; размер букв – 12, межстрочный интервал – 1. Поля слева – 3,5 см, справа – 2,5 см, сверху и снизу – 2,5 см. Если в наборе статьи использовались специальные компьютерные программы, то они должны быть представлены в редакцию.

Резюме: 2000–2500 знаков. Статьи на латышском языке сопровождаются резюме на английском и русском языке; статьи на английском языке – резюме на латышском и русском языке; статьи на русском языке – резюме на латышском и английском языке.

Язык статьи: научный, терминологически точный. Если автор готовит статью на иностранном (неродном) языке, то он должен сам позаботиться о лингвистическом редактировании статьи; желательна консультация носителя языка, являющегося специалистом соответствующей отрасли социальных наук. *Статьи, язык которых не соответствует правилам правописания, не будут рассматриваться и рецензироваться.*

Научный аппарат статьи. Ссылки даются в тексте по следующему образцу: (Turner 1990); (Mills, Bala 1997). Примечания и пояснения располагаются после основного текста. В оформлении таблиц, графиков, схем, диаграмм должны указываться ссылки на источник материала, при необходимости также должна указываться методика разработки (расчета данных, выведения сводных показателей и т.д.) таблиц, графиков, схем. Все подобные материалы должны иметь заголовки и порядковые номера.

Библиография должна быть составлена и оформлена точно, в соответствии с предлагаемыми ниже образцами:

Монографии (книги и брошюры):

Mills Ch. R. (1998) *Sociologicheskoe vobrazhenie*. Moskva: Strategiya. (In Russian)

Turner J. H. (1974) *The Structure of Sociological Theory*. Homewood (Illinois): The Dorsey Press.

Статьи в сборниках:

Turner R. H. (1990) A Comparative Content Analysis of Biographies. Øyen, E. (ed.) *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. London, etc.: Sage Publications, pp. 134–150.

Статьи в журналах:

Bela B. (1997) Identitates daudzbalsiba Zviedrijas latviesu dzivesstastos. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis*, A, 51, Nr. 5/6, 112.–129. lpp. (In Latvian)

Shmitt K. (1992) Ponyatie politicheskogo. *Voprosi sociologii*, № 1, str. 37–67. (In Russian)

Статьи в газетах:

Strazdins I. (1999) Matematiki pasaule un Latvija. *Zinatnes Vestnesis*, 8. marts. (In Latvian)

Материалы в Интернете:

Soms H. *Vestures informatika: Saturs, struktura un datu baze Latgales dati*. (In Latvian)
Dostupno: <http://www.dpu.lv/LD/LDpublik.html> (sm. 20.10.2002).

Библиография составляется в алфавитном порядке фамилий или названий (если автором является институция) авторов в соответствии с латинским алфавитом.

Sociālo Zinātņu Vēstnesis
2014 1 (18)

Maketētāja **Marina Stočka**
Makets sagatavots DU Akadēmiskajā apgādā "Saule"